ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ XXI

Общественно-политический журнал

№9 октябрь 2020

Уроки истории

Борис Славин

Григорий Водолазов

Давид Эпштейн

Вадим Мухачев

Константин Щербаков и др.

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ XXI

Редакционная коллегия

СЛАВИН Б.Ф. Главный редактор

БАБИЧ Д.О.

ВАСИНА Л.Л.

ВОДОЛАЗОВ Г.Г.

ВОЕЙКОВ М.И.

ДЗАРАСОВ Р.С.

КОТЕЛЬНИКОВ М.Е. Зам. глав. ред.

КУЗНЕЦОВ М.И.

МАСЛОВ В.Н.

МАХЛАЕВ А.В.

НИКОВСКАЯ Л.И.

ОБОЛЕНСКИЙ М.А.

ПЕТРОВ А.А.

ПАВЕЛЬЕВ Д.Д. (отв. секретарь)

ПОТАПОВА С.Р.

РОМАНОВ Б.С.

РУДЫК Э.Н.

СТРАТИЕВСКИЙ Д.В.

ТОЩЕНКО Ж.Т.

ШАРАКШАНЭ С.А.

ЭПШТЕЙН Д.Б.

Основные рубрики

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ

ЭКОНОМИКА

АНАЛИТИКА

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУКА И КУЛЬТУРА

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ЗА РУБЕЖОМ

ВЕСТИ ИЗ РЕГИОНОВ

ДИСКУССИИ

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ

ОБЗОР НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Электронный адрес редакции:

socialdemocracyxxi@gmail.com

Адрес в Интернете:

social-democracy.ru

© Редакция журнала «Демократия и социализм XXI»

Содержание

ТЕОРИЯ

Борис СЛАВИН. О социализме, свободе и тоталитаризме.....4

Григорий ВОДОЛАЗОВ. Что делать и чего не делать? (Уроки истории).....30

ЭКОНОМИКА

Давид ЭПШТЕЙН. О реальных темпах роста экономики России
и доходов населения с 1991 года.....83

ИСТОРИЯ

Вадим МУХАЧЕВ. С открытым забралом к свободе всех и каждого
(К 200-летию со дня рождения Фридриха Энгельса).....89

Игорь ЛОЗБЕНЕВ, Татьяна ЛОЗБЕНЕВА. Владимир Ильич Ленин
и борьба за политическое лидерство в России в 1917 г.
(К 150-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина).....111

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Виктор АРСЛАНОВ. Памяти Л.К. Науменко.....134

ПОЛИТЧЕСКАЯ САТИРА

Константин ЩЕРБАКОВ. «Фенечки» (Очень человеческая комедия).....136

Давид ПАВЕЛЬЕВ. Кандидат в депутаты.....157

ОБЗОР НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«КУРСОВАЯ РАБОТА». Воспоминания и размышления
студентов-"шестидесятников".....166

РЕЦЕНЗИИ И ОТВЕТЫ

Прохор СМИРНОВ. Юлий Мартов: нравственность и революция.....180

АРХИВЫ И МЕМУАРЫ

Григорий ВОЛГИН. Штрихи военного бытия. Четыре встречи.....194

Юлиан НАДЕЖДИН. Вот и кончилась война (Семейный архив).....204

НАШИ АВТОРЫ.....212

Борис СЛАВИН

О социализме, свободе и тоталитаризме

Факты прошлой и современной истории свидетельствуют, что действительность буржуазного общества за столетия своего существования так и не сумела снять ключевое противоречие между трудом и капиталом: максимум, что ей удалось – это смягчить и модифицировать его в развитых странах мира. Одновременно современный капитализм породил новые проблемы, связанные с острыми противоречиями процесса глобализации, международным терроризмом, экологической безопасностью населения земли, растущим антагонизмом между Севером и Югом, социальной беззащитностью эмигрантов в развитых странах, трагедией народов Югославии и Ирака, резким падением жизненного уровня граждан в России. Нет никакой уверенности, что капитал, в принципе, может решить эти или подобные проблемы. Там, где есть корыстные интересы наживы, - страдания простых людей будут продолжаться.

В первую очередь это относится к России, где реставрированный в 90-е гг. капитализм приобрел наиболее варварские и разрушительные формы. Вместе с тем, чем глубже буржуазные отношения входят в плоть российской действительности с ее атрибутами поклонения «золотому тельцу», общественного неравенства, непрекращающихся национальных и социальных конфликтов, безработицы и низкопробной массовой культуры, тем больше людей ищут им действенную альтернативу. Если не брать во внимание религию, которая сегодня всячески навязывается властями общественному сознанию, то такой альтернативой может быть только социализм с его идеалами свободы, справедливости, гуманизма и интернационализма.

«Социализм» - понятие многозначное. Оно связано с характеристикой общественного устройства, названием политических движений и партий, определенной идеологией и т.д. Существуют разные основания при различении типов социализма. Например, с классовой точки зрения говорят о феодальном, буржуазном, мелкобуржуазном и пролетарском социализмах. Характеризуя властные отношения, выделяют

государственный, бюрократический, демократический и самоуправленческий социализмы. С позиций познания и практической осуществимости рассматривают научный, утопический, идеальный, реальный, «мутантный» и др. виды социализма.

Как известно, понятие «социализм» было впервые введено в научный оборот Пьером Леру в качестве альтернативы понятию «индивидуализм[1]». Оно подчеркивало значение и роль общественного начала в человеческом сообществе. Отсюда некоторые теоретики стали видеть отличительную специфику социализма только в преобладании общественного начала над частным[2]. И хотя в таком понимании социализма есть доля истины, я не склонен его преувеличивать. В этом случае понятие «социализм» приобретает во многом внеисторический, сугубо абстрактный характер. Так примат общего над частным можно наблюдать и в первобытных обществах, однако называть их социалистическими вряд ли возможно. Как известно, Маркс связывал специфику социализма прежде всего с материальными предпосылками его зарождения в недрах капиталистического общества, в частности, с тенденциями реального обобществления труда и наличием активного рабочего класса. Социализм в научном понимании, конечно, начинается со взятия власти рабочим классом и кончается ликвидацией всех и всяческих классов. В этом смысле социализм выступает посткапиталистическим обществом, которое наследует у капитализма все лучшее, что накоплено мировой цивилизацией и культурой.

Многомерность научного понятия «социализм» наиболее наглядно проявляется в его различных определениях. Так, с философско-исторической точки зрения социализмом называют первой фазой преодоления эксплуатации и всех видов социального отчуждения; с экономической точки зрения социализм выступает как результат реального обобществления производства; с точки зрения процесса строительства нового общества, социализм – это живое творчество масс; наконец, с социально-политической точки зрения – это власть трудящихся, утверждение демократии, самоуправления и свободы личности.

Давая самое общее и простое определение понятию «социализм», можно сказать, что наука видит в нем такое общество, в котором власть принадлежит трудящимся и служит удовлетворению их интересов.

---

1 см. подробнее Б.Ф.Славин. Социализм и Россия. М.: Едиториал УРСС, 2004,с.29, 69 и др.

2 см.: «Коммунист», №4, 1991, с.31

К сожалению, бывшая советская власть, провозгласившая своей конечной целью построение социализма в СССР, на практике, не всегда выражала и удовлетворяла интересы людей труда. Мало того, она нередко направлялась против них: незаконные массовые репрессии в сталинские времена, нарушение социальной справедливости и двойная мораль в брежневскую эпоху, неумение вовремя оседлать научно-техническую революцию и поднять жизненный уровень народа в восьмидесятые годы полностью подтверждают этот тезис. Именно эти негативные явления послужили, в конечном счете, причиной ее крушения в начале девяностых годов.

«Проницательный читатель» может спросить, зачем так много говорить о социализме, если он уже сошел в нашей стране с исторической сцены? Отвечу просто: история социализма не сразу делается. Есть много людей и политических партий, до сих пор разделяющих и отстаивающих социалистические идеалы. Нельзя также сбрасывать со счетов и те завоевания трудящихся, которые были рождены Октябрьской революцией и наглядно проявились в ликвидации остатков средневековья и социально-экономического неравенства, в решении проблемы трудовой занятости и удовлетворении основных потребностей населения, индустриализации и создании стабильной системы социальной защиты, в массовом образовании, передовой науке и культуре. Эти завоевания до сих пор во многом продолжают стабилизировать политическую обстановку в России, во второй раз переживающей первоначальное накопление капитала со всеми вытекающими отсюда негативными, а иногда и трагическими последствиями. Как революция находит свою меру в реставрации, так и социализм в России может найти свою меру в становлении современного дикого капитализма.

Во всяком случае, не следует забывать, что падение советского социализма - лишь исторический зигзаг на пути прогрессивного развития человечества. Оно не означает прекращения социалистического строительства в других странах, тем более оно не означает исчезновение социалистических идей и ценностей: напротив, они продолжают сохранять свою актуальность для тех, кто ищет действенную альтернативу миру отчуждения и насилия, кто считает, что лучший мир возможен, и за него следует бороться.

Умение видеть противоречивость реального капитализма и социализма, их сильные и слабые стороны дает возможность правильно наметить линию в спорах о необходимости и прогрессивности идеала социализма, под которым мы понимаем такое общество, где труд властвует над капиталом в отличие от классического

буржуазного общества, где капитал господствует над трудом. В таком обществе прошлое постепенно перестает господствовать над настоящем, и люди начинают сознательно творить свою историю, подчиняя себе вещи и общественные отношения. В тоже время переходный характер социализма показывает возможность сосуществования в этом обществе элементов прошлого (капитализм) и будущего (коммунизм).

В литературе понятие «социализм» часто связывают только с господством общественной собственности на средства производства. Такое узкое понимание социалистического общества явно недостаточно. Оно носит сугубо экономический характер. Маркс, напротив, отождествлял социализм с переходом к гуманистическому обществу, где экономика становится не целью, а средством социального и духовного развития людей. Что же собой представляет социализм в его философской и научной аутентичности? Каковы его характерные и сущностные признаки?

Нам представляется, что *отличительным признаком, позволяющим выделить концептуальный стержень разных ипостасей и граней социализма является идея свободы.* Она выступает действенной альтернативой зависимости человека от денег, разделения труда и социального отчуждения в буржуазном обществе. Движение к социализму означает ничто иное, как рост реальной свободы человека. При социализме начинает исчезать всякое отчуждение, свойственное прошлой истории, и человек возвращается к себе как человеку общественному. Здесь люди постепенно перестают противостоять друг другу как враждебные классовые индивиды. Они начинают дополнять и творить друг друга как свободные существа, наделенные разумом и сердцем.

Сегодня необходимо возродить и развить понятие социализма как всеобщего дела свободы. В этом же смысле следует говорить и о всемирно-исторической миссии рабочего класса, призванного, в конечном счете, освободить самого себя и все человечество от всех форм угнетения и порабощения, сделать труд каждого человека творческим и всеобщим. Можно сказать, что рабочий класс является объединителем человечества для высвобождения его созидательных потенций и производительных сил. Логически и исторически верно заключение о том, что социализм есть такой феномен, который, преодолевая крайности индивидуализма, генетически связан с такими фундаментальными ценностями, как солидарность, справедливость, гуманизм и свобода. При этом, свобода здесь не должна пониматься только через отрицание, только как свобода «от». В крайнем своем

выражении подобная свобода есть свобода от всего материального. Понятно, что она не достижима в реальном мире: ее удел - это потусторонний религиозный мир.

Марксистское понимание свободы, напротив, позитивно и материалистично. В этом случае она определяется через такие понятия как «власть», «мощь», «господство», «деятельность», «труд». Свобода – это власть человека над окружающей его природной и социальной средой, над реальными обстоятельствами жизни. Свобода без власти – звук пустой.

Маркс и Ленин использовали категорию «свобода» для обозначения конечной цели революционной борьбы рабочих не случайно. Она наиболее полно выражает сознательное отношение людей к условиям их жизни. Без нее невозможно управление общественными отношениями и ходом истории. В таком понимании свободы человек рассматривается не как пассивный объект управления, а как творческий и активный субъект деятельности или самодеятельности. Социализм с необходимостью возникает там, где власть используется в интересах трудящихся, для их полного освобождения от всех форм рабства и угнетения. По Марксу и Энгельсу, свобода – это «преодоление препятствий», это «власть над обстоятельствами и отношениями», опирающаяся на познание объективных законов природы и общества[1].

Отсюда понятно, что свобода трудящихся невозможна без взятия ими политической власти, призванной выражать их всеобщие интересы. Не может быть свободы и без экономической власти, без собственности на средства производства. При этом следует заметить, что частная собственность ведет к свободе частного собственника, общественная собственность - к свободе всего общества или отдельных объединений и ассоциаций трудящихся. В условиях господства частной собственности свобода для одних означает несвободу для других - «чужое» для них дело.

Реальной свободой обладают те, кто владеет средствами производства и обращения. При этом производство должно экономически и технологически дозреть до обобществления, до ассоциированной собственности - материальной основы «свободной ассоциации» людей. Общественная или ассоциированная собственность - не сама по себе свобода, а лишь ее необходимая основа, условие, путь к ней. Этот путь может быть искажен, если общим достоянием распоряжается не общество, а бюрократия.

1 Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.,т.3, с.292,298; т.20, с.116 и др.

Есть важный аспект технологической свободы, которая возвышает человека над природой, над отношениями вещей. Свобода иллюзорна при низком уровне производительных сил, при формальном или насильственном обобществлении. Овладение стихией производственных отношений определяет свободу в экономической сфере. Свобода в социальной сфере есть сначала смягчение, а затем и ликвидация зависимости от тяжелых условий труда и быта. Человек не должен страдать от тяжести физического труда, нищеты, убогости быта и сферы обслуживания. Решение этих проблем способствует росту степеней социальной свободы. Свобода в области культуры – это овладение людьми ценностями высокой культуры в противоположность владению стандартизованной массовой культурой. Только преодолев пропасть бескультурья, достигнув высот в духовном развитии каждого человека можно говорить о свободе в этой сфере. Культура производства, обмена, торговли, общения и т.д. лишь отдельные проявления такой свободы.

Выяснение сущности свободы подводит нас к более глубокому пониманию социализма. В отличие от свободы немногих в капиталистическом обществе, социализм имманентно связан со свободой многих, т.е. большинства трудящихся. Повторюсь, трудящиеся достигают свободы лишь тогда, когда овладевают политической и экономической властью, когда используют ее в интересах всех объединившихся вокруг них индивидов, всего общества. Здесь корни подлинного коллективизма. Социализм – это коллективисткое общество, это движение людей труда ко всеобщему благу.

Анализ античного, азиатского, феодального и специально капиталистического - способов производства привел К.Маркса к выводу о естественно-историческом вызревании социально-экономических предпосылок социалистического общества, преодолевающего отчуждение, эксплуатацию человека человеком, индивидуализм и эгоизм. По его мнению, такое общество, рано или поздно, породит утверждающий коллективизм, как гармонию личных и общественных интересов, как свободу и взаимопомощь, умножающих творческие возможности каждого индивида. Такое органическое взаимодействие индивида, и коллектива, личности и общества, и есть подлинный социализм, который отличается, с одной стороны, от капитализма, с его анархией и эгоизмом интересов, а, с другой - от «казарменного коммунизма», в котором происходит тоталитарное поглощение личности государством.

Для Маркса и его последователей индивидуальное проявление свободы возможно лишь в коллективе, в обществе, ибо человеческий индивид по природе

своей сугубо общественное существо. В условиях подлинного социализма или коллективизма свобода личности обеспечивается ассоциацией и посредством нее. Коллективность, в том числе, государственность должны выступать не противоположностью личности, а условием ее свободного развития и выражения. Здесь контроль трудящихся над государством основное условие. Свобода, начинается там, где государство полностью подчинено и подконтрольно народу, где коллектив не противостоит личности, а продолжает ее.

Формула социалистической демократии: «власть трудящихся, для трудящихся и посредством трудящихся» является, на мой взгляд, определяющей для специфики социализма. В этом смысле демократия и социализм понятия неразрывные. При имевшихся в советской истории деформациях государства это коренное свойство социализма смазывается. Когда власть трудящихся узурпируется и от их имени начинает править один человек, или узкая группа лиц (бюрократия), свобода масс исчезает, и нарастают многообразные процессы социального отчуждения. Бюрократизм и формализм власти порождает отчуждение человека от человека, от труда и самой власти. Раскрестьянивание, чрезмерная работа на фабрике или заводе, антигуманизм в социальной сфере - примеры обратного движения от свободы к рабству, это прямое извращение социалистического идеала и социалистического бытия. Именно это извращение и берется за основу при критике социализма. Так, сегодня псевдодемократическая критика социализма без конца повторяет максиму известного неолиберального фундаменталиста Ф.Хайека о том, что «социализм – это дорога к рабству». Но нельзя забывать, что для Ф.Хайека социализм тождественен безликому бюрократическому планированию и тотальному коллективизму, в котором нет личности, а, стало быть, и свободы.

На самом деле, социализм как результат сознательного подхода к истории, не сводится только к планированию. Отождествление социализма с директивным планированием весьма далеко от научного или марксистского его видения. В этой связи следует напомнить - известный спор Ленина и Плеханова по поводу содержания первой Программы социал-демократической партии России, где Плеханов пытался связать определения социализма только с планированием и удовлетворением потребностей людей. В ответ Ленин говорил, что планирование и удовлетворение потребностей осуществляется в определенной степени и при капитализме трестами. Социализм есть нечто большее: это общество, где не только удовлетворяются потребности отдельных групп общества, а всех членов общества и за счет всего общества. Здесь властный приоритет отдан трудящимся, которые долж-

ны, в конечном счете, создать условия для свободного и всестороннего развития личности[1]. Как мы видим, это прямо противоречит тому, что утверждает Ф.Хайек и его современные последователи в России.

Освобождение всех производительных и творческих сил человека для достижения всеобщего блага – вот открытый Марксом закон, объективно пробивающий себе дорогу в истории человечества. Вместе с тем, история учит, что искусственно форсировать данную тенденцию и насильственно навязывать людям «лучшее будущее», - значит блокировать развитие социализма. Место и роль политики здесь должны быть строго функциональны. Чрезмерное расширение сферы и методов политики ведет, как правило, не к свободе, а к бегству от нее. Любое нарушение меры в органике процессов становления и формирования социализма чревато формальной переорганизацией, абсурдом, тотальностью. Это и происходит в условиях мелочного директивного планирования, расширения государственных функций до прямого вмешательства в личную и общественную жизнь. Здесь свобода превращается в произвол, коллективизм в тотальность, общее благо в выгоду государственных чиновников.

Чтобы избежать ловушки тотальности для социализма и свободы, следует помнить, что тоталитаризм может вырасти из абсолютизации коллективистских или государственных начал. Тождество и различие, «то же и иное» - на этих принципах должны строится основы самоорганизации социалистического общества. Философская формула «единство разнообразного» применительно к свободе при социализме означает, что свобода людей должны гарантироваться разнообразием видов общей и индивидуальной собственности, форм хозяйствования, политическим представительством разных социальных интересов и т.д. Именно к этому подошел Ленин в своем анализе НЭПа и реальных противоречий становления социализма в двадцатые годы.

Как известно, политика НЭПа позволила в кратчайшие исторические сроки вывести Россию из разрухи и тем самым сохранить советскую власть. Вместе с тем, Ленин видел в НЭПе гораздо больше, чем просто политику, рожденную необходимостью выживания страны, как своеобразный тактический маневр. Осмысливая позитивные результаты НЭПа в России, Ленин пришел к выводу о закономерности этой политики для всех стран, вступающих на путь социалистического строительства. В одной из своих работ он прямо спрашивает: «…Как (NB) подойти

1 См.: Ленин В.И, Полн. собр. соч., т.6, с.204

к социализму?». И отвечает: «Не иначе как через НЭП[1]». Считая «военный коммунизм» ошибочной политикой забегания вперед, он говорит о НЭПе как о необходимой предпосылки, без которой победа социализма в России невозможна. В своей последней речи на Пленуме московского совета 20 ноября 1922 года он подчеркивал, осмысливая результаты НЭПа: «Социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего, или какой либо отвлеченной картины, или какой либо иконы… Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что, как эта задача ни трудна, как она не нова по сравнению с прежней нашей задачей и как много трудностей она нам ни причиняет, - все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая[2]».

Стремление «разобраться» с той действительностью, которая рождалась благодаря НЭПу вылилась у Ленина в ряд его последних статей, посвещенных вопросам кооперации, национальных отношений, реформе политической системе и др. важнейшим вопросам строительства социализма и будущего России. Эти статьи как раз и отвечают на вопрос, при каких условиях из России нэповской станет Россия социалистическая? Одним из таких условий он считал проведение в жизнь идеи кооперации, как составной части общественной культуры. В этой связи Ленин писал: «Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тожественен… с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество[3]». Под словом «культурничество» Ленин понимал целую революцию, которая должна дать «развитие материальных средств производства», поголовную грамотность и просвещение масс, кооперирование в деревне и т.д. Он писал в 1923 году: «… Культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно

1 См.: В.И.Ленин. Полн. собр. соч., т.45, с. 440

2 Там же, с.309.

3 Ленин В.И. Полн. собр. соч.,т.45, с.376

кооперирование. При условии полного кооперирования, мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве[1]».

Один из моих критиков как-то заметил, что я отождествляю социализм с НЭПом. Это не соответствует сути дела. Я рассматривал и рассматриваю НЭП как необходимую дорогу к социализму. Сразу после Октября зародышем социализма стала советская власть и различные национализированные средства производства. В это время в стране по меньшей мере существовало пять укладов, начиная с первобытного и кончая госкапитализмом и социализмом. Позднее утверждение социализма было связано уже с реальным преобладанием социалистической собственности, подъемом производительных сил страны, кооперированием, приданием законодательных функций госплану, решением национальных и важнейших социальных проблем, развитием демократии и т.д. При этом социализм, как переходное общество продолжал сохранять в себе многообразие форм собственности, рынок, деньги и другие оставшиеся от капитализма формы экономической жизни. Именно этим вопросам и были посвящены последние работы Ленина, в которых он разрабатывал новое, во многом неклассическое видение социализма в отдельно взятой стране. Его в определенной степени можно назвать рыночным.

Есть утверждение, что крах «социализма» в СССР и «развал мировой социалистической системы» подтвердили идею о том, что никакого социализма в советском обществе не было. На мой взгляд, падение реального социализма в СССР и странах Восточной Европы доказывают другое: для победы социализма недостаточно взять политическую власть в одной стране, или ряде стран: нужно уметь ею пользоваться так, чтобы одерживать постоянные победы над миром капитала во всех сферах жизни, начиная с экономики и кончая политикой. Конечно, подобная победа, не может быть абсолютной или окончательной до тех пор, пока в других странах будет сохраняться капитализм. Опыт создания и крушения социализма в XX веке показывает, что окончательная победа социализма возможна лишь в мировом масштабе. Однако к ней невозможно придти, не реализовав сначала успешное строительство социализма в одной стране или ряде стран. Одним словом, если страна, вставшая на путь социалистического строительства, сумеет обогнать развитые капиталистические страны по производительности труда и эффективности производства, сможет на этой основе создать наивысший уровень жизни своему народу, реализует более полную и широкую демократию, победа социализма в этой стране будет обеспечена. Подчеркну, расширение демокра-

1 Там же.

тии - важнейшее условие жизнеспособности нового общества. Без этого социализм не может привлечь к себе симпатии миллионов трудящихся всего мира, тем более стать его прогрессивным революционизирующим фактором.

К сожалению, социалистическая революция с приходом к власти Сталина, во многом захлебнулась. Ее идеалы со временем были девальвированы и извращены. Вскоре после Октябрьской революции реакция подняла голову, паразитируя на усталости масс. Главную роль в этом сыграл лично Сталин, опираясь на созданный им репрессивный аппарат власти. На мой взгляд, марксистское понимание социализма никакого отношения к сталинскому пониманию не имеет. Говоря коротко, для Сталина не социализм был для человека, а человек для социализма. Тем самым он полностью дискредитировал марксистское гуманистическое прочтение социалистической идеи. По сути дела, он воспроизвел на практике знаменитую легенду Достоевского о Великом инквизиторе, считавшем, что народ не нуждается в свободе: ему нужны для счастья лишь сытость и слепая вера в авторитет .

Следует отметить, что впервые критическое осмысление режима Сталина было начато не Хрущевым на XX съезде КПСС и не Солженицыным с его «Архипилагом Гулагом», как считают многие, а «левой оппозицией» сразу после смерти Ленина. Тогда сталинский режим называли разными словами: «бонапартизм», «термидор» и т.д. Лишь позднее Троцкий его назовет «тоталитаризмом» и этот термин войдет в научный и политический обиход. Следует также отметить, что задолго до Солженицына сталинский тоталитаризм нашел свое художественное отражение в малоизвестных у нас романах Виктора Сержа – талантливого русско-французского писателя, публициста и революционера.

Прежде чем охарактеризовать природу сталинского тоталитаризма, ответим на вопрос, что вкладывается в понятие «тоталитаризм», вообще? Как известно, впервые это понятие стало употребляться в Европе. Его использовали Муссолини, другие политики и философы для характеристики режима государственной власти, охватывающего своим политическим влиянием практически все сферы общественной жизни в современном массовом обществе. Наиболее тесно понятие «тоталитаризм» связано с фашистскими политическими режимами государственной власти. Вот, например что говорил Муссолини о роли фашистского государства в обществе в своей известной статье «Доктрина фашизма»: «Фашистская концепция Государства всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей, либо они имеют ценность значительно меньшую. Понимае-

мый таким образом фашизм тоталитарен, и фашистское Государство – синтез и объединение, включающее в себя все ценности, - объясняет, развивает и придает силу всей жизни народа[1]». По мнению Муссолини «вне Государства нет индивидов, или групп (политических партий, экономических союзов, социальных классов[2]»). Оно организует нацию и является центральным мотивом человека, оно живет в его сердце, является своеобразной «душой души».

Как мы видим, Муссолини словом «тоталитаризм» характеризует всевластие и всеобщность государства, в котором он видит важнейший и отличительный признак фашистской доктрины, позволяющий отличить ее от социализма, либерализма, тредюнионизма и других социальных учений. И в этом он совершенно прав: либерализм минимизирует роль государства в обществе, а социализм, как и анархизм, ставит своей стратегической целью ликвидацию государства, вообще. По мнению марксистов, государство есть признание относительной неразвитости общества, всеобщего отчуждения в нем человека, выражение непримиримости классовых отношений. С уничтожением последних, оно с необходимостью отмирает. Однако, в отличие от анархистов, отрицающих государство и политическую власть с порога, социалисты признают необходимость государства в условиях перехода к бесклассовому обществу. Что касается стремления Сталина, неосталинистов и наших современных «державников» из КПРФ связывать социализм, по сути дела, с вечным господством государства, доказывает лишь одно: оно ближе к политической философии Муссолини, чем к марксизму и социализму.

Фашизм рассматривает государство как некую корпорацию, в которой объединяются все: буржуа и пролетарии, крестьяне и интеллигенция. Оно разрешает противоречия капитализма, личности, семьи и общества, подчиняя их единой политической воле. Фашистское государство является духом нации, связывая различные социальные группы и различные поколения между собою. Такое тотальное государство не есть государство прошлого: оно плод XX века.

Аналогичное понимание тоталитаризма развивает знаменитая ученица немецкого философа Карла Ясперса Ханна Арендт. По ее мнению, тоталитаризм есть следствие атомизации личности в обществе, возникшей в XX веке. Только полностью атомизированный или изолированный человек, лишенный различных социальных привязанностей, порождаемых семьей, друзьями, сослуживцами, может быть предан вождю, тоталитарному движению или государству. «Тоталитар-

1 См.: Анталогия мировой политической мысли в пяти томах. Т.2. М.1997,с.237

2 Там же, с. 237-238

ные движения, - пишет Арендт, - это массовые организации атомизированных, изолированных индивидов. В сравнении со всеми другими партиями и движениями их наиболее выпуклая внешняя черта есть требование тотальной, неограниченной, безусловной и неизменной преданности от своих индивидуальных членов. Такое требование вожди тоталитарных движений выдвигают даже еще до захвата ими власти[1]».

Как не парадоксально, но изолированность индивида возникает с возникновением массового общества, в котором нет четкой классовой или иной социальной структурированности, где люди перестают верить в политические партии, профсоюзы, организации местного самоуправления и т.п. В каждой стране существуют большие массы политически равнодушных людей: они не ходят на выборы, не вступают в имеющиеся партии, не интересуются идейной борьбой. Именно они составляют социальную базу фашистских и тоталитарных режимов, которые используют их безразличие и нейтральность, их своеобразную маргинальность в своих интересах.

Крушение традиционной социальной стратификации и появление маргинальных и люмпенизированных масс после первой мировой войны в Германии и России заложило фундамент для возникновения тоталитарных режимов Гитлера и Сталина. Но если немецкий тоталитаризм стал реакцией на неспособность социал-демократических правительств организовать социальный порядок на основе буржуазной конкуренции и тяжелых последствий послевоенной эпохи, то сталинский тоталитарный режим, паразитируя на усталости масс от революции и гражданской войны, прибегал к сознательному уничтожению любых проявлений социально-политической оппозиции существующей власти. Х. Арендт считает, что Сталин «искусственно» создавал атомизированное общество, которое для Гитлера приготовили исторические события. В отличие от Ленина, который публично анализировал свои ошибки и всегда исходил в политике из учета различных общественных интересов, Сталин нивелировал социальные интересы и почти всегда списывал свои ошибки на других. Так было при коллективизации, когда под видом борьбы с кулачеством экспроприировались середняки, так было во время индустриализации, когда стахановские методы организации труда волевым способом переносились на весь рабочий класс, так было в предвоенный период и во время Отечественной войны, когда ошибочные решения вождя переносились на подчиненных ему генералов и офицеров.

1 Там же,с.540

Тоталитаризм предполагает характерное разделение общества на всевластного вождя и послушную некритическую массу. Интересно замечание Ханны Арендт о том, что высококультурные люди вовсе не противостоят массовым тоталитарным движениям. Даже, напротив, «развитой индивидуализм и утонченность не предотвращают, а в действительности иногда поощряют саморастворение в массе[1]». Тоталитарное общество это всегда безликая масса, где существует лишь две позиции: вождь и все остальные. Причем ни бюрократия, ни партии, ни какие-либо общественные организации не играют здесь никакой самостоятельной роли.

Вождь и верящая в него безликая масса людей тесно взаимосвязаны друг с другом: они в определенном смысле творят друг друга. Так, Гитлер выступая перед штурмовиками говорил: «Все, что вы есть, вы есть со мною. Все, что я есмь, я есмь только с вами». Отсюда один шаг до обожествления вождя и религиозного преклонения перед ним, что мы и встречаем во всех видах тоталитаризма. Это хорошо подтверждает известный гиммлеровский девиз для эсэсовцев: «Моя честь – это моя верность».

Важнейшей чертой тоталитаризма является постоянное вмешательство государства во все области жизни людей. Он не принимает независимого существования какой-либо деятельности людей, какого-либо их своеобразия. По остроумному выражению Арендт «Если тоталитаризм воспринимает свою цель всерьез, он должен дойти до такой точки, где захочет «раз и навсегда покончить с нейтральностью даже шахматной игры». Подтверждением этого тезиса может служить чрезмерная политизация шахматных соревнований на звание чемпиона мира в СССР во второй половине XX века.

Таково, в общем, основное понимание тоталитаризма как некой политической формы управления обществом. Не буду углубляться в другие трактовки его понимания, которых много в литературе. Разница между Арендт и Муссолини в интерпретации тоталитаризма состоит в том, что Муссолини отводил бюрократии определенное место в обществе и государстве, Арендт же считает, что бюрократия при тоталитаризме не имеет никакого самостоятельного значения.

До сих пор я говорил об общем понимании тоталитаризма, как оно представлено в литературе. Обычно это понятие рассматривают не как характеристику режима политической власти, а как определение социально-экономического строя общества. На мой взгляд, такой подход закрывает путь к познанию и анализу советского общества и его противоречивой истории. Тоталитаризм, говоря марксист-

1 там же, с.531

ским языком, явление надстроечное, а не базисное, хотя он и оказывает свое обратное влияние на базис. Что касается сталинского тоталитаризма, то он тоже, явление сугубо политическое. Это объясняет, в частности, вопрос, почему «левая оппозиция», выступая против сталинизма, говорила о необходимости в СССР политической, а не социальной революции, свержения сталинизма, а не советского строя. По ее мнению, свержение сталинизма в ходе политической революции могло бы восстановить в советском обществе ленинские демократические ценности и политику Октября. Позднее фактически того же хотели и представители «правой оппозиции», выступающие против Сталина. Что же касается тех, кто в 30-е гг. умирал в застенках ГУЛАГа с именем Сталина на устах, то, как правило, это были жертвы пропаганды, отождествлявшей социализм со сталинским режимом государственной власти.

Повторюсь, тоталитаризм это понятие, характеризующее сугубо политический режим государства. И хотя этот режим может охватывать своим влиянием все стороны общества, от семьи, экономики до социальной и духовной сфер, он, тем не менее, выступает сугубо надстроечным явлением, которое не следует отождествлять с социально-экономическим строем общества. Надстроечный характер тоталитаризма позволяет нам лучше понять советскую историю, которую нельзя сводить к существованию только одного вида политического режима: их, конечно, было несколько. Так, на смену сталинскому тоталитаризму со временем пришло авторитарно-демократическое правление Н.С.Хрущева, сменившееся, в свою очередь, определенным возрождением урезанного неосталинизма в эпоху Л.И. Брежнева. Что касается горбачевской перестройки, то она, как всестороннее отрицание сталинского тоталитаризма и его последствий, дала наглядный пример возможности существования демократического режима в условиях социалистического выбора.

Итак, тоталитаризм в Советском союзе возникает с приходом к власти Сталина. Окончательно он формируется в 30-е годы, когда были полностью ликвидированы элементы социалистической демократии, существовавшие после Октября 1917 года. Известно, что в 20-е годы существовали различные формы проявления гражданской активности, демократии и свободы: в частности, в сфере культуры функционировали различные художественные школы и течения, выходило множество литературных журналов различной эстетической направленности, развивалось самодеятельное народное творчество. В то время, вдохновленные идеалами Октября, представители творческой интеллигенции создали целые пласты новой

советской культуры, включая такие шедевры литературы и искусства, как «Двенадцать» Блока, стихи и поэмы Маяковского, коноармейские рассказы Бабеля, «Тихий Дон» Шолохова, «Броненосец Потемкин» Эйзенштейна и др. С укреплением власти Сталина окончательно свертывается революционная демократия, уничтожается полностью все виды и формы политической оппозиции режиму, намечается значительный спад в литературе и искусстве.

Почему же сталинский тоталитарный режим так долго мог существовать в СССР? Ответ на этот вопрос также вытекает из двойственной природы советской бюрократии, которая могла паразитировать на шее рабочего класса только при одном условии: если она сохраняла и защищала господство этого класса, его национализированную экономику, его социально-политический строй, возникший в ходе Октябрьской революции. Эту двойственную природу бюрократии и сталинского режима власти мало кто из современных исследователей и политиков понимает, хотя с ее помощью объясняется многое в истории, в частности, такие малопонятные и противоречивые действия Сталина как восхваление Ленина и скрытое враждебное отношение к нему, в частности, к его известному Политическому завещанию, необоснованный и резкий переход от НЭПа к политике насильственной коллективизации, оказание помощи Испанской революции и уничтожение в этой стране многих тысяч революционеров - интернационалистов, критика фашизма и установление тесного сотрудничества с нацистской Германией накануне второй мировой войны и т.д., и т.п.

Сталин как персонификация советской бюрократии, как ее вождь был вынужден одновременно защищать советский строй и деформировать его, защищать завоевания революции и извращать ее социалистическую направленность. Деятельность Сталина в большинстве случаев противоречила социализму и его идеалам, хотя она и прикрывалась марксистской фразеологией и лозунгами социалистической революции. Поэтому не следует смешивать сталинизм, или сталинский тоталитаризм, с сутью советского общественного строя, основы которого были заложены Октябрьской революции. Тем более не равнозначны понятия «социализм» и «сталинизм», на чем настаивают современные неосталинисты и смыкающиеся с ними неолибералы. Сталинизм, это не только извращение социализма: он его антипод.

Непонимание двойственной природы сталинского режима присуще сегодня многим идеологам правого и левого толка. Так, либерально настроенные идеологи утверждают, что сталинизм мало чем отличается от гитлеризма. Некоторые из них

даже утверждают, что первый намного хуже последнего. Конечно, с формальной стороны и по своей кровожадности эти два тоталитарных режима похожи друг на друга. И там и там были отказ от демократии и узурпация власти одним человеком, и там, и там существовали концлагеря и их многочисленные жертвы, и там, и там был оболванивающий многих культ личности вождя.

В тоже время, при более глубоком сравнении этих режимов возникают вопросы: почему, например, эти два режима вели войну друг с другом? Почему развитые демократические государства в конечном итоге выступили на стороне СССР, воевавшего против фашисткой Германии, предпочтя в трудную минуту иметь дело со Сталиным, а не с Гитлером? Наконец, почему даже наиболее последовательные антисталинисты в лице троцкистов и их главного вождя выступили за защиту СССР в возможной войне с фашистской Германией? Думаю, что ответы на эти вопросы дают возможность всесторонне понять сущность сталинизма и тем самым придти к объективному суждению о нем.

Столкновение двух видов тоталитаризма (сталинского и гитлеровского) было обусловлено, прежде всего, противоположностью социально-классовой природы того общественного строя, который они обслуживали. Сталинский тоталитаризм вырос и паразитировал на базе завоеваний Октябрьской революции, давшей впервые в истории государственную власть трудовому народу. Сталин, со временем узурпировавший эту власть, был вынужден защищать советское государство против его внешних врагов. Гитлеровский нацистский режим возник из стремлений финансовой буржуазии Германии к мировому господству и эту потребность он последовательно обслуживал своей агрессивной внешней политикой. Социально-классовая противоположность этих режимов во многом объясняет факты поощрения агрессивных действий Гитлера со стороны западных демократий в начале войны и открытие второго фронта против фашистской Германии на ее исходе. Поддержка СССР в войне с Германией стала возможной для западных демократий лишь тогда, когда они почувствовали угрозу собственному существованию со стороны гитлеровского фашизма. Сталинский режим, перешедший к тому времени от интернациональной к национал-державной политике, был в этой войне для Запада меньшим злом, чем гитлеризм, рвавшийся к мировому господству и требовавший покончить с «гнилой демократией» западных государств. Учитывал Запад и то, что Сталин в отличие от Гитлера все-таки не сжигал в печах миллионы людей, не набивал волосами своих жертв спальные матрасы и не выделывал из кожи заключенных абажуры.

Что касается таких последовательных противников сталинизма как троцкисты, то их защита СССР в этой войне обуславливалась не их компромиссом со Сталиным, а стремлением защитить основы того строя, которые были заложены Октябрьской революцией. Для них Сталин, защищавший СССР, а, стало быть, и его социальные основы, являлся меньшим злом, чем Гитлер и нацизм, стремящиеся одержать победу в войне не только над советским государством, но и полностью покончить с большевизмом и коммунизмом.

Тоталитаризм и сталинизм – понятия во многом тождественные. Подрывая демократические и социалистические основы советского общества, сталинизм являются причиной деформации не только советского государства, но и самой идеи социализма. Имеющаяся сегодня аллергия у многих людей на социализм - это во многом следствие сталинизма, который нанес глубокую и до сих пор кровоточащую рану всему левому движению.

«Сталинизм» и «Сталин» - понятие родственные, но не тождественные. Что касается первого понятия, то, как я уже говорил, оно характеризует тоталитарно-репрессивный режим власти, который создали Сталин и его команда. Что касается понятия «Сталин», то оно относится к конкретно-исторической личности, которая правила в СССР почти тридцать лет. Хотят этого, или нет противники Сталина, но он вошел в историю советского государства. Другое дело оценка его как политика. В этом отношении одни считают его «исчадием ада», другие - «великим политиком» и «вождем всех народов». На мой взгляд, противоречивая личность Сталина должна оцениваться «по ее плодам», т.е. по результатам ее конкретной деятельности. Конечно, Сталин был тираном, может быть одним их самых больших тираном в истории человечества, тем не менее, нельзя исключать, что в отдельных случаях его деятельность могла иметь положительные результаты. Так, позитивной акцией во время войны было освобождение Сталиным из-за стен Гулага многих военных специалистов. (Правда, посажены они были в концлагеря тоже с его санкции). Рассказывали мне и такой случай: в военное время один звонок Сталина на машиностроительный завод с просьбой значительно увеличить выпуск танков повышал производительность труда рабочих и инженеров в несколько раз. Понятно, что такой звонок объективно выполнял прогрессивную роль. Ясно также, что в подобных случаях Сталин вел политику прямо противоположную «сталинизму».

Другое дело «плоды» его политики, когда физически и морально уничтожались лучшие люди страны: выдающиеся руководители партии и государства, та-

лантливые ученые и представители культуры. По данным доклада специальной комиссии ЦК КПСС президиуму ЦК только за 1935 –1940 годы за «антисоветскую деятельность» было арестовано 1980635 человек, из них расстреляно 688503. Соответственно за 1937-1938 годы арестовано 1548366 и расстреляно 681692. В итоге был уничтожен весь тонкий слой революционеров, о которых в свое время так хорошо говорил Ленин, отмечая, что для них правдивость и честность были естественными человеческими качествами. Следует подчеркнуть, что среди них были ликвидированы, за исключением самого Сталина, все руководители партии и государства, о ком писал Ленин в своем письме к Х11 съезду партии. Одни погибли от пули в отечественных тюремных застенках, как Каменев, Зиновьев, Бухарин, другие были уничтожены за границей, как, например, Троцкий, получивший от сталинского агента удар ледорубом по голове. Подобная практика и есть «сталинизм», или «сталинщина» в точном смысле этого слова. Она, конечно, ничего общего с социализмом не имеет.

К сожалению, по данным социологии, около половины российских граждан сегодня желает вернуться к сталинским порядкам. Чем это объясняется? На мой взгляд, это прямое следствие современных радикальных реформ неолиберального толка, породивших невиданную социальную поляризацию и криминальный беспредел в обществе. Парадоксально, но факт люди ищут альтернативу этим явлениям не в развитии подлинной демократии, а в сталинском тоталитаризме, заложившем в середине XX века многие предпосылки перехода к современному дикому или варварскому капитализму.

Что касается идеологии социализма, то она была Сталиным фактически превращена в типичную светскую религию. Вопреки всем марксистским традициям (вспомним негативную позицию Маркса и Ленина по отношению к культу личности), Сталин всячески поощрял культ собственный личности во многом также носивший религиозный характер. Я, будучи мальчишкой, помню, как на праздновании 70-летия Сталина в Москве был поднят на аэростате портрет Сталина в форме светящегося куба. Видимый со всех сторон это была гигантская объемная икона человека-бога. Для отдельных людей он был даже больше, чем Бог. Никакая религия не додумалась превратить в своеобразный храм всю Москву, включая ее небо, а сталинисты додумались.

Именно поэтому меня никогда не удовлетворяло стремление правых и левых радикалов, неолибералов и неосталинистов, намертво связывать тоталитаризм с социализмом и всей советской историей, начиная с Октября 1917 года и

кончая перестройкой. Я до сих пор убежден, что понятие «тоталитаризм» нельзя переносить на совершенно различные периоды нашей истории. Одно дело советская власть при Ленине, другое при Сталине, одно дело хрущевская «оттепель», другое брежневский неосталинизм. Не вмещается в это понятие и горбачевская перестройка, суть которой состояла в отрицании и преодолении пережитков сталинизма.

В этой связи, несколько слов относительно моего спора с М.С.Горбачевым по поводу реформируемости или нереформируемости советского общества и ее политической системы. Спустя несколько лет после окончания перестройки Горбачев, под влиянием некоторых своих помощников, стал говорить, что неудачи перестройки определялись нереформируемостью советской системы. В беседе с ним я говорил, что если эта система была нереформируемой, то тогда перестройка теряет свой исторический смысл и все достижения, связанные с гласностью, демократизацией общества, рынком и т.д. превращаются в своеобразный исторический выкидыш, не более того. Позднее Горбачев изменил свое мнение и накануне 20-летия перестройки признал, что нереформируемых систем не бывает, иначе не было бы социального прогресса.

Таким образом, качественное отличие сталинского тоталитаризма от других политических режимов, существовавших в советской истории, дает возможность лучше ее понять и соответствующим образом описать. Рассматривать советскую историю как сплошное господство тоталитаризм, начиная с 1917 г. – это значит подгонять живой исторический процесс под одностороннюю и далекую от жизни схему. В свою очередь, это не снимает того исторического факта, что отношение к сталинизму в нашей стране продолжают оставаться важным идейно-политическим критерием в осмыслении характера советского общества и его исторической эволюции.

На западе все историки, пишущие о нашем советском обществе, разделяются на две характерные группы. Первые – это сторонники «тоталитарной школы», которые считают, что тоталитаризм у нас утвердился с Октября 1917 г. К ней на Западе можно отнести таких историков, как Ричард Пайпс, Збигнев Бжезинский, Улам и др. У нас в России к ней принадлежит наш известный писатель Александр Солженицын и историки так называемого радикал-либерального напрвления: Пихойя и др. Среди представителей этого направления был и известный историк Волкогонов (бывший сталинист, ставший в одночасье радикал-демократом) и ярым противником Ленина.

Ко второй группе историков, примыкающих к школе так называемых «ревизионистов» (здесь слово «ревизионизм» используется не в традиционном понимании, как характеристика идейно-политического уклона от ортодоксального марксизма) относятся те политические историки и мыслители, которые пытаются воспроизводить советскую историю во всей ее противоречивости, нюансах и тонкостях. На Западе к этой школе примыкают два крупных историка: Роберт Такер (он много писал о Сталине и сталинском периоде нашей истории) и недавно умерший Стивен Коэн, автор известных работ о Бухарине. В России аналогичных историков немного. К ним можно отнести Владлена Логинова, Виктора Данилова и др. Их отношение к сторонникам «тоталитарной школы» очень критично: они считают, что понятие «тоталитаризм» закрывает вход в реальную советскую историю, в частности, оно не дает возможность понять и объективно воспроизвести ни социальную структуру советского общества, ни ее основные политические силы, ни поведение вождей и масс в крупных исторических событиях.

Для историков и идеологов «тоталитарной школы» вся советская история едина и однозначна: она закономерный результат господства тоталитарного режима власти. Стивен Коэн в своей книге «Переосмысливая советский опыт» считает, что методологической основой «тоталитарной школы» является идея непрерывности, то есть представление советской истории как сплошного непрерывного процесса, который идет без каких-либо качественных изменений, периодов, этапов. Такое представление исторического процесса не дает подлинного понимания советской истории, в частности понимания закономерностей борьбы правящего сталинского режима с троцкистской и бухаринской оппозициями. Сторонники идеи непрерывности, как правило, автоматически ставят знак тождества между такими различными историческими фигурами, как Ленин и Сталин, Хрущев и Брежнев, Горбачев и Ельцин. В их понимании все они лишь различные личностные проявления господствующего тоталитарного режима власти. Таково же отношение представителей этой школы и к оценке Октябрьской революции. Для них это большевистский переворот, утвердивший в стране тоталитаризм, не более того.

Среди отмеченных двух групп историков, оценивающих советскую историю мне, конечно, ближе «ревизионисты», которые ограничивают период тоталитаризма рамками сталинского политического режима власти. Такой подход дает возможность не зацикливаться на идее тоталитаризма и более объективно рассматривать советскую историю во всей ее полноте и противоречивости.

Неумение различать в похожих исторических явлениях их существенное различие, а за различием видеть их определенное тождество – характерный порок многих современных исследований, посвященных советской истории. Недавно мне на заседании клуба «Свободное слово» историк культуры и эстетик Ванслов подарил свою книгу, в заключении которой он написал о том, что во времена Хрущева и Брежнева было принято, вопреки сталинистам, противопоставлять Ленина и Сталина в том духе, что Сталин плохой, а Ленин – хороший. На самом же деле, считает автор подаренной мне книги, Ленин и Сталин мало чем отличаются друг от друга. При этом он ссылался на авторитет известного в прошлом идеолога КПСС, а затем неистового лениноеда академика Александра Яковлева, который утверждал, что Сталин лишь исполнял то, что завещал Ленин. Нечто подобное недавно по ТВ говорил известный политолог и историк В.Никонов, утверждавший, что Сталин был либералом по сравнению с Лениным. В определенном «генетическом родстве» Ленина и Сталина убеждены и некоторые историки РАН. Их рассуждения на эту тему я, в частности, слышал на одной из конференций, посвященной изучению истории международной социал-демократии. И об этом говорят профессионалы!? В тоже время любому вдумчивому и честному исследователю советской истории должно быть ясно, что эти две исторические фигуры были во многом антиподами в политике. Не случайно Ленин решительно требовал в своем Политическом завещании устранения Сталина с поста генсека партии. Ясно и другое: один из них под конец своей жизни оказался жертвой, а другой его моральным и физическим палачом.

Характерно, что на отождествлении Ленина и Сталина сегодня сходятся между собой многие радикальные либералы и неосталинсты. Оказывается, что для обеих сторон является истинной в последней инстанции тезис старой советской пропаганды о том, что «Сталин – это Ленин вчера, а Ленин – это Сталин сегодня». На самом деле, данный тезис является одной из грубейших фальсификаций истории, отождествляющий две совершенно противоположные политические фигуры. Исторически идея тождества этих политиков, как известно, принадлежала самому Сталину, который, создавая культ собственной личности, не хотел, чтобы массы знали о тех принципиальных расхождениях и противоречиях, которые были между ним и Лениным, особенно в последние годы жизни вождя Октябрьской революции. Сталин и его сторонники пытались их всячески замолчать. Тем не менее, эти противоречия очевидны: Ленин и Сталин принципиально по разному понимали национальный вопрос и связанный с ним процесс создания СССР, необходимость

реформирования политической системы советского общества, кадровые и другие проблемы, нашедшие свое отражение в Политическом завещании Ленина. Несмотря на все эти факты, мы снова становимся свидетелями того, как на новом витке исторической спирали начала возрождаться старая порочная теория о единстве двух вождей. В этой связи закономерен вопрос: кому выгодно сегодня реанимация подобной теории? Думаю, она нужна не только маргинальным сталинистам, но и тем, кому хочется во чтобы-то ни стало окончательно дискредитировать социалистическую идею, воплощением которой в нашей истории, конечно, являлся Ленин, а не Сталин.

В заключении я хочу поднять еще один вопрос, связанный с темой статьи. Это вопрос о неизбежности или необходимости сталинского тоталитаризма в советской истории. Удивительно, что даже среди последователей выдающегося марксистского философа и, насколько мне известно, принципиального антисталинста Э.В.Ильенкова, есть сторонники подобной точки зрения. Главный их аргумент состоит в том, что индустриализация и коллективизация страны требовала жесткого руководства и такое руководство было реализавано железной рукой Сталина, его тоталитарным режимом власти. По их мнению любой на месте Сталина делал бы тоже самое, будь то Ленин, или Троцкий.

Скажу прямо я категорически не согласен с подобным подходом к нашей истории, как раз потому, что не вижу фатальной необходимости тоталитарного режима власти в Советском Союзе. Тоталитаризм – это, прежде всего репрессивный режим, создающий и уничтожающий своих врагов в лице любой политической оппозиции, будь то правые, или левые. Он действует, как правило, по логике физического уничтожения своих противников, по принципу «секир башка», а не по марксистской логике преобразования экономических условий существования классов.

Не устаю повторять, марксизм допускает физическое уничтожение отдельных представителей буржуазии лишь в особых случаях: при их активном вооруженном сопротивлении рабочему классу, а не потому, что они принадлежат другому классу. Тоталитаризм, напротив, абсолютизировал логику классового насилия, перенося ее, например, из периода гражданской войны в мирное время. Именно так и поступал Сталин, провозгласив идею обострения классовых противоречий по мере продвижения к социализму. В частности, он любил проводить «политику чрезвычайщины» в сугубо мирное время. На самом деле, классовая борьба не может и не должна сводиться только к насилию и, тем более к физическому насилию, ведущему к смерти людей. Существует масса различных форм государственного

принуждения, не требующих физического истребления людей. Если бы у власти вместо Сталина и его окружения были люди ленинского склада, я уверен, они бы не допустили тех ужасов ГУЛАГа, которые были инициированы тоталитарным режимом Сталина. Никакой фатальной закономерности утверждения тоталитаризма в истории нашей страны не было. Он был прямым следствием отхода руководства правящей партии от марксизма, отказа от демократических и подлинно революционных традиций в управлении обществом. Объективные условия, связанные с исторической отсталостью нашей страны и усталостью масс от войны и революции, конечно, сыграли свою роль в возникновении сталинского тоталитарного режима, но они не могут его оправдать.

Люди не только рабы существующих условий, они могут эти условия познавать и изменять. Именно это Ленин имел ввиду, когда предлагал совершить в нашей стране настоящую культурную революцию, означающую не столько ликвидацию безграмотности, сколько органическое усвоение всех прогрессов капитализма, начиная с техники и кончая культурой. Ленин последовательно добивался раскрепощения труда путем добровольной его кооперации и ликвидации его принудительного, наемного характера. Он требовал постоянного усвоения большевиками лучшего буржуазного опыты ведения хозяйства. В этой связи он писал: «Черпать обеими руками хорошее из заграницы: советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование… = социализм[1]» . Он требовал активно внедрять в практику достижения научных систем организации труда у Форда и Тейлора за минусом буржуазной практики «выжимания пота» из рабочих. Что касается Сталина, то он пошел иным путем, путем создания тоталитарного режима власти и насильственного принуждения людей к труду. Тем самым, он полностью дискредитировал идею социализма, связанную с освобождением труда.

История не есть простая функция развития экономики. Она является результатом борьбы различных социальных тенденций и интересов. В советском обществе эта борьба, как известно, продолжалась и после Октября 1917 г. Мало того она обрела острейшую форму гражданской войны, которая во многом определялась тем, что демократическим и социалистическим силам не удалось создать единое коалиционное правительство. Однако и после гражданской войны в стране продолжали действовать две тенденции: демократическая и антидемократическая. Демократическая тенденция выражала интересы рабочего класса и всех

1 см.: Ленин В.И. Указ соч. Т.45, с.39, 550

остальных слоев трудящихся. Прежде всего, я ее связываю с ленинским пониманием положения дел в стране, с необходимостью перехода к политике НЭПа и возможностью осуществления идей его Политического завещания, в котором были намечены реальные пути демократического реформирования Советского государства. Это Завещание было подлинно научным выражением интересов рабочего класса России. Другая тенденция - антидемократическая, бюрократическая, тоталитарная, базировалась на выражении интересов других слоев общества. Она выражала, прежде всего, запросы советской бюрократии, мелкой буржуазии и консервативных слоев крестьянства. Сталин был их рупором.

В борьбе этих двух социально противоположных тенденций и осуществлялась советская история. В итоге, бюрократическая тенденция в форме сталинизма взяла верх над демократической ленинской тенденцией. Позднее, с началом научно-технической революции наступил ее предел развития, предел тоталитарного режима власти, вообще. Чтобы двигаться вперед, нужно было вобрать в себя и утилизировать плоды научно-технической революции, размагнитить и освободить мозги от различных идеологических догм, осуществить на деле демократию, но выращенная Сталиным бюрократия этому всячески препятствовала.

Отсюда и возникла историческая необходимость сначала в XX съезде партии, а затем и в перестройке. Заслуга перестройщиков состояла в том, что они раньше других это осознали, начав обновление советского общества на началах гуманизма и демократии. Они, по сути дела, начали трансформировать авторитарный социализм брежневской эпохи в демократический социализм. Им многое удалось сделать на этом пути: осуществить свободу слова, отменить цензуру, окончательно ликвидировать остатки тоталитаризма в руководстве страной, реализовать плюрализм в политической и духовной сфере, наладить альтернативные выборы, разрешить свободный выезд граждан за границу, отодвинуть угрозу ядерной войны, начать процесс всеобщего разоружения и т.д. Я поэтому во многом остаюсь поклонником этого подлинно демократического периода в развитии нашей страны, своеобразной политической весны советского общества, пришедшей на смену зимним рецидивам брежневского неосталинизма.

Несмотря на силовое прекращение перестройки во время путча и последующего прихода к власти радикал-либералов во главе с Борисом Ельциным, она, в принципе, доказала реальную возможность существования в истории демократического социализма. Прошедшие шесть лет перестройки показали, что не тоталитаризм, а демократия наиболее адекватная политическая форма реального социа-

лизма. На мой взгляд, *перестройка была настоящим прорывом к свободе советского общества. Она фактически продолжила демократические и социалистические преобразования, начатые Октябрьской революцией и прерванные сталинизмом .* Очень жаль, что те, кто ее осуществлял в свое время, сегодня под влиянием политической конъюнктуры от нее отказываются или трактуют ее в сугубо неолиберальном ключе. Но это их дело, дело их совести, или ее отсутствия.

Как показывает история России, становление социализма является сложным, длительным и противоречивым процессом. Не хочу сейчас глубоко затрагивать непростой вопрос о возможности победы социализма в отдельно взятой стране, или ряде стран. Меня волнует другой вопрос. Возможно ли, вообще, построение социализма сразу во всех развитых странах мира? Думаю, нет. Революции вызревают сначала на национальной почве и затем продолжаются на мировой. Мировая революция – это видимо долгий исторический процесс отпадения от капиталистической системы отдельных стран, в которых социальные противоречия дошли до высшей точки кипения. Что касается возможности создания социализма в отдельной стране, то, как уже отмечалось, все зависит от умения этой страны и ее руководства создавать более эффективную, чем в развитых странах, экономику, более высокий жизненный уровень своему народу, и более широкую демократию. В противном случае страна, вступившая на путь социализма, не выдерживает конкуренцию с развитыми капиталистическими странами и, как показывает опыт советской России, в ней происходит реставрация капитализма в его самой дикой, криминальной форме.

Вместе с тем, с падением советской модели социализма история не кончается. Как говорится, еще не вечер. История продолжается и, я уверен, опыт создания социализма и преодоления тоталитаризма, который был осуществлен в нашей стране не уйдет в Лету: он еще будет востребован Россией и миром.

Григорий ВОДОЛАЗОВ

Что делать и чего не делать?
(Уроки истории)

«Я всё-таки хочу понять!»

Начну с проблемы, которая мучает меня с самых первых моих – юношеских – статей и по сей день. Наиболее полно, наиболее развёрнуто, сформулирована она в моей книге 2006 года – «Идеалы и идолы». Мне не удалось тогда дать удовлетворяющее меня самого решение этой проблемы. Но содержание самой проблемы высвечено там, на мой взгляд, достаточно полно. Вот что я там тогда писал (цитата, конечно, длинная, но, ведь, и проблема непростая, и описать её хочется с возможно большей полнотой):

«Я все-таки хочу понять, почему всё так получилось? Почему гуманные планы и благородные замыслы, изначально присущие социалистической теории, марксизму (равенство, братство, свободный труд, материальное изобилие), обернулись в нашей стране, при реализации, такой чудовищной – сталинской – системой? Я не только репрессии, не только гулаги имею в виду. Я имею в виду возникновение общества, жестко разделенного на новых (по сравнению с царизмом и капитализмом) господ и новых рабов, на чиновно-бюрократическое меньшинство, в руках у которого всё (и власть, и собственность), и обездоленное народное большинство, у которого - ничего. Я имею в виду появление новой общественной формации – с социально-классовыми антагонизмами, которых не знала история и появления которых никто (включая Маркса и Ленина) не ожидал и не предсказывал. (Это не только и не просто проблема далёкой истории, - добавлю я сегодня, в 2020 г. – Понять то, что произошло в нашей стране на рубеже 30-х годов – значит понять, что надо и что не надо будет делать, выходя из тупиков, в которые вверг наше общество олигархический капитализм. Это и к современным событиям в Белоруссии имеет прямое отношение; там тоже случился этот печальный феномен: радужные надежды на построение общества справедливости, социального равенства и народоправства в начале и авторитарно-тоталитарная система в конце).

Когда я был помоложе, мне, большому почитателю Маркса, очень хотелось объяснить это тем, что исполнители (главным образом, сталинцы) извратили, вульгаризировали теорию Маркса. И задача, следовательно, состоит в том, чтобы выявить пункты этих извращений, восстановить подлинный (или как тогда любили говорить – «аутентичный») марксизм и затем реализовать его во всей чистоте и точности его замыслов. При этом я и мои друзья отдавали себе ясный отчет, что речь идет отнюдь не о мирных, товарищеских научных дискуссиях в рамках одной идейной парадигмы, а о жесточайшей, абсолютно непримиримой идейной борьбе принципиально разнящихся, даже – антагонистических, мировоззрений (хотя и одинаково именующими себя «марксизмом»). И реализация «нашего» марксизма предполагала не «поправки», не «улучшения» существующей системы (так называемого «реального социализма»), а её коренное преобразование – в форме антибюрократической революции, имеющей целью вырвать власть из рук партгосноменклатуры и передать её в руки угнетенного политически и эксплуатируемого экономически НАРОДА.

Для меня и сегодня совершенно очевидно, что идеология и политика сталинского руководства с марксизмом, с его ***сутью****, не имели ничего общего. Я и сегодня думаю, что сталинисты извратили и испоганили марксизм. Но!…*

Но в последние годы, при более основательном рассмотрении событий XX столетия, мне всё чаще и чаще приходит в голову мысль, что сталинизм - явление не совсем постороннее марксизму, что есть в марксизме какие-то пространства, какие-то участки, какие-то почвы, на которых, при определенных условиях. могут вырастать ядовитые цветы сталинщины. Иначе говоря, сталинизм – не целиком «по ту сторону» марксизма, он взрастает из ограниченностей, узких мест марксизма, из его ошибок и ложных ходов.

Мой прежний – чересчур простой ответ – перестал удовлетворять меня. И задача тысячекратно усложнилась: исследовать, есть ли в марксистской теории то, что при определенных условиях может обернуться сталинизмом. Сейчас, когда я пишу эти строки, я не готов ответить на этот вопрос. Но я готов его ***поставить*** *и начать соответствующее исследование. Интуиция же подсказывает: микробы сталинизма присутствуют и в Марксовом и тем более в Ленинском учении. Интуиция подсказывает: что-то очень важное упущено, не учтено ни Марксом, ни Лениным. Что?..*

Не собираюсь в своих размышлениях ограничиваться лишь выяснением логики перехода к сталинизму. Для меня не менее важно понимание и дальней-

шей эволюции нашего, российского, общества – в болотную жижу брежневщины, барахтание в этом болоте в эпоху Горбачева и обретение нового (не менее, впрочем, отвратительного) социального качества в эпоху Ельцина. Но эта, дальнейшая, эволюция – это всё потом; да, и понятой она может быть только в контексте эволюции сталинистской общественной формации, исходя из ***её*** *противоречий и закономерностей. Но это будет уже более простое и более легкое теоретическое занятие. Самое трудное, самое принципиально важное для понимания всего процесса российского развития в XX столетии - это рождение сталинизма как бы из марксистского проекта. Это – выяснение сущности новой, невиданной в истории общественной формации. Самое главное – понять этот момент неожиданного рождения нового социального качества (не предсказанного, не предугаданного классическим проектом). Дальше – уже движение в рамках этого нового общественного строя. И это, конечно, проще для понимания.*

И ещё. Да, я хочу нащупать изъяны того проекта, на который ориентировалась наша страна в XX столетии, да, я хочу понять, где мы сорвались, какая историческая логика затолкала нас в кровавую колею, в экономические, политические и культурные тупики. И всё же мне не собственно непознанные фундаментальные закономерности общественного развития «не дают мне покоя». Ну, чего же из-за них убиваться-то особенно? Не познанные сегодня, будут познаны завтра; приналяжем всем научным миром – и приоткроются завесы исторических тайн.

Мне «покоя не дают» явления гораздо менее крупные, менее масштабные. За мною «как тень гонятся» и гнетут душу разные «мелкие» (на фоне-то всемирных закономерностей и фундаментальных сдвигов!) подробности бытия, с которыми я никак не могу справиться ни мыслью, ни, в особенности, чувством и которые-то сообщают моему поиску (уж, извините!) повышенную эмоциональность (мало свойственную людям моей – весьма уже почтенной- возрастной группе) и особую напряженность.

Ну, вот, например, такая «частность» как судьба Бухарина, Николая Ивановича (типичная, кстати, для многих из когорты «старых большевиков»). Ведь, как славно, как вдохновенно всё начиналось: в 29 лет – в Октябре 17 года – он в головных рядах грандиозного социального сдвига. Помните, как Гегель (этот «сухарь» Гегель) приветствовал Французскую революцию: «Грандиозный восход солнца!»? А Октябрьская-то – помасштабней, покапитальней Француз-

ской будет: там один класс сменял другой у штурвала социального корабля, а тут – вообще классы уничтожаются, освобождается ***всё*** *общество. Тут уж не просто «солнце», тут, почти по Маяковскому – «в* ***сто сорок*** *солнц восход пылал». И самым ошеломляющим было то, что всходили все эти солнца не в силу вечных и слепых законов природы, а (как казалось) по мановению, по воле дерзких и смелых пролетарских революционеров, прошедших тюрьмы, ссылки, изгнание. Выстояли, выдюжили. Просветили, организовали и вдохновили людей – и вот величественный итог: «нация рабов», забитый российский люд поднимается с колен! Свобода! Равенство!! Братство!!! Нет больше господ и рабов! «Я хочу, чтоб на крик «Товарищ!» оборачивалась вся земля!». Все –* ***товарищи****!*

Можно задохнуться от счастья – от свершений и перспектив. И среди творцов этого великого исторического деяния – он, совсем молодой человек, - Бухарчик, Бухарушка, «золотое дитя партии», второй, после Ленина, теоретик. Как ясна и прозрачна даль истории, рассматриваемая им через волшебный кристалл марксизма! О, эта ясность, эта уверенность в своих силах, в мощи своей теории, в верности выбранного пути!..

А совсем немного спустя: «Бухаринские изверги», «фашистские недобитки», «злобные контрреволюционеры, замышлявшие– ещё в 18-м - убийство Ленина», «шпионы», «вредители», «реставраторы капитализма», «подонки общества». И под бурные, долго не смолкающие аплодисменты Колонного: «Расстрелять, как бешеных собак!».

Может быть, вернулись к власти те, кого сбросили в семнадцатом? Если бы! Не дрогнул бы, не растерялся бы тогда Бухарчик. Без слюней и соплей, твердым шагом – уверен! – взошел бы он на свой эшафот. Отдать жизнь за Истину, за Святое Дело, за свою Веру, за Счастье миллионов – как Гус, как Бруно, как Пестель, как Желябов – да, ради бога!.. Но здесь-то не белая гвардия, не царская охранка, - свои же, «братья», «товарищи» вершат суд – те самые «рабочие и крестьяне», которых он освобождал в 17- м. Есть от чего не просто растеряться, рассудок потерять можно…

И именем «великой свободы» , именем «стальной и любимой (выкованной во многом им) партии», именем «великой революции рабочих и крестьян» его поведут коридорами Лубянки последним маршрутом в грязные и кровавые подвалы и там буднично пристрелят – как подвальную крысу.

А на улицах и площадях будут трепетать на ветру красные полотнища лозунгов, которые они, еще вместе с Ильичом, сочиняли. И – сверкать на солн-

це алые стяги со звездами, серпами и молотами. И – празднично лететь на всю страну из репродукторов: «С Интернациона-а-а-а-лом воспрянет род людской…».

Ни понять, ни тем более объяснить, что же случилось с его любимым и высоконаучным марксизмом, Бухарин не успеет. Он отойдет в мир иной – в полном душевном смятении, охваченный идейным кошмаром, и не словами, а самой судьбой своей формулируя для нас Проблему.

Мне «покоя не дают» - заснятые на старой, истертой временем кинопленке - глаза изможденных голодом украинских и русских ребятишек – покорно и тихо ложащихся на землю (стоять, сидеть уже нет сил!), чтобы уже никогда с неё не подняться. Миллионами жизней заплатили Россия и Украина за сталинскую коллективизацию.

Сорванные с обжитых мест – с Поволжья, с Кубани – и выброшенные из товарняков на сибирский снег «кулаки» и «подкулачники», - т.е. крестьяне, которые поверили революционно-октябрьскому, а потом – нэповскому, лозунгу «Земля – крестьянам!» и попытались – своим истовым трудом – обеспечить себя и страну хлебом.

А полосы «Вечерки» середины 90-х годов – мелким шрифтом, в рамочке – тысячи имен: слесарь, учитель, кладовщик, шофер, инженер, врач, каменщик – с маленькими портретиками (у кого сохранились в «деле») или без них, с краткими биографическими данными и неизменной концовкой: «приговорен к расстрелу», «к десяти годам без права переписки» – мартиролог жертв 30-х годов. Это-то уже не «элитные» разборки в борьбе за властные места. О пытках и расстрелах этих, «элитных», граждан тоже тяжело читать. Но не расстреляй Ворошилов Тухачевского, Тухачевский расстрелял бы Ворошилова – одна стая, одно мировоззрение, один способ действий, и вождь-идол – один («Да здравствует Сталин!» – кричал расстреливаемый чекистами руководитель новосибирских коммунистов Эйхе!). Но в «Вечерке» – о другом, - о «разборках» закрепляющей свою монополию на господство сталинской бюрократии с её главным историческим оппонентом – с не до конца придавленным, не до конца превращенным в раба народом. Короче – это «разборка» с народом победившей властной «элиты».

Куда же завлекло нас «единственно верное», «единственно научное» учение? Вот этим вопросом задалось демократическое крыло так называемого «шестидесятничества». И их самоотверженный поиск дал неплохой интеллек-

*туальный улов. Они взяли за основу, за точку отсчета Маркса и Ленина. С этих ступеней они обозревали протекший исторический ряд, марксовым (ленинским) метром мерили историю, статьями марксового (ленинского) философско-социального «кодекса» судили исторические деяния. И – зафиксировали, описали в деталях, с исключительной научной добросовестностью, эмоциональностью, а нередко и литературным блеском впечатляющее несовпадение исходных марксовых (и ленинских) установок с действительностью «реального социализма». Им достало смелости сказать – где прямо и открыто, где косвенно и намеком (ибо сие подпадало под действие статей сталинско-брежневских уголовных кодексов с устрашающими клише: «антисоветская агитация и пропаганда», «контрреволюционная деятельность», «выполнение заказа международной реакции», - с последующей расправой) – достало, повторяю, смелости сказать и доказать: то, что есть – не марксизм (не ленинизм) и не социализм. То, что есть – не общество социального равенства и дружественных классов, на базе общественной собственности строящих счастливую жизнь, как о том грезили «основоположники», а общество вопиющего социального неравенства, общество, разделенное на всемогущую, всем владеющую и всем повелевающую партийно-государственную бюрократию («номенклатуру») и бесправный, ничем не владеющий, ничего не определяющий, дурачимый идеологическими попами, еле-еле сводящий концы с концами в своей повседневной жизни, Народ. То, что есть, - это новый тип классово-антагонистического общества, то, что есть, - новый тип социального угнетения. А отсюда следовал их лозунг: «Вернуться к Марксу (Ленину)!». Не к тем, что разошлись в главах и параграфах сталинского «Краткого курса», в партийных постановлениях и решениях, основополагающих идеологических «кирпичах» Политиздата и популярных брошюрах общества «Знание», а к чистому, высокому, умному, гуманному, Настоящему («аутентичному») Марксу (Ленину). И – **начать всё** (т.е. – строительство совершенного, гуманного, экономически эффективного общества, поименованного ими «социализмом с человеческим лицом») **сначала**. И повести дело – в полном соответствии с Марксовыми (Ленинскими) предначертаниями.*

Это было громадное завоевание поколения шестидесятников. Их труды, их мысли «закрывали» одну эпоху, эпоху безоговорочного доверия к марксизму и формам его реализации, и открывали другую – эпоху фронтальной критики социального мира, строившегося по марксистским чертежам.

Это идеологическое новаторство, эту идеологическую революционность шестидесятничества своим, что называется, звериным чутьём учуивала правящая «реально-социалистическая» бюрократия. О, таких марксистов (ленинистов) руководящие партийные товарищи боялись больше, чем прямых и открытых «антимарксистов». Ведь, диссиденствующие антимарксисты не только не ослабляли, но даже, как это ни покажется кому-то странным, усиливали идеологические и политические позиции правящей номенклатуры. Ну, как же – за ней, за этой номенклатурой, стоят, видите ли, такие интеллектуальные гиганты, как Маркс, Энгельс. Они, эти антимарксисты, по сути, дарили тупой и серой, антиинтеллектуальной бюрократии мощные мировые теоретические традиции, сами оставаясь с самодельными и жалким идеологическими изобретениями.

Диссиденствующие же марксисты-шестидесятники выбивали псевдомарксистскую номенклатуру с этой позиции и пускали её по миру не прикрытой, краденой у марксизма, одеждой, а – такой, как она есть на деле – клыкастой и меднолобой. И когда шестидесятники говорили: «Мы им (партсовбюрократам) Маркса не отдадим» – в этом была не наивность их (как думает нынешняя полуграмотная интеллектуальная шпана), а – мудрость, тонкое историческое и теоретическое чутье.

В общем, это была весьма плодотворная точка отсчета. Но – НЕДОСТАТОЧНАЯ! СОВЕРШЕННО НЕДОСТАТОЧНАЯ! И – потому, что во второй половине XX века , в совсем не-марксовых условиях, строить мир по-Марксу было бы верхом наивности. И – потому, что в самих классических проектах было нечто такое, что не давало достаточного противоядия против сталинистских и тоталитаристских извращений. И, наконец, главное, - потому, что самого Маркса (Ленина), саму эту «точку отсчета» надо было перепроверять и уточнять. И перепроверять фундаментально – во всех «основных частях» и «источниках»[1].

Мне, повторяю, не удалось тогда дать решения сформулированной проблемы, которое бы вполне удовлетворило меня. И вот сегодня – очередная попытка найти ответ.

1Водолазов Г.Г. Идеалы и идолы.М., 2006. С.23-25, 28-30.

Сталинизма можно было избежать
(ленинская концепция экономической демократии)

Да, сталинизма можно было избежать, даже оставаясь в рамках марксо-ленинской парадигмы. Только саму эту парадигму надо было существенно модифицировать под давлением вызовов послеоктябрьской социальной реальности.

И важно отметить, что такая «модификация» была начата самим Лениным, и именно она сулила возможность избежать скатывания нашего общества к тоталитарной сталинской системе. В чём была суть этой начатой Лениным «модификации» и почему же, тем не менее, всё, к 30-м годам, закончилось сталинской тоталитарной казармой?

«Модификация» эта начинается удивительным (мало кем замечаемым и мало кем понимаемым) утверждением: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»[1] (6 января 1923 года, статья «О кооперации»).

Что же «пересматривал» Ленин? Какие идеи, какие концепции он призывал отбросить и почему?

Прежде всего – всю прежнюю *экономическую* стратегию и положения социалистической теории, её определявшие[2].

В чём была суть прежней «точки зрения» на социализм, которую призывал пересмотреть Ленин?

Вот её основные параметры.

Возглавляемые Лениным большевики шли на Октябрьскую революцию с идеей строительства – в ближайшей перспективе – социализма. Это означало: 1. Уничтожение частной собственности[3]; 2. Построение экономики на манер единой – в национальном масштабе – «фабрики», работающей по спускаемому сверху, из центра Плану[4]; 3. Создание новой политической системы: народная власть в форме Советов; 4. Приход к власти через революцию, политическое насилие и про-

1Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.45. С. 376.

2Подробный рассказ о ленинской концепции обновлённого социализма – см. Г.Водолазов. Ленинское наследие: вода живая и мёртвая. «Вопросы теоретической экономики», №№ 2-3, 2020.

3«…Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.4 С. 438).

4«Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С.101). «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.17.С. 127).

должение «социалистического строительства» при опоре на «диктатуру пролетариата».

И вот через три с половиной года после «успешного», «победного» Октября Ленин констатирует, что все эти императивы и установки не дают ожидаемого – социалистического (да и вообще мало-мальски приемлемого для общества) - результата. Следование им ведёт страну в тупики, социально-экономическое и социально-политическое болото, ввергает общество в тяжёлые кризисные ситуации (которые, добавим мы сегодня, и чреваты перерасти в тоталитаризм).

Мы думали, отмечал Ленин, что сможем быстро перейти к социалистическим формам деятельности – и в сфере экономики, и в сфере политики. В этих целях «мы» (то есть большевики) сразу, после Октябрьской победы уничтожили (как и советовал Маркс) частную собственность на крупное промышленное производство, национализировали все основные институты частной собственности и попытались наладить взаимодействие между классами и социальными слоями, не прибегая к традиционно капиталистическим методам – торговле и рынку. «Мы» пытались организовать прямой, непосредственный обмен продуктами. «Мы» готовились к планово-государственному распределению всех продуктов и всех вообще ресурсов.

Формировалась, в результате, система так называемого «военного коммунизма», одним из ведущих принципов которого в отношениях между классами (пролетариатом и крестьянством), между государством и многомиллионной массой крестьянского населения, был принцип «продразвёрстки». Государство «верстает» план взятия у крестьян хлеба, зерна, других сельскохозяйственных продуктов (как если бы «верстало» заводам и фабрикам план выпуска промышленной продукции, выплачивая из госбюджета зарплату рабочим). «Мы решили, что крестьяне по развёрстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам - и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»[1]. И тоже, по идее, крестьянам (также, примерно, как и рабочим) должна идти оплата их труда. Но поначалу – в силу бедности, разрушенности хозяйства страны (после первой мировой войны и революционных потрясений) платить толком было нечем. И приходилось, скрепя сердце, прибегать к не очень симпатичным и не очень гуманным мерам. «Мы брали от крестьян все излишки, и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьян продовольствия, брали для покрытия расходов на армию и содержание рабочих. Брали большей ча-

1Там же. Т.44. С. 157.

стью в долг, за бумажные деньги (которые тогда были ничего не стоящими простыми бумажками – Г.В.)»[1]. Это была тяжёлая и жестокая мера. Но крестьяне, во время гражданской войны, её приняли. Было понимание: хлеб нужен солдатам и рабочим для защиты тех же крестьян от помещиков и крупных землевладельцев, которым руководители белого движения обещали вернуть конфискованную, национализированную и переданную большевиками во владение крестьянам собственность. Крестьянам была понятна мысль Ленина: «Иначе (как прибегая к «военному коммунизму»» и «продразвёрстке» - Г.В.) победить помещиков и капиталистов в разорённой мелкокрестьянской стране мы не могли»[2].

Крестьяне, повторяю, приняли политику «военного коммунизма» с её «продразвёрсткой». Но приняли, как необходимую, но *временную* меру. И потому, когда после победы в гражданской войне большевики попытались продолжить «коммунистическую» политику продразвёрстки, крестьяне сказали: Нет! Довольно! После того, как угроза помещичьей реставрации миновала, они уже отказывались по-старому, по-военно-коммунистически, без всякой меры отдавать продукты своего труда государству. Они много веков всё работали «на кого-то» - на дворян, помещиков, купцов, бурмистров. Теперь они желают поработать «на себя». А им подсовывают нового «хозяина» - государство. Зачем тогда революция?

Большевики натолкнулись на стену, на решительное сопротивление крестьянской массы. «К весне 1921 года, - констатировал Ленин, - выяснилось, что мы потерпели поражение в попытке «штурмовым» способом перейти к социалистическим основам производства и распределения»[3]. И – «поражение» более серьёзное, чем какое бы то ни было поражение, нанесённое нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более существенное и опасное»[4].

И самое главное, что тяжесть, опасность и масштабы этого поражения были связаны с ещё более значительным фактором, чем сопротивление крестьянства социалистическим мерам. Этим мерам сопротивлялась сама История. Тупиковость ситуации вызывалась и более фундаментальными причинами.

У большевиков была неколебимая уверенность, что дорога в светлое будущее идёт через национализацию, огосударствление, обобществление всего и вся. Всё – через государство, и ничего – помимо государства! Они огосударствили

1Там же. Т. 43. С. 219- 220.

2Там же. С. 220.

3Там же. Т. 44. С. 204.

4Там же. С. 159.

крупную промышленность, железные дороги, финансовую систему, «огосударствили» деятельность рабочего класса. Осталось только «огосударствить» крестьянство: каждого крестьянина, каждое крестьянское хозяйство сделать частью той общенациональной «фабрики», которую в «Государстве и революции» намечал создать Ленин. И вот тут-то и выяснилось, что не только крестьянин не желает быть «деталью», «винтиком» общенациональной «фабрики», но и что в принципе невозможно «огосударствить», подключить к единой плановой экономике миллионы мелких, самостоятельных, разрозненных крестьянских хозяйств. Они атомизированы, между ними не протянуты связующие экономические нити. Их можно соединить, сделать частью единого экономического «конвейера только двумя способами: либо продолжением военно-коммунистического насилия (вариант, применённый впоследствии сталинцами, вариант губительный для крестьян, для сельского хозяйства и для страны в целом, ибо безмерное и жестокое насилие *вмирное время* – путь к социальной катастрофе), либо – торговлей, рынком[1]. Выбор был между экономической диктатурой и экономической демократией. По второму, гуманистическому и экономически эффективному, пути и предложил пойти Ленин.

Давайте запомним эту дату: 8 февраля 1921 года. Идет заседание Политбюро, решаются десятки насущных вопросов. Ленин на несколько минут отключается от шумной дискуссии и на клочке бумаге набрасывает строки: «1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене развёрстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней развёрсткой. 3. Одобрить принцип сообразования налога со старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при старательности земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога».

Так зародилась новая экономическая политика – знаменитый НЭП.

А потом будет 15 марта 1921 года. X съезд РКП(б). Доклад Ленина «О замене развёрстки натуральным налогом». И первый пункт принятой съездом резолюции: «…развёрстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом»[2]. Всё! Новая экономическая политика становится официально принятой стратегией развития страны.

1«Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 226.

2Десятый съезд РКП(б). Стенограмма. С. 608.

Иной читатель может удивиться тому, что мы с таким пафосом, так возвышенно пишем об этом сюжете – замене развёрстки продналогом. Даже предлагаем запомнить какие-то даты, связанные с возникновением этой идеи. «Подумаешь, какое событие, - возможно, воскликнет он, - понизить крестьянам налог, дать им возможность образовавшиеся излишки открыто, легально, не «из-под полы» продавать на рынке и не бояться при этом, что их обвинят в «спекуляции», в нарушении государственной хлебной монополии. Ну, подправили немного налоговую, фискальную систему. Эка важность…».

А между тем, важность эта громадная, можно даже сказать (не боясь впасть в преувеличение) – всемирно-историческая.

Это был не просто ремонт фискальной системы. Это был настоящий социально-экономический переворот – на практике, это была предпосылка пересмотра основ прежней социалистической теории. Это и была альтернатива той тенденции, которая затягивала общество в тоталитарную казарму. Альтернатива, непростая, рождающая массу новых проблем, но только на пути реализации этой альтернативы появлялась возможность построения общества социального равенства, демократии и гуманизма (которое единственно и заслуживало называться социализмом). Это был обновлённый социализм, существенно отличавшийся оттого образа социализма, на который ориентировались большевики накануне Октября и в первые послеоктябрьские годы.

Надо понять, разъяснял Ленин, что открытие дверей «обороту», «торговле», «рынку» - это открытие дверей капитализму. Это оживление капиталистических отношений в России, в стране, взявшей курс на социализм. Так, весь парадокс, так, всё дело и состояло в том, что только через «оживление» капитализма можно было двигаться к социализму в мелкокрестьянской стране. Это был ленинский ответ на задачу, «как строить… социалистическое здание в мелкокрестьянской стране»[1]: «Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что … капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворить нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства был возможен, ибо это нужно народу, *без этого жить нельзя* (курсив мой! – Г.В.)»[2].

Вот так: через торговлю, рынок, оживление капитализма (без которого «жить нельзя») складывается новая, необычная социально-экономическая систе-

1Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С. 151.

2Там же. Т. 45. С. 85-86.

ма: «социализм», дополняемый «капитализмом», или: «капитализм», окружённый «социализмом». Система, которую можно было бы обозначить, как «социализм-капитализм», или «капитализм-социализм» и которую Ленин назвал «государственным капитализмом».

Но наш «государственный капитализм», подчеркивает Ленин – не собственно «капитализм». Он – только наполовину капитализм, а наполовину – социализм. Эти «половинки» нашего госкапитализма будут соревноваться друг с другом, конкурировать друг с другом, они будут ограничивать и дополнять друг друга. Это будет соперничество и сотрудничество одновременно. Их соперничество, их соревнование даст сильный толчок развитию и сельского хозяйства, и промышленного производства. Поддерживаемые капиталистической частью новой социальной (нэповской) системы рыночные начала, мотивы получения прибыли будут стимулировать хозяйственную активность, способствовать гибкости в решении хозяйственных проблем, ускорению темпов экономического развития. Со своей стороны, социалистическая составляющая нашего госкапитализма будет существенно ограничивать эгоистические, эксплуататорские устремления капиталистического сектора, побуждая его работать на «общее дело», стимулируя развитие его социальных функций, цивилизуя и гуманизируя его, превращая, можно сказать, в «капитализм с человеческим лицом».

В связи со всем этим Ленину часто задавали вопрос его однопартийцы: «А не проиграем ли мы в этом соревновании? Ведь капитализм, как вы сами говорите, опытнее нас и превосходит в умении вести дело».

Вопрос не праздный. И Ленин не скрывал, что опасность потерпеть поражение в соревновании с капитализмом достаточно велика. Но у нас, уверял он, есть все шансы, чтобы избежать поражения, чтобы цивилизовать, ограничить капиталистические устремления. У нас есть все шансы, чтобы оптимистически смотреть в будущее.

В чём эти шансы заключаются? Почему мы можем оптимистически смотреть в будущее? «В чём наша сила?»[1] – ставит вопрос Ленин. И отвечает, делая акцент на трёх факторах:

1. «Политическая власть» - в наших руках.
2. «Основная экономическая сила – в наших руках. Все решающие крупные предприятия, железные дороги и т.д. – они все в наших руках».

1Там же. С. 95.

3. Наконец, что крайне важно, мы идём на сотрудничество, на блок не со всеми частями капиталистического класса – только с мелкими и средними частными производителями. Крупных капиталистов («монополистов», «олигархов») отсекаем. Их основную часть мы убрали с общественной арены в первое же время после Октября – через национализацию и огосударствление крупных капиталистических предприятий и банков. И это было важной предпосылкой возможности (и успешности для нас) новой экономической политики. Экономически соревноваться с крупным капиталом малосильному в то время социалистическому хозяйственному сектору было бы не под силу.

Поэтому, утверждал Ленин, у нас есть все шансы успешно выйти из всех тупиков, в которые нас завела прежняя, военно-коммунистическая, политика и вступить на дорогу экономического прогресса.

И, наконец, завершающее звено теории новой экономической политики – кооперация. Мысль о социалистическом значении кооперации появилась у Ленина спустя почти два года после X съезда, принявшего новую экономическую политику и сформулировавшего её основополагающие принципы. В этой, принятой X съездом, концепции недоставало, как потом выяснил Ленин, очень важного звена. Там говорилось о соревновании социалистических и капиталистических элементов, крестьянского мелкобуржуазного хозяйства и плановой государственной экономики, о соревновании, которое должно было способствовать ускорению хозяйственного развития. Но оставался вопрос: а что же это «мелкое крестьянское хозяйство» так и будет оставаться на долгие и долгие годы в пространстве частной собственности, в пространстве капитализма? А нельзя ли найти пути, чтобы в ходе вышеназванного «соревнования» крестьянин приближался к коллективистским, социалистическим формам деятельности?

И вот эта форма была Лениным найдена - кооперация.

«Благодаря нэпу», пишет он, «кооперация получила у нас совершенно исключительное значение»[1]. И дальше ещё громче, ещё значительней: «…теперь гигантское, необъятное значение приобретает для нас кооперирование России»[2]. И – поясняет, в чём состоит это «гигантское, необъятное значение» кооперации: «…теперь мы нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса…, степень подчинения его общим интересам»[3]. Через кооперацию, то

1Там же. С. 369.

2Там же. С. 369-370.

3Там же. С. 370.

есть через совместную деятельность мелких частных собственников в различных сферах производства, потребления, распределения, руководствуясь своим частным интересом, крестьянин вступает в коллективистскую, потенциально социалистическую, сферу деятельности – вначале эпизодически, потом, видя пользу для себя объединения, кооперирования с себе подобными, делает дальнейшие шаги, укрепляя и развивая свои общественные связи. Иначе говоря, его «частный интерес» подталкивает его к коллективной, кооперативной деятельности, которая, вместе с социалистической деятельностью рабочего класса на государственных предприятиях, будет способствовать построению социалистического общества. Так, по Ленину, будет решаться задача – «чтобы *всякий* мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении»[1].

Для Ленина приход к идее кооперации, как форме перехода крестьянства «к новым порядкам, путём возможно более *простым*, *лёгким и доступным*»[2] значил многое: его концепция новой экономической политики получила достойное завершение. Без этого, открытого Лениным, звена новая экономическая политика была неполна, ущербна. «Мы перегнули палку, - пишет он, - переходя к нэпу, не в том отношении, что слишком много места уделили принципу свободной промышленности и торговли, но мы перегнули палку, переходя к нэпу, в том отношении, что забыли думать о кооперации»[3].

Теперь найдены все звенья экономической деятельности, соединение которых способно обеспечить не только хозяйственный прогресс страны, но и её прогресс в движении к социализму – в его новой, по сравнению с прежними представлениями о социализме, форме. «В самом деле, - пишет Ленин, - власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т.д. – разве это не всё, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации» мы получили бы «всё необходимое для построения полного социалистического общества». «Это ещё не построение социалистического общества, но это всё необходимое и достаточное для этого построения»[4] «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства

1Там же.

2Там же. С. 371.

3Там же. С. 371.

4Там же. С. 370.

производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма[1]».

На этом создание концепции новой экономической политики (а по сути, концепции «нового социализма») было завершено. Сопряжение (соревнование, сотрудничество и противоборство) в рамках единого социального пространства плана и рынка, социализма и капитализма (мелкого и среднего), национальной экономики и крупного зарубежного капитала (концессии), с опорой на специфический «государственный капитализм» и кооперацию – **таковы главные черты этой новой теории послекапиталистического общественного развития. Таков результат пересмотренной Лениным прежней концепции социализма**.

Это был, конечно, прорыв, новое слово в развитии социалистической теории. И, повторим: только идя по этому, намеченному Лениным, пути, можно было не допустить скатывания к тоталитаризму.

Где остановился Ленин?

Лениным были сделаны только первые, хотя и много определяющие, шаги на этом новом пути. Нащупать дальнейшие маршруты движения было очень непростым делом. На этом пути возникала масса проблем, которых Ленин не смог (или, скорее всего не успел) ни поставить, ни тем более решить. Осмысление и решение этих проблем легло на плечи учеников Ленина. Что это за проблемы, и как с ними справлялись «ученики» Ильича?

Это, во-первых, проблемы, возникающие в ходе развития нэпа и грозящие сорвать дело социалистического строительства. И, во-вторых, самая главная, самая фундаментальная, самая трудная и, можно сказать, судьбоносная проблема: как разрешить противоречие между нэповской экономической демократией и политической диктатурой, сохранившейся со времён военного коммунизма.

Нэп, ведь, был плюралистической экономической *демократией* (пространством соревнования, сотрудничества и соперничества разных укладов и экономических тенденций). Но эта нэповская *демократия* всё время натыкалась на *недемократические* политические стены. Политическая система страны в эпоху нэпа оставалась практически неизменной со времён военного коммунизма: «диктатура пролетариата», однопартийность, приоритет революционной целесообразности по отношению к праву, жёсткий централизм. Экономическая *демократия* не

1 Там же. С. 373.

могла нормально функционировать и реализовывать свой социальный потенциал в условиях политической *диктатуры.*

Ведь должно же быть соответствие. Либо отказаться от *демократии* в хозяйственной сфере (то есть от нэпа) и возродить экономическую *диктатуру* по военно-коммунистическому образцу (и тогда экономическая диктатура будет в полном соответствии с политической диктатурой). Либо отказаться от лозунга политической *диктатуры,* заменив его лозунгом политической *демократии* (и тогда будет гармония между двумя демократиями – в политике и экономике). Надо было как-то решать: или – или.

Вначале о первой группе проблем – о тех, что возникают на базе развития нэпа. Как-то так получилось, что вместо ожидавшегося (и предсказанного Лениным) развития коллективистских, социалистических начал, происходит ост капиталистических тенденций – и на селе, и в городе.

В деревне – усиление кулачества. Нэп открыл дорогу частному предпринимательству. И эта «работа на себя» быстро дала впечатляющий результат. Произошёл резкий рост производства зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Преодолена полоса голода начала 20-х годов. Всё так. Но где же предсказанный Лениным рост коллективистских, социалистических начал? Ни соперничества, ни сотрудничества с сельскими капиталистами и капиталистиками социалистическому укладу не удалось наладить. Кулачество одерживает победу за явным преимуществом. Ну, и как же на это реагировать правящей партии, желающей строить социализм?

Уверять общественность (как это было свойственно некоторым видным теоретикам партии), что никакой «кулацкой опасности» для социалистического строительства не существует? И что кулак «врастёт в социализм»? Но как в такое можно уверовать? Кулак, то есть сельский капиталист, всё больше становится основным производителем сельхозпродукции. Он нуждается в свободном рынке, с помощью которого он будет преумножать своё состояние. Идея социалистического социального равенства ему не подходит. Включаться в какую-то там «плановую экономику», которая будет диктовать ему какие-то цели деятельности – это противоречит всему укладу его жизни и хозяйственной деятельности. Конкурентная рыночная стихия, частная собственность, капитализм – вот куда на самом деле «врастает» кулачество и с удовольствием будет «врастать» дальше…

Можно попытаться избрать другую, по отношению к кулаку, линию поведения: отказаться от иллюзии «врастания кулака в социализм», объявить его против-

ником социалистического строительства и попытаться поприжать его, используя экономические рычаги. Ну, например, создавать коллективные крестьянские хозяйства из бедняков и середняков. Поддержать их всеми имеющимися у государства ресурсами, навязывая таким образом кулаку конкуренцию, в которой он, не имея государственной поддержки, победить не сможет. И вот тогда, в условиях успешно развивающихся коллективных хозяйств, кулак будет оттесняться на обочину экономической жизни, утрачивая роль «основного производителя». И вот тогда-то, в качестве не основного, а второстепенного фактора сельской экономики, он и сможет, действительно, «врасти в социализм», умеряя свой эгоизм и согласуя свою деятельность с деятельностью доминирующих социалистических форм хозяйствования. Это была бы замечательная стратегия: она использует энергию и активность кулацких хозяйств, дающих значительный вклад в совокупное богатство общества, и в то же время существенно ограничивает кулацкие амбиции и возможности, превращая в лидеров экономической жизни общества коллективные хозяйства социалистического типа.

Одно только «но», которое рушит эту прекрасную стратегию: поддерживать коллективные хозяйства государству нечем (или почти нечем). В разорённой революциями и гражданскими войнами стране нет серьёзных ресурсов поддержки. И прекрасная идея беспомощно повисает в воздухе. Да, и (что особенно превращает эту замечательную идею в утопию) основная масса крестьянства (и бедняки, и середняки), воспитанная веками в духе индивидуализма и, как тогда говорили, «мелкобуржуазности», совсем не рвётся в коллективные хозяйства. Крестьяне хотят работать не на «коллектив», а на «себя», на своей земле, дарованной им Октябрьской революцией.

Вот если бы в стране было развито промышленное производство, способное дать предполагаемым коллективным хозяйствам технику – трактора, комбайны, транспорт – тогда бы, наверняка, большинство крестьян было бы «за коммунию», пошли бы в коллективные хозяйства, понимая, что с помощью такой техники и объединёнными усилиями они быстро достигли бы материального благополучия и существенно потеснили кулака. Вот тогда и исчезла бы «кулацкая опасность» для социалистического развития.

И снова «но». Но где в разорённой, повторяю, стране взять средства для быстрого и масштабного развития промышленности?

Стремясь всё же сохранить эту замечательную идею поддержки крестьянства продукцией государственной промышленности, некоторые видные экономи-

сты партии (например, член ЦК Е.А. Преображенский) заговорили о целесообразности прибегнуть к стратегии так называемого «первоначального социалистического накопления». Вспомнился им рассказ Маркса о «первоначальном *капиталистическом* накоплении» - когда нарождающейся буржуазии удалось за счёт бесчеловечной эксплуатации крестьянства заложить материально-финансовый фундамент для развития общества на капиталистической основе. Почему бы не повторить нечто подобное, но уже для других, «возвышенных», целей – закладки фундамента для *социалистического* строительства? Да, как когда-то первым буржуа, придётся прибегнуть к жёсткой (даже жестокой) эксплуатации крестьянства – выжимая из него по максимуму, и тем субсидируя промышленное производство. Ничего, пусть крестьяне немного потерпят. Зато промышленность получит «первоначальный капитал» и, развившись, через несколько лет, вернёт крестьянам всё сторицей. Но вот вопрос: захотят ли крестьяне ещё «несколько лет» «потерпеть» такое военно-коммунистическое «первоначальное накопление»? А если не захотят (что, скорее всего, так оно и будет), то тогда что же? Прибегнуть к «диктатуре пролетариата» и ЧК? Хорошенький это будет «социализм», замешанный на насилии, терроре, крестьянской крови! Забегая вперёд, заметим, что именно к этой стратегии в 30-е годы прибегло сталинское руководство, попутно расстреляв Преображенского и его единомышленников – дабы никто не упрекнул сталинистов в политическом плагиате, сворованным у тех, кого они называли «врагами народа». Жуткая ирония истории: двинулись сталинисты по пути, намеченном «врагами народа». Ну что ж, это название к ним подходит больше, чем к Преображенским. Преображенские-то действительными «врагами народа» не были. Они просто заблуждались и к тому же (в отличие от сталинистов) не пролили ни капельки народной крови. И их можно было поправить коллективной волей однопартийцев (как не раз случалось – с тем же Преображенским - при Ленине). Сталинцев «поправить» было нельзя, за такую попытку – неминуем расстрел.

А, может, во имя социализма и потеснения частных собственников поступить ещё проще: взять, да и «ликвидировать» кулачество. Заявим: ликвидировать «как класс», а на деле – каждого кулака, как «врага народа». Ну, если – «каждого» будет сочтено излишней жестокостью, то можно применить к кулакам и более «гуманные» методы воздействия: пусть себе живут, но отберём у них всё, что они имеют и выбросим их (24 часа на сборы!) куда-нибудь за Урал, в степи безлюдные. Кулаки – мужики изворотливые. Выживут! С «кулацкой опасностью» покончим. Но проблемные узлы ещё больше завяжутся: ведь таким образом мы «ликвидируем»

не просто кулака, но, на данный момент, основного производителя продуктов – и тем самым ввергнем страну снова в суперголодное существование, чреватое гибелью миллионов (что, кстати, в начале 30-х годов и произошло).

В общем, нэп – хорошая идея. Но, видим, сколько проблем порождает процесс её реализации. И проблем поистине судьбоносных. Не найдём их решения – погибнем. Погибнем в качестве первого в мире ростка социализма, первой в истории народной, Советской, власти.

Мы коснулись проблем крестьянства, села. Но и в городе ситуация была не проще, не менее проблемной. На базе стимулов, порождённых нэпом, росли, как грибы после дождя, частные предприятия - всевозможные частные мастерские, фабрики, торговые точки, всякие рестораны, кафе, «забегаловки». Появляется и заявляет право на социальное лидерство новая фигура – нэпман, человек, ориентирующийся на мещанские, буржуазные ценности. Нэпманство порождает свою культуру, расползающуюся по всему пространству общества, навязывает ему свои идеалы, ничего общего с социалистическим идеалами не имеющие – идеалы мещанского образа жизни. Эгоистическая, индивидуалистская идеология мещанства теснит коллективистские идеалы социализма. Дух потребительства, угодничества, эгоизма теснит духовные, возвышенные идеалы социалистического товарищества. Психология, жизненные установки мещанства всё больше захватывают не только рядовых, что называется, граждан. Но, что особенно страшно, всё больше становятся психологией и идеологией государственных и партийных чиновников. Рождается новый страшный симбиоз мещанского, частнособственнического идеала, основанного на разрастаний всевозможных привилегий чиновничества и готовностью защищать эти привилегии и своё привилегированное положение всеми доступными способами, не гнушаясь методами внезаконного государственного насилия и чекистского террора. И это блистательным афоризмом зафиксировал (хотя и с вполне понятной горечью) один из главных творцов Октября – Л.Д. Троцкий: «Шло освобождение мещанина в большевике». Шёл процесс постепенного перерождения сословия революционеров, процесс превращения значительной их части из бескорыстных прежде общественных деятелей в в дельцов, в карьеристов, услужливо гнущих свои спины перед грозными очами власть предержащей группы. А уж вползшее во власть новое поколение чиновников было и подавно лишено каких-либо нравственных ограничителей. Готовое на всё – дабы удержать привилегии и властный кнут в руках своего, бюрократического, сословия.

Так постепенно формировалось кадровое ядро будущей тоталитаристской системы. Нужно было остановить процесс разрастания этого - как можно скорее и как можно решительнее.

Великий политический диагностик, Ленин хорошо различал симптомы этой социальной болезни. «Наш аппарат», писал он, «ровно никуда не годится, нужна «переделка нашего аппарата»[1]. Он весь пропитан бюрократизмом, «комчванством», он оторван от масс. «Коммунисты стали бюрократами»[2].

В обыденном сознании «бюрократизм» обычно не рассматривается, как какое-то масштабное и очень опасное социальное зло. Ну, это – волокита, культ бумажки (за которой не прослеживается человек). В действительности бюрократизм – это особый тип политического режима. Антинародного. Бюрократизм – это неподконтрольность власти чиновников народу. Мотивы и характер их деятельности тщательно скрывается от граждан. «Всеобщий дух бюрократии, писал Маркс, - есть тайна, таинство… соблюдение этого таинства обеспечивается в её собственной среде иерархией организаций, а по отношению к внешнему миру – её замкнутым, корпоративным характером»[3]. Бюрократу абсолютно безразлично народное мнение. Он знает: не от народного мнения зависит его жизнь и карьера, а от благосклонности его начальника. Отсюда – высокомерие, пренебрежительность по отношению к нижестоящим и угодничество, лизоблюдство по отношению к стоящим выше. Российское чиновничество, однажды заметил знаменитый народнический публицист Михайловский, подобно лестнице: если смотреть на неё снизу вверх - восходящая лестница господ, если смотреть на неё сверху вниз – нисходящая лестница лакеев. Барин и холуй одновременно!

Бюрократизм – это система беспрекословного подчинения высшему политическому Авторитету. «*Авторитет* есть… принцип её (бюрократии – Г.В.) знания и обоготворение авторитета есть её *образ мыслей*»[4]. Бюрократизм – это система, замешанная на политическом насилии, произволе и волюнтаризме. «Бюрократия хочет всё сотворить…она возводит волю в causeprima (в первопричину). Для бюрократа мир – просто объект его деятельности»[5]. И отсюда – грозное ленинское пророчество относительно опасности бюрократизма: «Если что нас погубит, то

1Там же. С. 376.

2Там же. Т. 54. С. 180.

3Маркс К.и Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. с. 272.

4Маркс К.и Энгельс Ф. Сочинения. Т.1. с. 243.

5Там же.

это»[1], потому что «самый худший у нас внутренний враг – бюрократ», и «*от этого врага мы должны очиститься*»[2].

Ленин видел эту зловещую цепочку становления авторитарно-бюрократической системы: диктатура пролетариата перерастает (в силу малочисленности и деклассированности российского пролетариата) в диктатуру партии, та, в свою очередь, - в диктатуру ЦК, диктатура ЦК – в диктатуру Политбюро, и, наконец, на вершине этой диктаторской вертикали - непререкаемый Авторитет, вождь-диктатор. Конечно, эта цепочка не будет чересчур зловещей, если таким Авторитетом будет человек интеллигентный, не сгораемый честолюбием, не упивающийся своей огромной властью, умеющий ею цивилизованно, в интересах общества, пользоваться. Ну, например, такой, как Ленин, Луначарский, Чичерин. А если это будет человек вроде Берии, Ежова, Вышинского, Сталина, наконец?..

Нельзя, чтобы судьба страны и населяющих её людей столь капитально, столь абсолютно зависела от психических особенностей и интеллектуально склада руководящей личности. Это для общества чревато страшными бедами.

Ленин, повторяю, видел эту чрезвычайно опасную, душащую инициативу масс, социальную болезнь – бюрократизм (которая сродни раковой опухоли). И самоотверженно искал от неё эффективных лекарств. «Я советовал бы очень предпринять …ряд перемен в нашем политическом строе, - взволнованно писал он в «Письме» к XII съезду партии. – Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными»[3]. К чему сводился этот предлагаемый Лениным «ряд перемен» (о которых он написал не только в «Письме к съезду», но и в статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше»)?

1. Реорганизовать Рабкрин (рабоче-крестьянскую инспекцию, орган *государственного* контроля) – в целях «улучшения» работы госаппарата. Это - против бюрократизации госаппарата.

2. Увеличить число членов ЦКК (Центральная контрольная комиссия, орган *партийного* контроля). Против бюрократизации партийного аппарата. Рабкрин, объединённый с ЦКК, должен стать органом, не допускающим сосредоточение власти в партии и государстве в одних руках.

1Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 180.

2Там же. Т.45. С. 15.

3Там же. С. 343.

3. Увеличить число членов ЦК партии. Фактор большей устойчивости, снижающий возможность раскола.

4. Сместить Сталина с поста Генерального секретаря ЦК.

Увы, ожидаемого результата ленинские предложения не дали. Часть из них были отвергнуты сталинским руководством, их другая часть не приводила к *коренным* изменениям в политической системе.

Ведь нэп усиливал многообразие и разнообразие интересов социальных сил в обществе. И задача, следовательно, была – находить эффективные способы согласования интересов этих различных социальных слоёв, групп, классов. А это возможно, только если эти различные социальные силы будут иметь своих политических представителей, политические организации, формулирующие и защищающие эти интересы. Придётся, как следует, продумать и механизмы согласования интересов, способы реализации согласованных ими программ действия. Это могут быть только *демократические* механизмы и способы. «Диктатура» таких механизмов не имеет. В ней доминирует «механизм подавления» - всех, кто не согласен с навязываемой обществу «генеральной линии» правящей партии.

Значит? Значит, следовало бы, по-видимому, «коренным образом» пересмотреть «всю точку зрения» не только на *экономическую* систему социализма, но и на *«диктатуру пролетариата»,* на всю политическую систему, сложившуюся в период «военного коммунизма». **Нужна была, иначе говоря, по аналогии с Новой Экономической Политикой (НЭП) Новая Политическая Политика (НПП)!** А не просто «ряд изменений» в политическом строе. «Новая политическая политика», которая совершенно исключала бы слова: «Диктатура», «революционная целесообразность» и которая была бы теорией Новой Демократии и Правового Государства. Я представляю, насколько сложно было в тех, драматических, условиях 20-х годов придти к мысли о необходимости Демократии (вместо Диктатуры), насколько сложно было разработать концепцию Демократии применительно к российским условиям той поры и тем более воплотить её в жизнь. И всё же следовало бы, наверное, поискать приемлемых демократических форм, испробовать разные варианты, пусть иногда и рискованные.

Ещё раз: *экономическая демократия* нэпа нуждалась в помощи *политической демократии*. Фундаментальная экономическая реформа нэпа нуждалась в дополнении её фундаментальной же политической реформой. Предложенный Лениным «ряд политических изменений», шедших в общем и в целом в направлении

демократизации общественного строя, эту фундаментальную задачу, однако, в полной мере не решал.

В это же время с важными советами-рекомендациями руководителям большевистской партии выступила Роза Люксембург:

- «Историческая задача пролетариата, когда он приходит к власти, — создать вместо буржуазной демократии социалистическую демократию, а не упразднить всякую демократию»[1];

- «Совершенно очевиден, неоспорим тот факт, что без свободной, неограниченной прессы, без беспрепятственной жизни союзов и собраний совершенно немыслимо именно господство широких народных масс»[2];

- «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией»[3].

Красивые и мудрые слова. К ним стоило бы прислушаться тогдашним партийным вождям. Прислушаться, но не обязательно принять полностью. Ибо не всё так просто, как это представлялось знаменитой польско-немецкой революционерке. Да, в принципе демократия (самая широкая) – вещь желательная и необходимая для социалистического общества. Но насколько осуществимо это пожелание в первые послереволюционные годы? Неграмотный (или полуграмотный) человек, часто напоминал Ленин, он «вне политики». Низкая общая культура основной массы народа и нижайшая политическая культура российского населения той поры просто исключали их возможности участия в делах государственного управления. Если уж партии Февральской революции (поддерживаемые культурной буржуазией и интеллигенцией) не смогли, в силу отсутствия демократических традиций у россиян, установить действительную демократию, то что в этом плане можно было ожидать от неграмотных крестьян и малограмотной рабочей массы?

Но так что же, получается, что Демократия необходима и одновременно… невозможна? И, стало быть, единственная реальная альтернатива – административно-командная, авторитарная система, контролируемая бюрократией? Убеждён

1Люксембург Роза. О социализме и русской революции. М., Политиздат. 1991. С. 331.

2Там же. С. 326-327.

3Там же. С. 331.

в необязательности такого развития событий. Но тогда – как? Это – ещё одна проблема в списке описанных выше проблем. Её тоже надо было решать, и она в принципе решаема, как это показали в своих работах Николай Иванович Бухарин (в конце 20-х годов) и Лев Давыдович Троцкий (в своих последних работах, когда для него многое прояснилось). Но об этом – чуть ниже.

После Ленина
(как ученики Ильича торили дорогу сталинизму)

Описав совокупность проблем, вставших перед страной после смерти Владимира Ильича, заметим, что осмысливать и решать их все надо было немедленно. И решив, надо было срочно и энергично действовать. Затяжка времени была чревата опасными и непоправимыми последствиями. Ибо предоставленные стихийному ходу события, без вмешательства в них политической силы и политической воли, подвигали страну к насильственным, авторитарным методам правления.

И что же политические вожди, что же главные теоретики и идеологи партии (те, что перечислены в Завещании Ленина) – как они реагировали на всю эту груду проблем?

А – никак. Они занялись другим. Они пытались решить другую (предварительную, но совершенно необходимую, по их мнению) проблему: не какова должна быть стратегия , не «что делать?», а – *кто* всё это будет делать, *кто* будет отвечать на вызовы времени и обстоятельств, *кто* будет вырабатывать стратегию, *кто* будет руководить её реализацией, *кто*, иначе говоря, займёт место, оставленное Лениным. Проблемы стратегического развития отодвинуты. На первый план вышла проблема борьбы за власть.

При этом не будем упрощать дело. Нередко исследователи сводят всё к столкновению амбиций людей, рвущихся к власти. Увы, всё обстоит гораздо сложнее. В партии сложилась *система*, которая делала такую борьбу *неизбежной.* Это не амбиции лидеров заводили этот процесс, это *система* двигала их, как марионеток в кукольном театре. Амбиции-то можно умерить, можно было бы поискать и найти компромиссы. Но *система* не давала такой возможности. Она была *бескомпромиссной.*

Это надо понять, об этом стоит сказать несколько поясняющих слов.

Когда возникают ряды сложнейших проблем, требующих решения, то нужно сосредоточение на них всех интеллектуальных сил партии. Начинается поиск. От-

веты, ведь, не лежат на поверхности. Естественно в ходе такого поиска возникают различные точки зрения, разные варианты решения проблем. Требуется их обсуждение, требуется дискуссия. В таком теоретическом многоголосии постепенно кристаллизуются идеи и формулы, которые разделяет большинство участников. Так вырабатывается «единство». Это – процесс интеллектуальной демократии.

Но у партии есть решение X съезда (1921 г.) – о единстве партии или иначе: о запрете фракций. Вообще-то разумно – не допускать внутри партии создание группировок со своей идеологией, со своей внутренней – фракционной дисциплиной. Пусть тогда фракционеры выходят из партии и создают другую, свою партию. Но это – «разумно» для демократического общества, где допускается многопартийность, идеологический плюрализм. Но «диктатура пролетариата» послеоктябрьской России была системой однопартийности. У нас «две партии, - саркастически улыбаясь, вещал Алексей Рыков, - одна – у власти, другая – в тюрьме» (не провидел тогда Алексей Иванович, что очень скоро он окажется в той «другой» партии; поменьше бы самодовольной иронии и побольше бы понимания реального положения дел!). В общем – никаких других партий. И «фракции», как некий зародыш многопартийности, были категоричны запрещены. Но, по сути, это был запрет не просто фракций, это был запрет на инакомыслие, на другие точки зрения (отличающиеся от тех, что спускаются с высших этажей партийной власти).

Говорили – на X съезде – что фракции подрывают-де единство и сплочённость партии. На самом же деле это решение подрывало жизненность партии. Во-первых, «фракциями» можно было объявить (что постоянно впоследствии, при Сталине, и случалось) любую коллективную поддержку предложений, противоречащих «официальной точке зрения» цековского, направляемого Сталиным, большинства. А во-вторых (и это главное), в тех условиях «запрет фракций» был, повторяю, на деле запретом на инакомыслие, на выдвижение и обоснование альтернативных точек зрения. Заботились о «единстве». Но возникает вопрос: как и на чём это «единство» будет основано? На какой стратегии, на какой программе? Как вырабатывается стратегия, призванная обеспечить «единство»? Реально в тогдашней партийной практике это выглядело так. Узкий круг вождей (а, по сути, Ленин, когда он был во главе партии) разрабатывает эту стратегию и предлагает её партии. Ну, и что дальше? Поскольку дискуссии, другие точки зрения запрещены (как ведущие к созданию «фракций), то идеи приходящей сверху стратегии принимаются без особого обсуждения. Кто посмеет оспаривать предложения вождей - того (как «фракционера») вышибают из партии. Нелепейшая ситуация! А что если

в предложениях вождей есть ошибки, которые следует исправить? Ведь сам же Ленин криком кричал – при выработке нэповской стратегии: мы наделали прежде массу серьёзных *ошибок.* И где же механизм их обнаружения, обсуждения и исправления? X съезд сделал всё, чтобы такой механизм не сложился. И Ленин, увы, защищал это решение. Вот так, ещё до прихода к власти сталинской команды, закладывались основы будущей Большой Беды. В стране – «диктатура пролетариата», всю её политику определяет целиком и полностью единственная в стране партия. Это означает (как признавали сами партийные вожди) «диктатуру партии». «Диктатура партии» (поскольку в ней многоголосие, инакомыслие запрещены) превращается в «диктатуру политбюро», та – в диктатуру группы доминирующих в ней вождей, группа выдвигает главного своего лидера - рождается режим единоличной диктатуры. Так формируется печальной памяти цепочка: диктатура пролетариата – диктатура партии – диктатура политбюро – диктатура господствующей в политбюро группы вождей – единоличная диктатура Вождя (пресловутый культ личности!). В общем, резолюция X съезда производит тяжёлое впечатление. И всё же она содержала лишь *возможность* сталинизма, но не его *неизбежность*. Не исключено, проживи Ленин подольше, продолжи руководить партией, резолюция съезда была бы им смягчена, а потом и вовсе пересмотрена. Основанием для такого предположения может служить ленинская концепция нэпа, знаменовавшая отказ от экономической *диктатуры* и переход к экономической *демократии.* Но как бы там ни было, резолюция эта была большой и несомненной ошибкой, закончившейся Большой Бедой – установившимся в 30-е годы диктаторским режимом.

И партийные лидеры, идеологи привыкли работать по логике той, закреплённой X съездом, *авторитарной системы*. Они не умели иначе. Они не знали, как можно иначе. Они начинают искать человека, который займёт то всеопределяющее место, которое занимал Ленин. А решаться это, по логике той *системы*, могло только борьбой, отчаянной борьбой за властное место, борьбой, в которой «все средства допустимы». Это борьба ещё больше закрепляла *систему*, которая, в конечном счёте, и привела к сталинизму.

Поучительно присмотреться к ходу этой борьбы.

Это была схватка умудрённых политических тяжеловесов. Они все стоили друг друга. Но, учитывая особенности партийной *системы* той поры (о которой мы выше писали), победить в этой схватке имел больше шансов наиболее среди них безнравственный, наиболее вероломный политик. И победитель этот имел далее

возможность формировать будущий политический режим по образу своему и подобию.

Таким победителем оказался, в конце концов, как известно, Сталин. Поучительно проследить логику этой победы, пронаблюдать, как вползал тоталитаризм в жизнь нашей страны. Вползал поначалу не слишком заметно, но постепенно набирая силу и власть. Поучительно рассмотреть пути, этапы, формы этого постепенного расползания тоталитарной опухоли – дабы научиться распознавать первые симптомы этой губительной для социального организма болезни, дабы вовремя прибегнуть к политической химиотерапии, препятствуя проникновению метастаз в клетки общественного организма.

Итак, главные действующие лица: Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий – четвёрка вождей, особо выделенная в политическом завещании Ленина.

Каждый из них – вольно или невольно, кто в большей, кто в меньшей степени – внёс свою лепту в становление тоталитарной системы. И за маневрами каждого из них – в целях извлечения уроков на будущее из их печального опыта – надо следить очень внимательно. Но особенно пристально имеет смысл следить за маневрами будущего победителя – Сталина, ибо его победа была самой большой Бедой для строительства свободного и справедливого общества в нашей стране, для судеб социализма в России и в мире.

Правда, поначалу Сталин всеми участниками схватки не рассматривался как главный претендент на ленинское кресло. Главным считал себя Григорий Евсеевич Зиновьев. А своего основного соперника он видел в Троцком, названном Лениным в завещании «наиболее способным человеком» в ЦК. «Менее способный», Зиновьев понимал, что в поединке «один на один» Троцкого ему не одолеть. Поэтому надо заручиться поддержкой тех, кто, как и он, боится и ненавидит Троцкого. Это, прежде всего, Каменев и Сталин. Втроём-то свалить Троцкого больше шансов. Будем размахивать жупелом «Единства партии» (как того требовал X съезд). И будет нашим лозунгом : Единство – во что бы то ни стало! А реально это «Единство» будет означать доминирование нашей «Тройки». У нас (у «Тройки») – большинство в политбюро. Сговорившись, дружно наступаем на Троцкого (поводы найти несложно!). Он во имя «Единства» должен подчиняться и подпевать нашему большинству, не переча принимаемым этим большинством решениям. А фокус весь состоит в том, что Лев Давидович, мы это отлично знаем, не из тех, кто будет смиряться и прогибаться. Будет решительно, а то и резко отстаивать свою точку зрения. Тут мы его и подловим: «нарушение единства», попытка вести запрещён-

ную X съездом «фракционную деятельность». А за это его можно вышибить не только из ЦК, но и вообще из партии (как это и предусмотрено решениями X съезда).

«Единством» будет заправлять сплочённая «Тройка». А внутри «Тройки» всё будет определять ещё более сплочённая «Двойка» - старинные друзья, Зиновьев и Каменев. После низвержения Троцкого единственным и бесспорным лидером, конечно же, будет он, Григорий Зиновьев. Мягкий и интеллигентный Каменев – человек без особых амбиций, давно смирился с ролью младшего партнёра в их тандеме. Сталин? Ну, это хороший организатор, администратор, будет полезным помощником новому вождю партии.

Самонадеянный и нарциссирующий, Зиновьев легкомысленно и беззаботно полагал, что Сталин будет вполне доволен отводимой ему «новым вождём» ролью. Особенно всматриваться в него, младшего партнёра по «Тройке», Зиновьев не собирался. Всё же предельно ясно: он, Зиновьев, - новый вождь партии («новый Ленин»). Каменев, как и у Ленина, будет его замом. И Сталин, как и при Ленине, будет помогать новому вождю с организацией и администрированием. После низвержения Троцкого такой политический расклад будет совершенно естественен. Ведь, это он, Григорий Зиновьев, единственный из партийных небожителей, весь свой путь с 1903 года шёл рядом с Лениным. Единственный, кому доводилось быть ленинским соавтором. Это он вместе с Лениным скрывался от временного правительства Керенского в знаменитом «шалаше». И к ним (в том числе и к нему) прибывали тайные связные партии за советами и рекомендациями. И он, этакий глубокомысленный, как доктор Ватсон при Шерлоке Холмсе, отваживался давать советы, предварительно проконсультировавшись у Ильича. Но кто это знал, кто видел? Он был рядом с Лениным – «мы пахали!». Да, и имейте, пожалуйста, ещё в виду, что он – председатель Коминтерна – не только национальным, но и мировым революционным процессом заправляет! И в Питере (этой «колыбели революции») возглавляет партийную организацию, где единодушно, с глубочайшим почтением внемлют каждому его слову. А его ближайший соратник, Лев Борисович Каменев, - он и в правительстве (во время болезни Ленина) главный, и возглавляет Московскую (столичную!) партийную организацию, где все эти Сталины, Молотовы, Ворошиловы состоят у него на партийном учёте. Да, вот и Отчётный доклад на первом (без Ленина) съезде делал именно он, Григорий Зиновьев.

Ну, и какие же ещё могут быть сомнения, что если не Троцкий, то именно он, он, Григорий Евсеевич Зиновьев, и есть «второй Ленин»?

Только надо фундаментально разобраться с Троцким.

И разборка началась. Не в честной открытой полемике, не в содержательных дискуссиях о путях развития страны, а в формах – мерзких и подлых. В формах, которые торили дорогу к столь же мерзкой и подлой политической системе. Но обо всём по порядку.

Прежде всего, надо как-то исподтишка мелочными, но чувствительными уколами и придирками уязвлять самолюбие Троцкого. Заставить его горячиться и нервничать, и в итоге спровоцировать его на неосторожные и скандальные шаги.

Начала «Тройка» с того, что стали выжигать политическое пространство вокруг Троцкого. Решили «реформировать» Реввоенсовет, вотчину и любимое детище Льва Давыдовича, основной ресурс его политической силы. Сговорились друзья в «Тройке» - и по их указке на Пленуме ЦК 22 сентября 1923 года постановили осуществить кадровую чистку Реввоенсовета – ну, разумеется, в целях совершенствования его работы. Отстранили, без согласования с Троцким, его ближайшего помощника и друга И.Н. Смирнова с поста управляющего военной промышленностью. И стали проталкивать на его место креатуру Зиновьева – Лашевича. Да ещё предложили для «укрепления» ввести в РВС ряд товарищей, среди которых враждебные Троцкому – Орджоникидзе, Ворошилов, Сталин.

Расчёт «Тройки» на вспышку Троцкого полностью оправдался. Ему, «создателю Красной Армии» (по слову Ленина), блистательно руководившему ею в гражданской войне, навязывают людей, за которыми он не признавал и не признаёт никаких военных талантов! Троцкий заявляет, что «отказывается нести ответственность за военное дело». И хлопнув дверью, покидает Пленум. Лицемерная «Тройка» готова по-товарищески успокоить разнервничавшегося председателя Реввоенсовета, готова даже пойти навстречу и ещё раз обсудить сделанные предложения. Формируется даже делегация, которой поручается «убедить тов. Троцкого вернуться». И терпеливо ждут возвращения, прекрасно понимая, что тот не вернётся – характер Льва Давыдовича известен! Зиновьев торжествует. «ЦК считает, что тов. Троцкий поступил неправильно, отказавшись исполнить просьбу ЦК о возвращении на заседание».

Отлично! Начало компрометации Троцкого положено: ЦК осудил «тов. Троцкого»!

И ожидавшееся продолжение немедленно последовало. Троцкий (8 октября 1923 г.) направляет в Секретариат – для рассылки членам ЦК и ЦКК «письмо-платформу». Он поднимает сравнительно частный вопрос – о кадровых по-

движках в РВС – на принципиальную высоту: «Мы видим… резкое ухудшение внутрипартийного положения… и возросшую оторванность ЦК от партии». И далее: «Крайнее ухудшение внутрипартийной обстановки имеет две причины – а) в корне неправильный и нездоровый внутрипартийный режим и б) недовольство рабочих и крестьян тяжёлым экономическим положением, которое сложилось не только в результате объективных трудностей, о и в результате явных коренных ошибок хозяйственной политики».

Это уже серьёзно: не о каком-то там частном кадровом конфликте идёт речь, а о «в корне» «нездоровом внутрипартийном режиме» и о «коренных» ошибках в хозяйственной политики.

Зиновьев снова доволен: «фракционное» противостояние Троцкого Центральному Комитету разгорается! Но особенно доволен (хотя и тщательно скрывает это) товарищ Сталин: ему по душе столкновение Зиновьева с Троцким. Сам он пока не выходит на первый план. В засаде. Пусть пока Зиновьев с Троцким как следует помутузят друг друга, пусть покомпрометируют друг друга – они умеют наносить тяжёлые удары. Вот тогда-то из тени, из засады и выйдет нескомпрометированный, «белый и пушистый» человек – он, Сталин.

Но сегодня Зиновьев доволен. Кто там «в засаде», кто «в тени» - это его мало волнует. Все козыри сейчас в его руках: с помощью «Тройки» и поддерживающего её ЦК он, конечно, Троцкого свалит.

Но вскоре выясняется, что всё не так просто, и лёгкой, быстрой победы у Зиновьева не получится. Придётся ещё немало помучиться.

Всё дело в том, что Троцкий уходит от подковёрных игр, начатых «Тройкой», и беспринципной грызни за власть. Он вводит дискуссию в содержательное русло, высвечивает действительную проблему, требующую очень серьёзного обсуждения – проблему внутрипартийной Демократии. Вскоре после «осудившего» его Пленума (8 октября 1923 г.) он пишет письмо-манифест в ЦК для рассылки его членам ЦК и ЦКК. «Мы видим… резкое ухудшение внутрипартийного положения… и возросшую оторванность ЦК от партии». Неслабое начало! И далее: «Назначение (а не выборы – Г.В.) секретарей губкомов стало теперь правилом. Это создаёт для секретаря независимое, по существу, положение от местной организации». «Создаваемый сверху вниз секретарский аппарат, всё более и более самодовлеющий, стягивает к себе все нити. Участие партийной массы в действительном формировании партийной организации становится всё более и более призрачным. Создаётся весьма широкий слой партийных работников, входящих в

аппарат государства или партии, которые начинают отказываться от собственного партийного мнения, по крайней мере, открыто высказываемого, как бы считая, что секретарская иерархия и есть тот аппарат, который создаёт партийное мнение и партийные решения». Это сильные и серьёзные обвинения. И громкий призыв в заключение: «Секретарскому бюрократизму должен быть положен конец. Партийная демократия …должна вступить в свои права. Низы партии должны в рамках партийности высказать, чем они недовольны и получить действительную возможность … создавать её организационный аппарат».

Как оценить этот шаг Троцкого? Ну, прежде всего, это – чрезвычайно важная констатация. Троцкий открыто и громко предупреждает партию: если будет сохраняться и тем более усиливаться «секретарский бюрократизм» (то есть не-демократический , авторитарный режим), то ждите большой Беды. И он пытается поставить первый барьерчик на пути скатывания страны к тоталитаризму.

Заметим, однако, это пока довольно низкий и довольно слабый барьерчик. Троцкий всё время ведёт речь о необходимости *внутрипартийной* демократии. Это очень важно, очень нужно, но и очень… недостаточно. У Троцкого нет ни слова, ни намёка о необходимости Демократии не только внутри партии, но и за её пределами – о демократии в обществе. Как-то получается, по Троцкому, что внутри партии хорошо бы создать Демократию, а вот общество пусть продолжает жить в условиях Диктатуры – Диктатуры «пролетариата», перерастающую, впрочем, в Диктатуру бюрократии. Ни слова не говорит он и о необходимости изменении роли партии в обществе, о создании *демократического* взаимодействия партии и общества. Троцкий, по сути, выступает этаким «полудемократом», сторонником, как бы сегодня сказали, «номенклатурной демократии», то есть демократии для номенклатуры, для членов правящего сословия. И не отдаёт себе отчёта, что не может быть демократически организованного *руководства* в недемократическом обществе.

И ещё одна ограниченность троцкистской концепции «внутрипартийной демократии». Троцкий полагает, что «внутрипартийная демократия» может сочетаться с решением X съезда о запрете «фракций» (равносильном запрету на инакомыслие). Ему не приходит в голову потребовать отмены недемократического решения X съезда. Получается, в итоге, что Троцкий даже не «полудемократ», он – лишь «четверть-демократ». И всё же эта позиции симпатичней позиции авторитарной «Тройки», но, повторяю, недостаточная. «Четверть-демократы» не способны по-настоящему защитить общество от авторитарных тенденций и структур. Ибо

они всё же сами – «на три четверти» авторитаристы. И поэтому частенько идут на компромисс с авторитаристами.

Члены авторитарной «Тройка», отражая интересы набирающей силы бюрократии, сами не против быть «немного демократами», но только «в кругу своих братишек». Они готовы в своём кругу потерпеть «четверть-демократов» при условии, что все их «демократические» дискуссии будут сугубо «внутрипартийными», а ещё лучше – внутрицековскими. Чтобы их разговоры не выходили на широкую публику, чтобы эта публика не могла вмешаться в жизнь бюрократических небожителей, чтобы она не претендовала на участие в управлении обществом и страной, чтобы не пробудились в «низах» демократические инстинкты. Стремились укрыть дискуссию за кремлёвскими стенами, и в закрытом наглухо бюрократическом пространстве найти компромисс в отношениях группировок правящего сословия. Хотели этого и поддерживающие «Тройку» цековцы, и сторонники Троцкого. Пламенный (в то время) сторонник Троцкого Карл Радек настоятельно предлагал действовать следующим образом: «Политбюро запрещает дискуссию, печатание платформ. Письмо тов. Троцкого не рассылает даже членам ЦК. Только в случае созыва Пленума члены ЦК получают возможность ознакомиться с письмом в порядке секретной папки». Такими вот «демократами» были товарищи троцкисты. Заводить «секретные» (от народа) папки – таким было и встречное желание зиновьевцев. Каменев, «во имя сплочённой и дружной работы» в политбюро обращается к троцкистам и к своим неуёмным сторонникам по «Тройке» с предложением «собраться» у него «на квартире», и совместно определить, какие шаги следует предпринять обеим сторонам. Поддержали «своего коллегу» и товарищи по «Тройке»! И Троцкий тоже согласился: что ж, давайте попробуем…

В начале ноября встретились. Обсудив ситуацию, поняли, что скрыть от общественности раздоры на высших этажах власти уже не удастся: письмо-платформа Троцкого и поддерживающая её петиция 46-ти уже разошлись по городам и весям. Досадно, но надо попытаться сохранить видимость единства. Придётся немного уступить Льву Давыдовичу и одновременно перехватить у него популярную в партийных (и не только партийных) кругах инициативу по развитию «внутрипартийной демократии». «Тройка»-де тоже чтит демократические принципы.

И 7 ноября в «Правде» - статья Зиновьева «Новые задачи партии». Кандидат в новые вожди партии предлагает обсудить «те практические мероприятия», которые позволили бы вдохнуть жизнь во внутрипартийную демократию, облечь её

«плотью и кровью». Так что все могли увидеть, что не один тов. Троцкий печётся о расширении демократических начал. И тов. Зиновьев – тоже.

Полагали: под контролем ЦК выпустят пар из перегревающегося общественного котла, и всё вернётся на круги своя. Но ошиблись: выпустили не пар из котла, а джина из бутылки, демократического джина. «В конце ноября, - констатирует историк К.Н. Писаренко, - статью Зиновьева и дискуссионные материалы «Правды» принялись обсуждать в столичных ячейках, в декабре волна дискуссии докатилась до провинции. И практически везде люди единодушно голосовали за расширение демократии. Более того, часто выражали сочувствие тем, кто на октябрьском Пленуме подвергся остракизму, то есть Троцкому и сорока шести петиционерам»[1]. «Тройка» полагала, что сможет «управлять» демократическим процессом – может, по своему желанию, расширять или сужать, а то и вовсе останавливать демократическую тенденцию. И снова ошиблась: демократия не может быть «управляемой». «Управляемая демократия» - это не демократия. Это – разновидность авторитарной системы.

Демократия враждебна бюрократии. И потому, выражающая интересы бюрократического сословия «Тройка» ищет способы и благовидные предлоги для пресечения развёртывающейся демократической дискуссии. Выступить открыто против самого факта дискуссии? – Это вызовет удивление и протест рядовых партийцев, тем более после статьи Зиновьева. Нет, надо представить себя поборниками внутрипартийной демократии, но каким-то ловким маневром существенно ограничить её, объявить её «демократическим помешательством». И вот 7 декабря «Правда» публикует «Резолюцию ЦК и ЦКК РКП(б) о партстроительстве». Удивительная резолюция! Ну, вначале идёт провозглашение (лицемерное, разумеется!) партийного курса на рабочую демократию - «свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свободу дискуссий по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху». Превосходно! Но маленькое добавление, которое напрочь разрушает эту красоту: запретить «свободу фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом». И тут снова прав К.Н. Писаренко: «Ясно, что данный акт был изначально мертворождённым актом, ибо содержал в себе взаимоисключающие решения, одновременно допускающие и воспрещаю-

1Писаренко К.Н. Тридцатилетняя война в политбюро. 1923-1953. М., Вече, 2006. С. 96.

щие свободу прений и выборов»[1]. Именно так: ведь всякое инакомыслие, поддерживаемое сочувствующими людьми, легко назвать «фракцией» и категорически его запретить.

Таким образом, проведённый по инициативе Каменева разговор «в кругу своих братишек» результата не дал, он привёл не к компромиссу, а, по сути, к победе одной из сторон – «Тройки», своим запретом на инакомыслие перечеркнувшей все надежды на расширение демократических начал, на обсуждение предложений Троцкого и его сторонников. Но Троцкий – есть Троцкий. Он не мирится с попытками «Тройки» заткнуть ему рот во имя «единства партии» и «социальной стабильности». 8 декабря 1923 года он через головы «Тройки» и послушного ей ЦК обращается ко всем членам партии с посланием «Новый курс».

Лейтмотив «Нового курса»: «Долой аппаратный бюрократизм – “один из важнейших источников фракционности”!». И - конкретная программа борьбы с этим «аппаратным бюрократизмом»: «обновление партийного аппарата … должно быть произведено с целью замены оказёнившихся и обюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь. И прежде всего должны быть устранены с партийных постов те элементы, которые при первом голосе критики, возражения, протеста склонны требовать партбилет на предмет репрессий. Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу доверху, что никто не смеет терроризировать партию».

Как будто бы неплохо сказано. И по сравнению с авторитарной «давиловкой» «Тройки» это, действительно, неплохо – протест против «репрессий» в ответ на «критику», протест против зажима демократических тенденций. И всё же– это слабая, половинчатая позиция, в целом остающаяся внутри авторитарных рамок, способная несколько расширить и смягчить эти рамки, но не способная их разрушить. Здесь всё время идёт речь не о демократизации жизни, общества, а о демократизации лишь *«аппарата»,* о демократизации *партийной* жизни. И для Троцкого, как и для «Тройки», враг номер один – «фракционность». Вот и с «аппаратным бюрократизмом» он призывает бороться потому, что он – “один из важнейших источников *фракционности*», потому что он, таким образом, нарушает решение X съезда. Подняться до того, чтобы потребовать отменить недемократическое решение X съезда, чтобы поставить вопрос о расширении не только «внутрипартийной», но и общегражданской демократии Лев Давыдович пока не

1Там же. С. 99.

может. И потому его ратование за «демократию» сводится, главным образом к замене откровенно авторитарных деятелей более «демократическими» - как мы их назвали, «полудемократами» и «четвертьдемократами». Снова: программа Троцкого не панацея от сползания к тоталитаризму.

Но громким вызовом авторитарной «Тройке» она является. И именно это подвигло Зиновьева к тому, чтобы атаку на Троцкого вывести на новый уровень. Он, в панике, пишет письмо своим соратникам:«Они (троцкисты – Г.В.) действуют по всем правилам фракционного искусства. Если мы *немедленно* не создадим своей настоящей архисплочённой фракции – всё пропадёт. Я предлагаю *этот* вывод сделать в первую очередь. Я предлагаю завтра (в воскресенье) собраться специально по этому вопросу, - может быть у Сталина за городом или у меня. Промедление смерти подобно. 8/XII.23. Г. Зиновьев».

Собрались. Столковались. И вот Зиновьев на Пленуме ЦК 14 января 1924 года: «Мы не можем управлять партией, не можем править Россией, если будут легализированы фракции». И в унисон ему – Каменев: «Мы, как правящая партия не имеем права допускать фракционных группировок»[1].

Вот ведь как получается. «Мы» - за решение X съезда о запрете фракций, «мы не имеем права допускать фракционных группировок». И… предлагаем «создать» (в борьбе против Троцкого) «архисплочённую *фракцию*». Вам понятна эта логика?

Мне – абсолютно понятна. Это – логика макиавеллистов: если мне, если нашему чиновническому сословию что-то выгодно – то плевать нам на решение каких-то там съездов. Цель оправдывает средства!

И - странные ко всему этому комментарии уже упоминавшегося нами историка К.Н. Писаренко (у него неплохое изложение *фактической* канвы событий, но вот комментарии – иногда точные, толковые, а иногда в высшей степени странные). «Теперь обе стороны, - пишет он, - готовились биться если не на смерть, то уж точно до победного конца. Одни хотели отстаивать принципы демократии. Другие спасать от краха государство»[2]. Странное противопоставление. Потому что по-настоящему спасти государство от краха можно только с помощью демократии. Не-демократические, авторитарные и тоталитарные меры «спасения» приносят лишь временную «стабильность», а заканчиваются, как показали события в нашей стране на рубеже 90-х годов прошлого века, полным и впечатляющим крахом.

1Там же. С. 101

2Там же. С. 101.

Писаренко – не на стороне демократии, он на стороне тех, кто собирается спасать страну от краха не-демократическими методами. И потому очень одобрительно относится к намерениям этих «спасителей»: «дебаты в ячейках надо погасить немедленно любыми средствами», «собрать в кулак наличные силы, выдвинуть в противовес лозунга Троцкого (о необходимости расширения внутрипартийной демократии - Г.В.) собственный, более «крепкий» лозунг и, не брезгуя ничем, постараться перетянуть огромное число колеблющихся на свою сторону»[1]. Главное – «не брезговать» раздачей этим «колеблющимся» тёплых номенклатурных местечек с хорошими зарплатами и приличными привилегиями (чем активно и занимались, в силу занимаемых постов, имеющие такие возможности члены «Тройки»). И так же с нескрываемым удовольствием Писаренко фиксирует итог всех этих событий: «Официально черту под двухмесячными прениями подвели Пленум ЦК (14-15 января) и XIII всесоюзная партконференция (16-18 января). Участники форумов (облагодетельствованные руководящей «Тройкой» - Г.В.), просто констатировали победу одной и поражение другой (троцкистской – Г.В.) фракции (лишённой счастливой возможности манипулировать партийными кадрами – Г.В.)… На этом первая дискуссия в ВКП(б) закончилась[2]».

Давайте подведём итоги увертюры политического спектакля, разыгранного по нотам Григория Зиновьева. Вначале – о членах «Тройки».

Зиновьев. Он более или менее успешно решил часть поставленной перед собой задачи. Вследствие его (главным образом) усилий репутация Троцкого основательно подмочена. Он заклеймлён цековской публикой, как упорствующий «фракционер» (что, с позиций X съезда, является серьёзным партийным преступлением), некоторые товарищи из Политбюро ЦК пытаются даже примерять к нему звание «врага партии». Осталось только *добить* его. Найти какие-то дополнительные аргументы для исключения его из Политбюро и ЦК. Всё-таки его борьба, хотя и «фракционна», но за дело, которому симпатизируют в партии многие – за «внутрипартийную демократию». Это на суровую – исключение - не тянет. Нужны найти какие-то более весомые основания для его устранения из партийного ареопага. И этот поиск даёт содержание следующему действию политической драмы.

Отметим также, что личный «успех» Зиновьева – это и успех начавшейся расползаться по обществу тоталитарной заразы, и одновременно – поражение демократических тенденций (хотя и в скромных формах, защищавшихся Троцким и

1Там же. С. 101-102.

2Там же. С. 106-107

сорока шестью петиционерами). Эта «зараза» проявлялась в методах борьбы, которые использовали Зиновьев и его друзья по «Тройке» - методы маленьких и больших провокаций, тайных сговоров за спиной ЦК, подбора лично преданных «Тройке» кадров и расстановки их на ключевые партийные посты, лицемерных заявлений о необходимости неукоснительного следования решениям X съезда, запретившего фракции, и создании своей тайной фракции «Тройки», лексики, далеко выходящей за пределы делового партийного товарищества, с применением к оппонентам ярлыка «враги»…

Зиновьев полагал, что он делает шаги к креслу Ленина, тогда как, в действительности, он делал шаги (и достаточно серьёзные) к … тоталитарной системе, которая вскоре и его самого уничтожит.

Каменев. Ну, этот товарищ послушно плёлся в фарватере своего энергичного друга.

Сталин. Он пока в тени Зиновьева. Поддерживал его в нападках на Троцкого. Но поддерживал достаточно осторожно, всё время умеряя зиновьевскую агрессивность. Зиновьев всё подбивал своих коллег возможно скорее (иначе – «смерти подобно») выкинуть своего соперника из Политбюро и ЦК. А Сталин не соглашался. Он – за то, чтобы, не отказываясь от критики в адрес Троцкого, оставить его, между тем, и в Политбюро, и в ЦК. Троцкий-де – важный ресурс партии, такими людьми не разбрасываются. Зиновьев направлял всю свою неуёмную энергию на решение *личной* проблемы – уничтожение конкурента в борьбе за ленинское кресло. Сталин демонстрировал заботу об общем партийном деле – чтобы, как советовал Ленин, не доводить дело до разрыва и раскола. И эта умело разыгрываемая сдержанность вызывала симпатию партийцев, не слишком знакомых с внутренней кухней схватки лидеров.

И, наконец, Троцкий. Его позиция, конечно, более симпатична, чем позиция Зиновьева. Он всё-таки выступает за демократию. Пусть ограниченную рамками партии, но всё же – за демократию, за право члена партии иметь собственное мнение, отстаивать его в дискуссиях, искать и находить единомышленников, с которыми можно вместе отстаивать свои взгляды. Зиновьев - за *авторитарное* лидерство руководителей. Троцкий – за демократические отношения с товарищами по партии, за их осознанное отношение к тем или иным позициям лидеров. Троцкому нужны самостоятельно мыслящие люди, Зиновьеву – не рассуждающие, послушные исполнители.

Расширение внутрипартийной демократии, за которую ратовал Троцкий, было бы несомненным шагом по пути демократического развития страны.

И всё же надо видеть ограниченность его демократических устремлений. Он готов быть «демократом» только внутри рамок партии. Он совершенно не поднимает вопрос о демократии гражданского общества, он не ставит вопрос об изменении роли партии в её отношении с обществом. Для него, как и для Зиновьева, в обществе должна существовать диктатура (диктатура, лукаво именуемая диктатурой «пролетариата», хотя на деле «пролетариат» этот никакой существенной роли в управлении страной не играет; всё в руках партии, которая всё больше превращается в аппаратно-бюрократическую машину). Его высказывания той поры о партии (например, на XIII съезде, 26 мая 1924 г.) просто невозможно читать без изумления: как такой умный человек и выдающийся социалистический теоретик может говорить этакое: «Никто из нас не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счёте всегда права». Классическая формула тоталитарного мышления! Сталин мог бы взять её на вооружение.

Таковы итоги политической «увертюры» к спектаклю, замысленному Зиновьевым. Итоги невесёлые: укрепляется авторитарный стиль жизни партии, всё громче звучат призывы во имя «сплочения» к ужесточению Диктатуры во всей жизни общества. Но точка невозврата к возможной в обществе и партии Демократии ещё не пройдена. Её пройдут, когда «добьют» нарушающих единый, монолитный строй Троцкого и поддержавших его 46 видных петиционеров, поднявших волну разговоров о какой-то там «демократизации внутрипартийной жизни». Добьём, мыслит «Тройка», – и тогда прекратятся всякие разговоры о «демократии» и наступит полное господство Диктатуры (которую назовём «диктатурой пролетариата», понимая под этим «Диктатуру партии», а ещё точнее «Диктатуру политбюро» и уж совсем точно – диктатуру возглавляемого политбюро «нового Ленина», то бишь товарища Зиновьева Григория Евсеевича, чьим именем уже сегодня, при его жизни, названы города, посёлки, школы, фабрики и заводы).

Во имя всего этого и требовалось «добить» товарища Троцкого, стоящего на пути к Диктатуре. Добить окончательно и навсегда – выбросив его из политбюро, из ЦК, а там – и из партии (до того, чтобы этого «товарища» арестовать и расстрелять – до этих высот мысль членов «Тройки» пока не поднималась). Вот тогда-то и получит «Тройка» безраздельную власть, и всякие оппозиционные голоса будут устранены. И восторжествует «сплочённость» и «монолитное единство» партийных рядов. И поднимут эти «ряды» над головами портреты тов. Зиновьева.

И «добивание» это пошло по всем тем канонам, которые в самом ближайшем будущем унаследуют сталинцы и, опираясь на которые, будут добивать уже всю старую большевистскую («ленинскую») гвардию, включая и создателей этих канонов – Зиновьева и Каменева.

Но не будем забегать вперёд. Пока эти два «старых большевистских» друга – во главе атакующих. Они пока не «уничтожаемые», а «уничтожающие» - методами «Диктатуры пролетариата» (власти, как они не устают подчеркивать, опираясь на традиционные марксистские формулы, опирающейся не на «закон», а на «непосредственное революционное насилие», на некую «революционную целесообразность» (свободную от всяких морально-нравственных ограничений).

А по-настоящему, основательно, до конца добить Троцкого означает представить его не просто оппозиционером (да ещё в сфере защиты «внутрипартийной демократии», чему многие в партии сочувствуют), но – внимание! – «врагом Ленина, «врагом ленинизма» (тогда ещё не была изобретена знаменитая впоследствии кликуха – «враг народа»; но клеймо «врага» уже вовсю лепили на Троцкого и его сторонников; оставалось только добавить «народа», что, продолжая зиновьевско-каменевскую традицию, с садистским наслаждением делали потом сталинские соколы, все эти Вышинские, Ульрихи, Крыленки…).

Правда, пока ещё не были изобретены повальные аресты и пытки, пока ещё теплились в части партийных рядов некоторые нравственные заповеди, выдавать Троцкого за «врага» Ленина и ленинизма было делом очень непростым.

Ведь, кажется, кто мог поверить в эту чушь, в эту нелепицу? Все же знают, и это ещё при Ленине было растиражировано всей послеоктябрьской большевистской прессой, что на всех решающих этапах борьбы за новую жизнь Троцкий всегда был рядом с Лениным. Всем известна ленинская характеристика Троцкого в период подготовки Октябрьского переворота, как «лучшего большевика». После победы в Октябре Ленин, как известно, предложил Троцкому возглавить революционное правительство (от чего Троцкий отказался, будучи убеждён, что возглавить Советское правительство должен главный творец Октября – Ленин; получил пост наркома по иностранным делам). Он – создатель Красной Армии, блистательно руководивший ею в тяжелейшие годы гражданской войны. И никому, только Троцкому, Ленин дал потрясающий документ, свидетельствующий о *безграничном* его доверии ко Льву Давидовичу - заранее подписанный чистый бланк с фразой: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необ-

ходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)». И в самом конце жизни по самым острым и сложным вопросам Ленин неизменно обращался главным образом к Троцкому, справедливо рассчитывая на его поддержку – и по вопросу о необходимости защиты монополии внешней торговли, против чего выступали сталинцы, и по национальному вопросу (где Ленин обрушился с сокрушительной критикой на Сталина и Орджоникидзе за их великодержавную политику на Кавказе). И именно с Троцким Ленин договаривался о «коалиции» для борьбы против административно-командного, бюрократического стиля работы, характерного для сторонников Сталина, для смещения Сталина с поста генсека. И в своём Завещании Ленин назвал Троцкого «самым способным человеком в политбюро». Да, и вообще все уже привыкли, как к само собой разумеющемуся, завершать все свои собрания, митинги, конференции, лозунгом: «Да здравствуют наши вожди – Ленин и Троцкий!».

И вот такого-то человека представить ВРАГОМ Ленина и ленинизма! Абсурд полный! А без такого клейма «добить» этого человека не получится.

И вот пошли в ход всякие подлые штучки: инсинуации, клеветнические измышления, передёргивание фактов, прямая и косвенная ложь – всё то, что станет привычным методом шельмования и уничтожения инакомыслящих во времена сталинщины.

Так откопалась одна хорошая, просто замечательная зацепка. Извлекли из эпистолярной архивной пыли письмо (1913 года) Троцкого – Чхеидзе (одному из видных меньшевиков), в котором он весьма нелицеприятно высказывался о политике Ленина. Была в те времена вражда двух течений в русской социал-демократии – большевиков и меньшевиков. И Троцкий тогда полагал, что в преддверии острой схватки с царизмом это противостояние двух течений должно быть преодолено: социал-демократы должны быть *единой* партией, иначе победа невозможна. Ленин же был непреклонен: победить может только подлинно *революционная* партия, меньшевики же ближе к *реформистам;* союз с ними не усилит, а ослабит революционные ряды. И Троцкий впоследствии открыто и прямо (хотя никто его к этому не понуждал) признал, что прав был не он, а Ленин: «Я шел к большевизму долгими и сложными путями. На этих путях у меня не было других интересов, кроме интересов революции и пролетариата. Я боролся с ленинизмом, когда был убежден, что ленинизм неправильно раскалывает рабочий класс. Когда я на опыте годов понял свою ошибку, я пришел к ленинизму». Троцкий был *честным* револю-

ционером. «Я шёл к Ленину с боями откровенно», - писал он. Шёл путём тяжёлых поисков, раздумий, споров и дискуссий. (И такой путь, может быть, не менее, а то и более ценен, чем путь постоянной оглядки на идеи лидера, путь слепой веры в эти идеи, не особенно вникая в их суть, не чувствуя ни их глубины, ни тонкостей, путь приспособления к лидеру). И, в конце концов, к апрелю 17 года Троцкий «пришёл» к Ленину с полным сознанием его правоты, завершением чего стало вступление Троцкого и его единомышленников («межрайонцев») в большевистскую партию.

Да, «зацепка» у Зиновьева и Каменева была не выдуманная, реальная. И вроде бы их нельзя упрекнуть в непорядочности, в приписывании Троцкому того, что он не совершал (как это было сплошь и рядом по отношению к репрессированным в 30-е годы). Троцкий, действительно, писал то письмо Чхеидзе, он, действительно, в том письме нелицеприятно отзывался о Ленине. Но подлость зиновьевско-каменевского метода борьбы состояла в том, что они переносили тот, давний, характер отношений Троцкого и Ленина на весь послеоктябрьский период, заявляя, что Троцкий всегда был и остаётся теперь врагом Ленина и ленинизма. Только эту свою враждебность он сегодня камуфлирует уважительными по отношению к Ленину фразами. Но осталась неизменной суть этих отношений, выраженная в том письме. Вот это было большой и гнусной ложью. Ибо те давние разногласия давно были преодолены, давно сошли на нет. Они не имели никакой связи с современностью. «Неужели ныне, в конце 1924 года, - писал Троцкий, - правильно и добросовестно сообщать партии одни лишь отзывы дореволюционных годов, ничего не говоря об отзывах, выросших из совместной работы и борьбы?», «неужели Ленин говорил и писал только то, что собрано у тов. Каменева?», «неужели у Ленина не было других отзывов на основании опыта годов революции?»[1]. Они-то, Зиновьев и Каменев знали, что – было. А вот новое, молодое, послеоктябрьское поколение партии, не слишком хорошо знающее её прошлое, содержание, ход и исход дореволюционных дискуссий, было ошарашено и дезориентировано комментариями уважаемых лидеров партии – Зиновьева и Каменева – к тому, давнему письмо Троцкого. Они внушали новому поколению партийцев, что Троцкий лицемер и иезуит. Делает вид, что ценит и уважает Ленина, тогда как действительное его отношение к Владимиру Ильичу – в том письме.

В общем, гнусная история. Правда, пару лет спустя, когда сталинцы начали «бить» и «добавить» самого Зиновьева, он покаялся перед Троцким, заявив, что

1Троцкий Л. Наши разногласия. Архив Троцкого.Том1. М., ТЕРРА, 1990. С. 116.

обвинения ему были им, надуманными. В 1926 году Троцкий обратился к Зиновьеву на одном из фракционных совещаний: "Если бы я не опубликовал "Уроков Октября", имела бы место так называемая литературная дискуссия против "троцкизма" или нет?». Зиновьев без колебаний ответил: «Разумеется. "Уроки Октября" были только предлогом. Без этого повод дискуссии был бы другой, формы дискуссии несколько другие, но и только". Пятаков резюмировал услышанное им заявление Зиновьева в следующих словах: «"Троцкизм" был выдуман для того, чтобы подменить действительные разногласия мнимыми, т. е. разногласиями, взятыми из прошлого, не имеющими никакого значения теперь, но искусственно гальванизированными…».

Покаялся Зиновьев, но… поздно. Дело было сделано. Ложь и клевета, методы шельмования, к которым прибегал Зиновьев, становились привычными в борьбе с инакомыслящими. Травля им Троцкого была сродни ежовско-бериевским процессам 30-х годов. Конечно, ещё не в таких, как в 30-е годы, кошмарных формах. Кошмары начнутся потом. Но это ежовское «потом» органически вытекало из зиновьевского «сейчас».

Вместе с тем, надо сказать, что в этой схватке, участники которой торили дорогу сталинизму, и Лев Давидович был не без греха. И он тоже, объективно, не желая субъективно того, посодействовал рождению сталинизма. Хотя, конечно, «грех» Троцкого много меньше «греха» его преследователей. В отличие от Зиновьева и Каменева, он ничего не «додумывал», ничего не «домышлял» за них. И акцент в своей критике их позиций делал не на «делах, давно минувших дней», а на их позициях, значительно более близких к современности. Но всё же, в целом, он действовал по логике существовавшей в те поры не-демократической, диктаторской системы, и тем поддерживал и укреплял её. Так, он пишет «Уроки Октября», основной смысл которых покрепче ударить по Зиновьеву и Каменеву, в подробностях поведав об их штрейкбрехерстве в канун Октябрьского переворота. Ленин в своём Завещании напомнил об их тогдашнем поступке (публикация в одной газете статьи с разглашением секретного решения ЦК большевиков о готовящемся вооружённом восстании и с выражением своего несогласия с этим решением). И напомнив об этом, Владимир Ильич, однако, просит сегодня не ставить им это в вину (ошибка была ими исправлена!).

А Троцкий взял и поставил. И таким образом клеймо «врагов Ленина и ленинизма» было Троцким поставлено и на них. Конечно, критика Троцким поступка Зиновьева и Каменева имела более серьёзное оправдание. Ведь речь в ней шла о

совсем недавнем прошлом и о действительно переломным моменте в борьбе большевиков за власть. Подразумевалось: людям, струсившим в решающей момент революционной борьбы, людям, способным на предательства, нельзя доверять дирижёрскую палочку по руководству обществом – не туда заведут! И всё же он в обоснование такого утверждения воспроизводит поступок семилетней давности, совсем не касаясь того, исправлена ли, осознана ли ими та ошибка. Не перестала ли она быть актуальной сегодня? Говорить об их сегодняшней несостоятельности, опираясь на факт семилетней давности, нелогично и неубедительно. И это выдаёт стремление Троцкого просто скомпрометировать своих оппонентов. Здесь нет заботы о решении проблем, перед которыми стоит общество.

Вообще ни Зиновьев, ни Каменев, ни Троцкий – они не злодеи и не примитивные честолюбцы, стремящиеся к власти во что бы то ни стало (как часто их представляют современные историки). Они – продукт и жертвы той политической (диктаторской, бюрократической) системы, которая сложилась в первые послеоктябрьские годы и вопрос об изменении которой они так и не догадались поставить. Они были совершенно искренне убеждены, что только Диктатура («пролетариата») является наиболее совершенной средством для развития страны, для создания нового, справедливо общества. Только она, считали они, способна сплотить общество в некий монолит, способный защитить общество от внешних и внутренних врагов. Ленинские заветы о необходимости перестройки политической системы, ленинские предупреждения о губительной роли бюрократического управленческого аппарата не были ими подхвачены и развиты. Главной, коренной ошибкой их теоретической и практической деятельности было непонимание того, что *только* Демократия может быть средством, способным оживить общественную жизнь и обеспечить её эффективное и гармоничное развитие. Для всех них Демократия была изобретением буржуазии. Для них Демократия была синонимом «*буржуазной* демократии». В общем, для них буржуазия, буржуазный строй – это *демократия*, пролетарский, социалистический строй – это *диктатура.*

Между тем, именно Демократия могла спасти и развить завоевания Октября, предотвратить сползание страны к сталинской тоталитарной системе.

Дополнить экономическую демократию политической!

Демократия – вовсе не синоним дряблости политического режима и разобщённости социальных сил. Она может быть не менее твёрдой в защите народных интересов, чем диктатура. Только её твёрдость – особого рода. Это – твёр-

дость, опирающаяся на закон. И она не лишена элементов диктатуры. Только это «диктатура» особого рода: диктатура Закона!

И единство, сплочённость социальных сил общества она обеспечивает гораздо лучше, нежели диктатура. Ибо она даёт возможность ВСЕМ социальным, политическим и культурным силам общества принимать участие в обсуждении проблем, перед ним возникающих, рассматривать их с разных сторон и под разными углами, предлагать и обсуждать разные, возможные пути их решения. И в результате обсуждений, в которые втягиваются тысячи лучших умов страны, рождаются решения, гораздо более эффективные, гораздо более совершенные, чем в том случае, если эти решения вырабатывает узкая группа политбюро или ЦК.

Вот она, спасительная формула: экономическая демократия плюс широкая демократия политическая. Иначе говоря, экономическую демократию нэпа совершенно необходимо было дополнить политической демократией. К этому толкала провозглашённая Лениным необходимость коренного пересмотра важнейших положений социалистической теории. Они же, его ученики и наследники, пошли не вперёд, а назад от Ленина, от Ленина нэпа к Ленину «Государства и революции». Они возрождали идеи Диктатуры во всех её ипостасях – экономической, политической, культурной, интеллектуальной. Это и подвигало советское общество к его самой большой беде – к сталинщине. Повторюсь: пороки диктатуры могли бы быть смягчены, если бы во главе её оказался человек высокой нравственности и интеллектуальной культуры. Но вся её суть препятствовала появлению там такого человека. Диктаторская (авторитарная или тоталитарная) система, где «сплочённость» и «единство» обеспечивается идущими сверху приказами, где всякое сомнение в эффективности этих приказов карается тюрьмой или расстрелом, там к властным вершинам могут подобраться только люди невысокого интеллекта, но железной воли и – главное – лишённые всяких нравственных ограничений.

А всё-таки Зиновьев, Каменев, Троцкий были людьми достаточно высокого интеллекта и сохранившие в себе – кто в большей, кто в меньшей степени – нравственные ценности, формировавшиеся русской философией и культурой в передовых слоях русского общества. И потому для диктаторских полномочий они не слишком подходили. И, к сожалению, упустили из виду тех, кто «подходил». В первую очередь, - Сталина. Они не заметили, как ловко он их столкнул лбами. Находясь некоторое время в тени, он, с одной стороны, натравливал своих партнёров по Тройке на Троцкого, а с другой – не давал быстро его сожрать. Ему нужен был Троцкий, который наносил жестокие удары по авторитету Зиновьева и Каменева.

Они не понимали, не чувствовали, что – объективно – компрометируя, «сжирая» друг друга, они играют на руку Сталину. Потом, когда ослепление их в схватке немного спало, они начали кое-что понимать. Я думал, что главное – это Зиновьев, признавался позднее Троцкий, и не разглядел вовремя, что главная опасность для партии и общества исходит от другого – от Сталина. А Зиновьев с Каменевым вспомнили, что вот же Ленин настаивал в Завещании снять Сталина с поста генсека. Увлечённые войной с Троцкий не вняли они завету своего учителя, убеждали членов ЦК, что он исправится, спасали его.

Вот свидетельство очевидца – Б.Г. Бажанова (секретарь Политбюро, с 1923 по 1927 гг - «личный секретарь» Сталина):

«Каменев открыл заседание и прочитал ленинское письмо. Воцарилась тишина. Лицо Сталина стало мрачным и напряженным. Согласно заранее выработанному сценарию, слово сейчас же взял Зиновьев.

"Товарищи, вы все знаете, что посмертная воля Ильича, каждое слово Ильича для нас закон. Не раз мы клялись исполнить то, что нам завещал Ильич. И вы прекрасно знаете, что эту клятву мы выполним. Но есть один пункт, по которому мы счастливы констатировать, что опасения Ильича не оправдались. Все мы были свидетелями нашей общей работы в течение последних месяцев, и, как и я, вы могли с удовлетворением видеть, что то, чего опасался Ильич, не произошло. Я говорю о нашем генеральном секретаре и об опасностях раскола в ЦК" (передаю смысл речи).

Конечно, это была неправда. Члены ЦК прекрасно знали, что раскол в ЦК налицо. Все молчали. Зиновьев предложил переизбрать Сталина Генеральным секретарем. Троцкий тоже молчал, но изображал энергичной мимикой свое крайнее презрение ко всей этой комедии.

Каменев со своей стороны убеждал членов ЦК оставить Сталина Генеральным секретарем. Сталин по-прежнему смотрел в окно со сжатыми челюстями и напряженным лицом. Решалась его судьба.

Так как все молчали, то Каменев предложил решить вопрос голосованием. Кто за то, чтобы оставить товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК? Кто против? Кто воздержался? Голосовали простым поднятием рук. Я ходил по рядам и считал голоса, сообщая Каменеву только общий результат. Большинство голосовало за оставление Сталина, против - небольшая группа Троцкого, но было несколько воздержавшихся (занятый подсчетом рук, я даже не заметил, кто именно; очень об этом жалею).

Зиновьев и Каменев выиграли (если б они знали, что им удалось обеспечить пулю в собственный затылок!)».

И когда укрепивший свои позиции Сталин стал притеснять уже своих бывших партнёров по Тройке, Зиновьев, попробовал воззвать к морали, намекая на то заседание Пленума ЦК, когда ему и Каменеву удалось, проигнорировав ленинский завет, спасти Сталина от падения в политическое небытие: «Знает ли товарищ Сталин, что такое благодарность?». Товарищ Сталин, по свидетельству Бажанова, «вынул трубку изо рта и ответил: «*Ну, как же, знаю, очень хорошо знаю, это такая собачья болезнь".* Получите, товарищ Зиновьев и распишитесь…

Взывание к морали к человеку, считающего её «собачьей болезнью», было, конечно, бессмысленно. Решили тогда действовать по логике «революционной целесообразности» - попытаться выполнить завет Ленина и тем указать место их «младшему партнёру». Полагали, что сработает тут их былой большевистский авторитет ближайших соратников Ленина.

И вот на XIV съезде партии (декабрь 1925 года) Зиновьев, после Отчётного доклада Сталина, выступает с альтернативным содокладом. А расхрабрившийся Каменев, вообще громко, открытым, что называется, текстом вносит предложение о выполнении ленинского завета - о смещении товарища Сталина с поста генсека: «Я пришёл к убеждению, что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба»[1].

Вот тут и выявилась вся их политическая наивность и совершенное непонимание особенностей диктаторско-бюрократической политической системы. Их «младший партнёр», которого, как они полагали, им, партийным тяжеловесам, легко будет сбросить с партийных верхов, этот их «партнёр», используя возможности генерального секретаря по подбору и расстановке кадров, потихоньку-полегоньку, тихой, что называется, «сапой», незаметно для большевистских могикан, понасадил на ответственные посты, на цековские должности верных ему людей из нового, молодого партийного набора, положил им приличные зарплаты, обеспечил привилегиями. Эти люди были всеми благами обязаны ему и только ему.

И вот, когда Каменев внёс своё предложение, раздался просто вой стаи: «Голоса с мест: «Неверно!», «Чепуха!», «Вот оно в чём дело!», «Раскрыли карты!». Шум. Крики: «Мы вам не дадим командных высот», «Сталина! Сталина!». Делегаты встают и приветствуют тов. Сталина. Бурные аплодисменты. Крики: «Вот где объединилась партия. Большевистский штаб должен объединиться»… Голоса с

1XIV съезд ВКП(б). Стенограмма. М., 1926. С. 275.

мест. Да здравствует тов. Сталин!!! (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «Ура!» Шум»[1]).

Они-то, мыслители-теоретики, ораторы-цицероны, не знали того, что знает Сталин: «Кадры решают всё». И после того воя, им стало ясно, кто всех ближе подобрался к главному креслу партии. Попытались ещё сделать усилия, чтобы остановить претендента на «нового Ленина» - объединились с Троцким: о, как грозно: «Объединённая оппозиция». Опоздали! Однопартийность, запрет на инакомыслие, обожествление партии, культ Ленина и догматизация, вульгаризация его идей, политическая Диктатура – это же всё они и создавали. Только вот все вожжи оказались в руках сталинцев.

И уже ничего сделать было нельзя. Можно только было попытаться сохранить свою политическую честь. Троцкому это удалось – воевал со сталинистами до последних дней, - когда, вытолкнутого в эмиграцию, ему, в 1940 году, размозжил ледорубом череп подосланный Сталиным некто Меркадер, получивший за это убийство Героя Советского Союза. Да, Троцкому удалось. Зиновьеву и Каменеву – нет. Диктатура, которую возглавил бывший «младший партнёр», их вначале опозорила, а потом безжалостно и подло раздавила.

Атмосфера кошмара, сгустившаяся над головой некогда претендента номер один на ленинское кресло, ясно вырисовывается из таких, например, записок Зиновьева.

1934 г: "Товарищу Сталину. Сейчас (16 декабря в 7 1/2 веч.) тов. Молчанов с группой чекистов явился ко мне на квартиру и произвел у меня обыск. Я говорю Вам, товарищ Сталин, честно: с того момента, как распоряжением ЦК я вернулся из Кустаная, я не сделал ни одного шага, не сказал ни одного слова, которые я должен был бы скрывать от партии, от ЦК, от Вас лично. Я думал только об одном: как заслужить доверие ЦК и Ваше лично, как добиться того, чтобы Вы включили меня в работу... Ни в чем, ни в чем, ни в чем я не виноват перед партией, перед ЦК и перед Вами лично. Клянусь вам всем, что только может быть свято для большевиков, клянусь Вам памятью Ленина. Я не могу себе представить, что могло вызвать подозрение против меня. Умоляю Вас поверить этому честному слову. Потрясен до глубины души. Г. Зиновьев".

А вот записка Сталину, написанная уже в тюремной камере. "... В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это... Я дохожу до того,

1Там же.

что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, загляните же в мою душу, неужели Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом, я понял, что я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение..."

В расчёте на обещанное им с Каменевым (а также их родственникам) сохранение жизни, они на судебном процессе «признались» в преступлениях, которых не совершали.

23 августа1936 года глубокой ночью подсудимые (16 человек) были доставлены в Октябрьский зал Дома союзов. В 2 часа 30 минут ночи Ульрих огласил приговор. Все приговаривались к высшей мере так называемой социальной защиты - к расстрелу с конфискацией лично им принадлежащего имущества

Через сутки приговор был приведён в исполнение…

Той же кровавой, полной издевательств и унижений дорогой пройдёт немного позднее и бухаринская группа. Замечательный человек был Николай Иванович Бухарин. Ленин называл его любимцем партии. Замечательный человек, талантливый теоретик (философ, экономист), но предельно наивный политик, в голове которого просто не могло укладываться, что такими злодеями, такими извергами могут вдруг оказаться товарищи по партии. Он видел в ней большую семью, где родственники могут повздорить, поспорить, по-разному оценить те или другие вещи, но, несмотря ни на что, будут оставаться друзьями, бесконечно преданными общему делу и друг другу. Он и с Лениным, случалось, спорил. И довольно остро. Спорил и…любил. Так спорят с отцом входящие во взрослость дети. И в случае несогласия спорил с Троцким, но спорил с большим, с огромным уважением. Собственно, когда Зиновьев подготовил проект решения одного из Пленумов с требованием убрать Троцкого из политбюро и из ЦК, Бухарин, хотя и полемизирорвал с Троцким, но против этой резолюции восстал гневно и страстно. И, благодаря ему, предложение Зиновьева было провалено. Также горячо оспаривал он идеи Зиновьева и Каменева, направленные на ограничение и даже свёртывание нэпа. Бухаринскую критику Сталин активно использовал в борьбе с этими двумя прежними друзьями по Тройке. Бухарин шёл в открытую, без всяких задних мыслей и коварных замыслов. Не мог он и предположить, что такие замыслы могут возникнуть у кого-то из его партийных товарищей. И только какое-то время спустя, он вдруг обнаружил, что, по воле Сталина теоретическая дискуссия с Зиновьевым и Каменевым перерастает в их травлю, отвратительную и безнравственную. А потом травля

перекинулась и на него, Бухарина, в ком Сталин заподозрил нового претендента на властное кресло. И тогда он чуть более внимательно вгляделся в идущего рядом генсека и ужаснулся тому, что увидел. И об этом увиденном им кошмаре он, бедный и наивный Бухарчик, пошёл поведать своему теоретическому противнику, но партийному другу Льву Борисовичу Каменеву. Каменев постарше, поопытней в политике: пошёл к нему Бухарчик душу раскрыть, за человеческой помощью: помоги понять, разобраться в этом ужаснувшем его феномене. «Мы считаем, что линия Сталина, - взволнованно говорил он, - губительная для всей революции». Сталин - это беспринципный интриган, который всё подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать. В «семёрке» мы разругались с ним до «врёшь», «лжёшь» и пр. Он теперь уступил, чтобы нас зарезать». «Что делать, когда имеешь дело с таким противником: Чингисханом…». «Политика Ст[алина] ведёт к гражданской войне. Ему придётся заливать кровью восстания».

Каменев комментирует: «Тон — абсолютной ненависти к Сталину и абсолютного разрыва» и добавляет: «Бухарин совершенно прав, обвиняя Сталина в том, что он не выдумал ни одного слова, а воспользовался лишь осколками оппозиционной (то есть троцкистско-зиновьевской – Г.В.) платформы» (с её идеями отмены нэпа, осуществления первоначального накопления для индустрии за счёт беспощадной эксплуатации крестьянства Г.В.)».

Каменев переслал запись этой беседы Троцкому. Троцкисты, имевшие разногласия с «правыми»-бухаринцами, стремившихся защитить крестьянство от намечаемой эксплуатации на базе первоначального накопления, поспешили – не без удовольствия - выдать своих оппонентов Сталину с головой: взяли и напечатали этот монолог Бухарина («нравственно» - всё то , что нам служит!). Да ещё Троцкий присовокупил к этому глубокомысленное размышление: «Может ли оппозиция (то есть троцкисты – Г.В.) поддержать правых (бухаринцев – Г.В.) против стоящих формально у власти центристов (так он называет сталинцев - Г.В.), чтобы помочь опрокинуть последних?.. **Такие комбинации левых с правыми бывали в революциях, и такие комбинации губили революцию**. Правые представляют то звено внутри нашей партии, за которое буржуазные классы подспудно тянут революцию на путь термидора. Центр (сталинцы – Г.В.) делает в данный момент попытку отпора или полуотпора. Ясно: оппозиция (троцкисты – Г.В.) не может иметь ничего общего с комбинаторским авантюризмом, рассчитывающим при помощи правых опрокинуть центр (сталинистов – Г.В).». «Готовы ли мы поддержать нынешний офи-

циальный сдвиг (сталинистов в направлении Троцкого-Зиновьева – Г.В.)? Безусловно. Всеми силами и средствами». «Наша поддержка левым или полулевым шагам центристов (сталинцев – Г.В.) состоит в том, что мы, опальные большевики-ленинцы, исключаем самую мысль о каком-либо блоке с правыми (бухаринцами – Г.В.) против общего противника».

В общем: «Со Сталиным против Бухарина? Да. С Бухариным против Сталина? Никогда». Ну, и получите, Лев Давидович, от любезных Вам «центристов» ледорубом по черепу… А за кровь расстрелянного впоследствии Бухарина Вы тоже несёте определённую ответственность: Ваша публикация и Ваш «высокотеоретичный» комментарий слегка смахивает на донос….

Ну, а Бухарчик тоже опоздал со своим «пониманием», да и не придумал, что ему с этим «пониманием» делать.

В общем, нет повести печальнее на свете…

И сегодня невозможно без глубокой, просто неизбывной печали думать о судьбе поколения революционеров, делавших Октябрьскую революцию во имя счастливой жизни своего народа.

Но приглушим немного печаль и вспомним Спинозу: не смеяться, не плакать, не печалиться, а ПОНИМАТЬ.

И, думаю, надо ПОНЯТЬ следующее.

Главное: сталинизм вовсе не синоним социализма, вовсе не «закономерное следствие Октябрьской революции»; неприятие сталинизма не означает отказ от социализма. Трагедии сталинизма, предавшего идеалы Октябрьской революции и большевизма, можно было избежать, оставаясь, в целом, в главном, в рамках марксовой (ленинской) социалистической парадигмы. Только надо было внести в неё коррективы (хотя и довольно существенные), которые отвечали бы вызовам нового времени. Коррективы, которые начал делать Ленин эпохи нэпа и по вектору которых следовало пойти его действительным (а не фальшивым) последователям (чего ими, увы, не было сделано).

Главные из этих корректив:

Не Диктатура («пролетариата», или кого-то ещё), а Демократия и только Демократия могла быть политической формой построения нового, справедливого, свободного от эксплуатации и социального неравенства общества. Роза Люксембург: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода

всегда есть свобода для инакомыслящих». «Только неограниченная бурлящая жизнь продолжает тысячи новых форм, импровизации, обретает *творческую силу*, сама исправляет все ложные шаги. Общественная жизнь государств с ограниченной свободой именно потому так скудна, так жалка, так схематична, так бесплодна, что выключением демократии она закрывает для себя жизненные источники всякого духовного богатства и прогресса… Вся масса народа должна участвовать. Иначе социализм будет декретирован, октроирован дюжиной кабинетных интеллигентов»[1].

Уроки истории

Демократия – именно она должна охватывать все, абсолютно все стороны социальной жизни: Экономическая демократия, Политическая, Интеллектуальная, Нравственная.

1. *Экономическая демократия*: сосуществование различных экономических укладов, их цивилизованное, регулируемое законами и общественной моралью, соперничество и сотрудничество, сочетание плановой государственной дисциплины и стихии рыночных отношений; минимизация в разрывах доходов граждан - поддержание «децильного коэффициента» (отношение доходов 10% самых богатых к 10% самых бедных) на уровне 3-6.

2. *Политическая демократия:* Политический и идеологический плюрализм – многопартийность, отсутствие обязательной для всех «государственной идеологии», светское государство; сохранение лишь одной формы «диктатуры» - диктатуры Закона, обсужденного, одобренного и принятого гражданским обществом, Закона, милостивого и равного для всех и каждого; неукоснительное обеспечение всех известных свобод и прав человека.

3. *Интеллектуальная демократия.* Ничем не ограниченная свобода мысли и свобода слова; никакой цензуры, кроме «цензуры» традиционной нравственности, не навязчиво осуществляемой общественным мнением; равенство «веры» и «неверия», религии и атеизма; никакого преимущества ни одной из научных, философских или художественных школ, равные права и возможности всем течениям и всем школам.

4. *Нравственная демократия.* Приоритет нравственности по отношению к политике; категорический отказ от популярной в советские времена форму-

1Люксембург Роза. О социализме и русской революции. М., Политиздат, 1991. С. 327, 328.

лы: «нравственно – всё то, что служит делу строительства социализма» и изменение её на прямо противоположную: «социализмом является всё то, что служит, что отвечает нравственным установкам и ценностям».

Всё это и составляет суть нового, справедливого социального строя, который может быть назван демократическим, гуманным социализмом, или ещё точнее (поскольку «социализмом» называют сегодня себя очень разные системы и идеологии) - *Реальным Гуманизмом*. И, можно не сомневаться, что именно за этим строем «Реального Гуманизма» будущее.

Давид ЭПШТЕЙН

О реальных темпах роста экономики России и доходов населения с 1991 года[1]

Не может не вызвать удивления тот факт, что российская экономика, по сути дела, стагнирует с 2010 года, то есть после мирового финансового кризиса[2]. Российские власти эту стагнацию называют последнее время «стабилизацией». Если принимать этот термин всерьез, то это он явно приобретает отрицательное, не желательное для властей, содержание, ибо мы тут явно не «впереди планеты всей», а наоборот. Да и предшествующий рост (с 1999 по 2008 годы) был восстановительным ростом после длительного падения, а фактически – развала экономики в результате «шоковой терапии», иначе говоря, катастрофически ошибочной государственной экономической политики - «шока без терапии» во имя торжества свободного рынка и капитализма. Но ведь базовые экономические отношения, которые должны были, по замыслу «реформаторов», способствовать устойчивому и быстрому экономическому росту – капиталистические производственные отношения – в основном были созданы, хотя и в государственно-олигархическом варианте[3]. Казалось бы, после восстановления можно было ожидать экономический рост хотя бы на среднемировом уровне. Но этого нет и в помине, ибо мировая экономика довольно быстро растет с 2009 года, причем как при снижении, так и росте цен на топливо.

В среднем, по сравнению с 2008 годом, рост ВВП к 2018 году составил в мире 39%, у развитых стран – 15,5%, у развивающихся – 61,5%, **а в России за эти 10 лет лишь 8,4%**. **Это своего рода негативный рекорд.** Для сравнения: за эти годы Белоруссия выросла на 15,3%, Азербайджан – на 22,7%, Казахстан – на 49,1%. Из развивающихся стран: Турция – на 62,2%, Индия – на 103,3%, Китай – на 114,3%.

---

1 Это письмо в редакцию журнала «Демократия и социализм XXI» основано на материалах статьи «Российская стагнация как результат влияния производственных отношений на производительные силы», исследующей причины российской стагнации. Статья была представлена нами в журнал «Вопросы политической экономии» и опубликована в №1 2020 года.

2См., например, [7] .

3Подробнее об этом см. [3, с. 412].

Рост развитых стран за период 2009 - 2018 г.: Франция – на 8,7%, Германия – на 12,3%, Чехия – на 12,4%, США – на 18,5%, Канада – на 18,6%[1].

Если рассчитать среднегодовые темпы роста ВВП за послекризисные 2013-2018 годы (по формуле, учитывающей сложные проценты), то получается 0,47% в год, то есть менее половины процента!!! И списать это отставание на санкции в связи с присоединением Крыма не получается, хотя бы потому, что реально эти санкции начали действовать лишь с 2015 года, а экономика России не растет уже с 2010 года. Надо также учитывать, что санкции дали явный эффект импортозамещения, то есть роста отечественной промышленности и сельского хозяйства по ряду важных направлений[2].

Динамика такова, что к 2017-2018 гг. экономика России вернулась на свой досанкционный, крайне низкий темп роста 1,3%-1,5%[3]. С этим связана и отставка правительства страны в январе 2020 года по вынужденному решению Президента.

Если же взять динамику ВВП по сравнению с 1990 годом (см. Приложение), то прирост ВВП по данным Росстата составляет за весь этот 28-летний период 19,3% (см. табл.1, столбец 3), то есть 0,63% в год[4]! Это меньше двух третей одного процента за 28 лет! А объем промышленного производства в России составил в 2018 году лишь 94,2% от уровня 1990 года (столбец 7). И мы еще говорим о каком-то инновационном росте при том, что до сих пор не достигли уровня РСФСР 1990 года?!

Но это еще очень оптимистические цифры, поверить в которые нам предлагает Росстат, подчиняющийся теперь …даже не Правительству, а Минэкономразвития с 2017 года[5] и время от времени корректирующий свои прошлые показатели. А для чего бы еще его надо было переподчинять…?! В наиболее сложные для статистики из-за политических, экономических и организационных изменений 1991 и 1992 годы темп роста ВВП к предыдущему году (а фактически – падения), составлял по наиболее поздним данным Росстата 95% и 85,5% соответ-

---

1См. [9,10].

2Ссылаясь на исследования Аналитического кредитного рейтингового агентства (АКРА) «Влияние санкций на экономику России в 2019 году», Е. Г. Павлова приходит к выводу «о слабом влиянии санкций на финансовое состояние наших банков и компаний. В среднесрочном периоде, по мнению исследователей, санкции нельзя считать сдерживающим фактором для роста российской экономики… Как это ни парадоксально, но санкции Запада принесли российской экономике определенную пользу» . [2]

3В 2013 году темп прироста ВВП составлял 1,3%, в 2014 – 0,7%, в 2015 – -2,8%, в 2016 – -0,2%, в 2017 – 1,5%, в 2018 – 2,3%, а в среднем – 0,47% . См. Статистические ежегодники Роскомстата за соответствующие годы.

4Среднегодовые темпы роста рассчитываются с учетом сложных процентов.

5 [5]

ственно (столбец 2). Но это откорректированные, более поздние данные…Если же взять данные первого постсоветского статистического ежегодника «Российская Федерация в 1992 году» (Москва, 1993), то эти темпы роста (фактически- падения) составляли заметно меньше, то есть 88,9% и 79,7% (столбец 4)[1]. Вот эти цифры, на наш взгляд, более реалистичные. И они дают итоговый прирост ВВП[2] к 1990 году лишь 4,4% за 28 лет (столбец 5), то есть 0,15% в год! Этот показатель примерно в 20 раз меньше среднемирового уровня.

Несколько лучше выглядят данные о росте располагаемых денежных доходов населения и реальной зарплаты за эти же 28 лет. Они составили, если пересчитать, используя годовые данные Росстата, соответственно, 148,9% и 138,4% к уровню 1990 года (столбцы 9 и 12). Этот рост отвечает приросту в 1,43% и 1,17% в год. Вроде бы, более или менее…Но и эти расчеты существенно зависят от оценки роста доходов и реальной зарплаты в 1991 году. По данным Росстата в 1991 году реальные располагаемые денежные доходы населения **выросли** в 1991 году на 20,9% (столбец 8, строка 1991 года)[3].

Этот показатель рассчитывается, исходя из темпов роста номинальных денежных доходов населения и цен на отдельные виды продукции и услуг. Такой подход был бы правилен, если бы в 1991 году была относительно нормальная рыночная ситуация с возможностью реализации денежных доходов. Но, как, конечно, помнит взрослое население, до 2 апреля 1991 года в стране царило отсутствие товаров в магазинах, повсеместно вводились талоны на основные продукты питания и ряд товаров широкого потребления.

Второго апреля 1991 года розничные государственные цены были подняты в 2,2-3 раза[4]. На небольшой период товары появились. Но «горбачевские кооперативы» уже давно и успешно перекачивали безналичные деньги в наличные, ограничения на рост зарплат в государственных предприятиях РСФСР законом от 25 декабря 1990 года[5] командой Ельцина также были сняты, зарплаты и денежная масса росли в 1991 году высокими темпами, что вновь вело к исчезновению товаров. А 28 октября 1991 года Ельцин объявил о предстоящем переходе к свобод-

1[3, с. 14].

2Для 1990 -1991 года – валовой общественный продукт.

3[6, табл. 4.4.]

4[3, с. 166-168].

5 [5]

ным рыночным ценам[1]. Естественно, прилавки опустели совершенно. В этих условиях тотального дефицита единственным более или менее достоверным показателем динамики располагаемых денежных доходов могут служить темпы роста розничного товарооборота, платных услуг и других видов денежных расходов в сопоставимых ценах. Первые указанные два вида составляют более 70% всех денежных расходов[2]. По их росту имеются данные в сопоставимых ценах: рост розничного товарооборота в 1991 г составил 92,8% при объеме 468,5 млрд. руб., а рост платных услуг населению 79,2% при объеме 57,8 млрд. руб. То есть, имело место падение товарооборота и платных услуг. Средневзвешенная величина роста этих двух видов расходов составляет 91,3%. Если же учесть и рост населения в 1991 году на 0,2%, то мы получаем величину роста показателя располагаемых денежных доходов населения на человека 91,1% (столбец 10), то есть падение на 8,9%

Таким образом, по нашей оценке реальные располагаемые доходы населения в 1991 году упали на 8,9%, и, соответственно, к 2018 году выросли по сравнению с 1990 годом лишь на 12,1%, **(то есть средний ежегодный прирост равен 0,41%) –** столбец 10, а рост реальной заработной платы составил за все 28 лет (1991-2018 гг.) только 30% **(то есть средний ежегодный прирост 0,94%) –** столбец 13[3]. Эти показатели представляются **существенно** более адекватными реальному положению дел.

А если учесть, что располагаемые денежные доходы и реальную заработную плату правильно было бы оценивать не по средним («по госпиталю») показателям в условиях колоссальной российской дифференциации доходов, то, при оценке по медианам соответствующих величин, мы получили бы не рост, а заметное снижение и располагаемых денежных доходов, и заработной платы, и это отвечает восприятию своего материального положения большинства населения России.

1[8].

2[3, с.149-151].

3Подробные исходные данные и пояснения к ним приведены в Приложении.

Приложение. О темпах роста ВВП, промышленного производства, располагаемых доходов населения на душу населения и реальной заработной платы на душу населения России, в сопоставимых ценах

Таблица 1. Темпы роста ВВП, промышленного производства, располагаемых доходов населения на душу населения и реальной заработной платы на душу населения России, в сопоставимых ценах

	ВВП по данным Росстата		ВВП по данным Росстата1993 года		Промышленное производство		Располагаемые доходы населения на душу населения			Реальная среднемесячная зарплата	
Год	к пред. году	к уровню 1990 г.	к пред. году	к уровню 1990 г.	к пред. году	к уровню 1990 г.	к пред. году	к уровню 1990 г.	к уровню 1990 г. с уточнением по 1991 г.	к пред. году	к уровню 1990 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1990	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1991	95	95,0	88,9	88,9	92	92,0	*120,9*	*120,9*	*91,1*	97	97,0
1992	85,5	81,2	79,7	70,9	82	75,4	52,5	63,5	47,8	67,3	65,3
1993	91,3	74,2	91,3	64,7	86	64,9	116,4	73,9	55,7	100,4	65,5
1994	87,3	64,7	87,3	56,5	79	51,3	112,9	83,4	62,9	92	60,3
1995	95,9	62,1	95,9	54,2	96,7	49,6	85	70,9	53,4	72	43,4
1996	96,4	59,9	96,4	52,2	95,5	47,3	100,6	71,3	53,7	106,4	46,2
1997	101,4	60,7	101,4	52,9	102	48,3	105,8	75,5	56,9	104,7	48,4
1998	94,7	57,5	94,7	50,1	94,8	45,8	84,1	63,5	47,8	86,7	41,9
1999	106,4	61,2	106,4	53,3	111	50,8	87,7	55,7	41,9	78	32,7
2000	110	67,3	110	58,7	108,7	55,2	112	62,3	47,0	120,9	39,5
2001	105,1	70,7	105,1	61,7	102,9	56,8	108,7	67,8	51,1	119,9	47,4
2002	104,7	74,0	104,7	64,6	103,1	58,6	111,1	75,3	56,7	116,2	55,1
2003	107,3	79,4	107,3	69,3	108,9	63,8	115	86,6	65,2	110,9	61,1
2004	107,2	85,1	107,2	74,3	108,3	69,1	109,9	95,1	71,7	110,6	67,6
2005	106,4	90,6	106,4	79,0	105,1	72,6	112,4	106,9	80,6	112,6	76,1
2006	108,2	98,0	108,2	85,5	106,3	77,2	113,5	121,4	91,5	113,3	86,2
2007	108,5	106,3	108,5	92,8	106,8	82,4	112,1	136,1	102,5	117,2	101,0
2008	105,2	111,9	105,2	97,6	100,6	82,9	102,4	139,3	105,0	111,5	112,7
2009	92,1	103,0	92,1	89,9	90,7	75,2	103,1	143,7	108,2	96,5	108,7
2010	104,5	107,7	104,5	93,9	107,3	80,7	105,1	151,0	113,8	105,2	114,4
2011	104,3	112,3	104,3	98,0	105	84,8	100,5	151,7	114,3	102,8	117,6
2012	103,4	116,1	103,4	101,3	103,4	87,6	104,6	158,7	119,6	108,4	127,4
2013	101,3	117,6	101,3	102,6	100,4	88,0	104	165,1	124,4	104,8	133,6
2014	100,7	118,5	100,7	103,3	102,5	90,2	99,3	163,9	123,5	101,2	135,2
2015	97,2	115,1	97,5	100,8	99,2	89,5	96,8	158,7	119,6	91	123,0
2016	99,8	114,9	99,8	100,5	101,3	90,6	94,2	149,5	112,6	100,8	124,0
2017	101,5	116,6	101,5	102,1	101	91,5	99,5	148,7	112,1	102,9	127,6
2018	102,3	119,3	102,3	104,4	102,9	94,2	100,1	148,9	112,2	108,5	138,4

Литература

1. Закон РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 года № 445-1. http://ru-90.ru/node/1133
2. Павлова Е.Г. Влияние санкций на экономику России в 2019 году. http://wikibusiness.ru/vliyanie-sankcij-na-ekonomiku-rossii-v-2019-godu/
3. Российская Федерация в 1992 году. Статистический ежегодник. М.: Республиканский информац.-издат. центр. 1993. 655 с.
4. Рязанов В. Т. Современная политическая экономия: перспективы нео-марксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2019. 436 с.
5. Селезнев М., Мигунов Д. Мусор на входе — мусор на выходе. Зачем Росстат отдают под управление Минэкономразвития . https://lenta.ru/articles/2017/03/27/rosstatminec/
6. Социальное положение и уровень жизни населения России. Статистический сборник. Госкомстат России. М. 2001. 463 с.
7. Сычева Л. Страна не развивается, потому что не совершенствуется, не развивается правящий класс. /Московский комсомолец. 24.04. 2019. https://www.mk.ru/economics/2019/04/24/rossiyskaya-ekonomika-blokh-vshey-i-klopov-krik-dushi-predprinimatelya.html
8. Яник А.А. История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999). М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета, 2012. 760 с. См. https://ozlib.com/871100/sotsium/rsfsr_perehodit_rynku

5. OECD National Accounts data files. https://www.oecd.org/sdd/na/
6. *World Bank national accounts data. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG*

Вадим МУХАЧЕВ

С открытым забралом к свободе всех и каждого (К 200-летию со дня рождения Фридриха Энгельса)

«Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»

«Манифест Коммунистической партии».

200 лет назад, 28 ноября 1820 года, в прусском городе Бармен (ныне район Вупперталя) родился Фридрих Энгельс – единомышленник, соратник и самый близкий друг Карла Маркса. В истории человечества эти два человека оставили *ничем* (!) *не стираемый* след, в котором на века отпечатались их дела и слова, в которых были прямые и точные ответы на острейшие проблемы и вызовы своего времени. Времени, когда, к сословным противоречиям феодального общества прошлых столетий в XIX в., добавился социальный антагонизм между буржуазией и промышленным пролетариатом.

Как и все, Энгельс был человеком *своего* времени, которое прощалось с рыцарскими чертами дворянской культуры и прорастало безнравственностью буржуазии, прикрывающей свой способ существования всеобъемлющим лицемерием в семье, политике, церкви. В его душе с детства сплелись представления гуманистов эпохи Возрождения о достоинстве человека, уважении к самому себе, с романтическими образами рыцарской чести и, вечным как мир, убеждением в том, что настанет день, когда «кругом все люди станут братья!» (Р. Бернс).

Если попытаться понять, что было главным мотивом всей жизни Энгельса, то это, конечно, борьба за Свободу – Свободу Всех и Каждого. Борьба, в которой он был Великим Рыцарем. Разумеется, он не был «рыцарем Прекрасной Дамы», хотя

всегда, по-мужски заботливо, опекал близких и хорошо ему знакомых женщин, которые нуждались в материальной или моральной поддержке. С детства его «прекрасной дамой» была Свобода Всех и Каждого, живущего на Земле, и борьба за нее проходила не на рыцарских турнирах, а на фронтах классовой борьбы.

Эта борьба началась с самоутверждения им себя как свободной в делах и мыслях личности, когда Энгельс подростком столкнулся с произволом своего отца, потомственного фабриканта, желавшего сделать из своего первенца коммерсанта. Ему еще не было 20, когда его борьба за свободу приобрела социально значимый, политический, характер, а он сам, протестуя против произвола прусских властей, превратился в революционного демократа. И, наконец, эта борьба достигла общечеловеческого значения и всемирно-исторического масштаба, когда, став коммунистом, он осознал, что свобода «всех и каждого» пролегает через классовую борьбу пролетариата за освобождение от наемного рабства, на котором основано буржуазное общество.

Пролетарский гуманист и коммунист – Энгельс с присущей ему страстью «пером и мечом» боролся за *освобождение пролетариата* в интересах *всего* человечества. Так же неутомимо он боролся за *свободу мышления* и *чистоту познания* от разных, искажающих действительность, идеологических примесей, за «положительное», *практически значимое*, знание, которое только и достойно имени науки. Боролся *по-рыцарски*: был *беспощаден* к апологетам буржуазного общества и *снисходителен* к поверженным им противникам.

Время, в которое выпало жить...

Марксу и Энгельсу выпало жить, когда история Европы уже несколько веков «шла через всю эту необычно богатую войнами и трагедиями (трагедиями целых народов) эпоху вперед от феодализма – к «свободному» капитализму»[1].

Идея «свободы» – *вечный спутник* всякого *классового* общества, где существует социальное неравенство, обусловленное отношениями зависимости трудящихся классов от собственников средств производства. Поэтому основные элементы третьего сословия феодального общества, крепостные крестьяне и бюргеры, не подозревая о том, как история капитализма разведет их в будущем по разные стороны социальных баррикад, также мечтали о свободе от существующих порядков и вплоть до крушения «бастилий» феодализма шли вместе. Революци-

1Ленин В.И. Несчастный мир // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 383.

онная буржуазия с самого начала размахивала перед всем миром знаменем *всеобщей* свободы «человека», свободы «для всех и каждого».

Суждение авторов «Немецкой идеологии», что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями»[1], кроме всего прочего, объясняет, почему класс, которому историей уготована революционная роль, обязан выработать *собственное*, при существующих исторических условиях «революционное», сознание. Вот и буржуазия свой путь к политическому Олимпу начала с борьбы против средневековых догм католицизма, насаждаемых и охраняемых привилегированным духовенством.

Первыми это сделали гуманисты XIV – XVI веков, которые против господствовавших христианских догм о «неразумности» людей и непостижимости ими окружающего мира выдвинули представление о разумном, свободно мыслящем, способном многое изменять для блага людей, человеке. Яркие образы *такого* человека они «лепили» как в своих художественных и литературных работах, так и личным примером, ценой чего зачастую была их жизнь.

Свободолюбивые идеи гуманистов легли в основу идеологии бюргеров XVI-XVIII веков, на них опирались просветители, им же своими успехами обязано естествознание, с которого началась современная наука как *особая*, ориентированная на получение *точного*, постоянно *уточняемого* и при существующих условиях познания *предельно «точного»* знания, форма сознания. В XVII-XVIII вв. из гуманистического идеала свободно мыслящего человека «выросли» идеи Разума, Свободы и Равенства, которые сначала стали лозунгами и знаменами демократических движений и антифеодальных революций третьего сословия, а затем были закреплены в конституциях первых буржуазных республик. Декларация независимости США (1776) и принятая национальным собранием революционной Франции Декларация прав человека и гражданина 1789 года провозглашали, что «жизнь, стремление к счастью, свобода, равенство и сопротивление угнетению» являются «естественными и неотъемлемыми» правами человека, а свержение правительств, властвующих без «согласия управляемых» и допускающих «длинный ряд злоупотреблений и узурпаций», признавалось не только правом, но и «обязанностью народа»[2].

1Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 59.

2Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. Том 2. М.: ЮРИСТ. 2007. С. 53, 85.

Эпоха *перехода* от феодальной формации к капиталистической, отмечал Энгельс, «нуждалась в титанах» и «породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености», которые могли быть кем угодно, но «не были людьми буржуазно-ограниченными»[1]. Ко многим из тех, кто, мечтая в то время о «царстве Разума», торил дорогу капитализму и буржуазному обществу, можно отнести его же слова: «Люди, основавшие современное господство буржуазии... почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми. Кабинетные ученые являлись тогда исключением; это были люди второго и третьего ранга, или благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцы»[2]. Полная борьбы с отживающим прошлым, опасностей и риска «обжечь себе пальцы», жизнь *этих* «титанов мысли, страсти, многосторонности и учености» всегда была вдохновляющим примером для Маркса и Энгельса, и, в конце концов, они сами стали Титанами *новой* исторической эпохи, ведущей от капитализма к обществу социального равенства.

К началу XIX в. отгремели первые буржуазные революции, самая радикальная из которых разбила основы феодального общества во Франции, а войска Наполеона по всей Европе разнесли ее манящий запах. Начавшийся в Англии конца XVIII в. промышленный переворот, заменяя ручной труд механизированным, подтвердил историческую правоту политической победы буржуазии и экономически укрепил ее господствующее положение в создаваемом на месте феодализма капиталистическом обществе.

Прямым и неизбежным следствием индустриального капитализма стало формирование класса *наемных* рабочих, пролетариев, благодаря энергии которых, ее потребления, и существует этот способ производства. Лишенный собственности и гражданских прав, подвергшийся самой бесчеловечной эксплуатации, этот класс начал вести, поначалу не организовано, стихийно, борьбу за свое освобождение от *наемного* рабства. Изменение социальной роли буржуазии, превращение ее в господствующий класс, принципиально изменило ее роль в политике. Из революционной силы, какой был этот класс, пока боролся за *свою* сво-

1Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 346.

2Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 346-347.

боду, он превратился в *консервативную* силу общества, а его сознание, ставшее в созданном им обществе господствующим, приобрело *апологетический* характер.

С превращением буржуазии в консервативную силу обанкротился изначально внутренне-противоречивый, замешанный на *классово-ограниченном* и потому эгоистичном интересе, *буржуазный* гуманизм. Его противоречие, когда, с одной стороны, при штурме феодальных порядков буржуазия придавала идеям свободы и равенства *общечеловеческий* смысл, а с другой – бесчеловечно, вплоть до работорговли, вела себя в отношении туземных народов колонизируемых стран, нашло свое разрешение в ее бездушном *лицемерии*, которым насквозь пропитан основанный на поиске личной выгоды мир «купли-продажи» с его рыночной экономикой.

После того, как, провозглашенные «естественными и неотчуждаемыми» права *каждого* человека и гражданина на «свободу» и «равенство» оказались на деле «правами капиталистов», буржуазия придала им характер *юридической иллюзии*. Перед лицом капиталистической действительности она сохранила вопрос о правах *гражданина*, но предала забвению вопрос о правах *человека*. Завоевав власть и организуя *свое* общество, она на протяжении многих десятилетий с неохотой, под натиском пролетариата и лишь небольшими порциями, «даровала» наемным рабочим *гражданские* права, но так и не смогла отнестись к наемному пролетарию как к *человеку*. Для нее до сих пор, как и 100 и 200 лет назад, он не более, чем приносящая ей прибыль рабочая сила. Таким же он остается для буржуазных *политиков* и находящихся у них на «кормлении» *наукообразных* апологетов капитализма. Налоговая система, реформы в образовании, изменения пенсионного возраста и многое другое в постсоветской, государственно-капиталистической, России, говорит о том, что вся демографическая политика в стране проводится, исходя из текущих и будущих потребностей *капиталистической* экономики в *рабочей* силе. А красивые слова политиков о необходимости «в первую очередь, помнить и заботиться о людях», повышении их благосостояния – не более, чем гнусное лицемерие бесчестных людей, охраняющих, прежде всего, интересы российской буржуазии.

К портрету великого рыцаря свободы Всех и Каждого

«Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу»

Ленин.

Банкротство гуманистических иллюзий буржуазии не стало смертным часом гуманистического мировоззрения. Ему на смену пришел *пролетарский* гуманизм[1], нравственная основа которого не ограничена корыстным узкоклассовым интересом и не признает никакого *социального неравенства*. Его яркими представителями и неутомимыми борцами за общечеловеческую свободу *через* освобождение наемного труда от капиталистического рабства стали, в первую очередь, Маркс и Энгельс.

Родившись *подданными* прусского короля, они с молодых лет без колебаний встали под знамена Свободы и Равенства, став сначала революционными демократами, а затем – коммунистами, убежденными борцами за *освобождение* пролетариата и всего человечества от капиталистического рабства. Создав *диалектико-материалистическое* учение о коммунизме, они превратили социализм из утопии в науку. Его суть была доходчиво, без ущерба к его глубине, изложена ими в «Манифесте Коммунистической партии» (1848), ставшим политической платформой всего мирового коммунистического движения. Именно в этом, самом известном, произведении пролетарской литературы Маркс и Энгельс сформулировали научное понимание общечеловеческой свободы, связав ее с классовой борьбой пролетариата, ведущей к такой ассоциации людей, где «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[2]. Выступив с открытым забралом пролетарских революционеров против любого вида социального неравенства, *по-рыцарски* вступив в борьбу за свободу «всех и каждого*»,* они оказали столь ощутимое влияние на весь ход мировой истории, что их имена и дело до сих пор «живут» в сердцах и умах сотен миллиардов «униженных и оскорбленных» капиталистической действительностью и буржуазными нравами людей.

Идеал свободы для Энгельса – не далекая и туманная мечта. Этот идеал с детства был частью его *личного* бытия. «Рыцарский» путь Энгельса к свободе начался с борьбы за *суверенность* своего сознания и самостоятельность собственных поступков. Предпочтя, разделявшиеся матерью и дедом-филологом, свободолюбивые идеалы гуманистов и просветителей патриархальным, христианско-прусским, взглядам отца, он вступил с ним в конфликт. Отправив осенью 1834 г. сына учиться в гимназию соседнего с Барменом Эльберфельда, Энгельс Фридрих-стар-

---

1Горький М. Пролетарский гуманизм // http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-361.htm

2Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 447.

ший (1796-1860) спустя год жаловался его матери: «...Несмотря на прежние строгие взыскания, он, кажется, даже из страха перед наказанием не хочет научиться беспрекословному повиновению»[1]. Там, где речь шла о свободе личности, суверенности ее сознания и поступков, «беспрекословное повиновение» - не для Фридриха-младшего.

Щедро одаренный от природы различными способностями, Энгельс был на редкость работоспособен. В выданном ему гимназическом свидетельстве говорилось, что за время учебы в 1834-1837 гг. он достиг «отрадных успехов», однако, по воле отца, потомственного фабриканта, юный Фридрих, не закончив гимназии, вынужден был ее оставить, чтобы начать обучаться коммерческому делу. Но он не опустил руки и не сдался.

Все остальное, что превратило Энгельса в одного из образованнейших людей своего времени – редкостного, владевшего более двадцатью языками, *полиглота*; крупнейшего, приобретшего широкие и прочные знания в истории и теории познания, естествознании, всеобщей истории людей, от экономики и политики до военного дела и лингвистики, *энциклопедиста*; полноправного *соавтора* Маркса при создании подлинной, имеющей материалистическую основу и диалектическим методом оснащенной, науки об обществе; наконец, *самобытного исследователя*, оставившего *образцы* дальнейшего развития марксизма на его мировоззренческой основе - было достигнуто им посредством *самообразования*. За всеми, как усвоенными, так и критически им переосмысленными, знаниями Энгельса стояло его непреходящее стремление к поиску «истины» и колоссальная работоспособность. Через 10 лет после первой, ставшей для них исторической, встречи в Париже осенью 1844 г. Маркс писал о нем: «... он – настоящая энциклопедия, работоспособен в любое время дня и ночи, трезвый и навеселе пишет и соображает быстро, как черт...»[2].

При этом, Энгельс никогда не был «кабинетным ученым». Ведущее к объективной «истине» знание об окружающем мире ему нужно для успешной практической деятельности. Проходя в 1838 - 1841 гг. практику в фирме крупного торговца в Бремене, он в свободное от коммерческих обязанностей время не только читает Гете, «еретическую» книгу Д. Штрауса «Жизнь Иисуса», изучает филосо-

---

1Фридрих Энгельс-старший – Элизабет Энгельс, 27 августа 1835 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 41. С. 526.

2Маркс К. - Адольфу Клуссу 18 октября 1853 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 50. С.424.

фию Гегеля, из которой усваивает диалектический метод мышления, и штудирует работы крупных мыслителей прошлого, от Платона с Сократом до Спинозы, Фихте и Канта, но одновременно с этим постоянно просматривает голландские, английские и испанские газеты, а также сотрудничает с гамбургским журналом “Telegraph fur Deutschland”, где весной 1839 г. публикует, вызвавшие в христианско-буржуазной среде скандал, «Письма из Вупперталя». Став во время годичной военной службы вольнослушателем Берлинского университета, Энгельс, которому 21 год, резко выступает против Шеллинга, начавшего по поручению прусской бюрократии поход против учения Гегеля и защищает революционный характер гегелевской диалектики[1].

В начале 40-х гг. Энгельс испытывает материалистическое, от гегелевского идеализма отрезвляющее, влияние «Сущности христианства» Фейербаха. Но в это время материализму его, диалектически развитого, сознания пока не хватает *эмпирического* восприятия капиталистической действительности. Однако ситуация совершенно меняется, когда по делам фирмы, совладельцем которой был его отец, он отправляется в Англию, в Манчестер, где становится свидетелем конфликта экономических интересов рабочих и буржуазии, их классовой борьбы.

Если во время первого и краткого пребывания в Англии в 1840 г. Энгельс смотрел на эту страну через романтические очки революционного демократа и приветствовал, по его словам, «свободную Англию радостными криками и полными стаканами»[2], то теперь проблема свободы в этой стране ему видится совсем по-другому. Находясь в Англии с декабря 1842 по август 1844, он уже не только по литературе, как это было в Германии, где рабочее движение существовало в зачаточном состоянии, а воочию, на примере наиболее развитой в капиталистическом отношении страны, лицом к лицу сталкивается с проблемой коммунизма как неотъемлемой частью объективной реальности.

Теперь Энгельс видит невыносимые условия жизни и труда английских рабочих, внимательно присматривается к социально-экономическим и политическим отношениям в этой стране, устанавливает связи с руководителями чартистского движения и тайным рабочим обществом «Союз справедливых», а также сотрудничает с социалистической и демократической прессой. Отныне его гуманистическая

1Энгельс Ф. Шеллинг и откровение. Критика новейшего покушения реакции на свободную философию // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 41.

2Энгельс Ф. Энгельс Ф. Ландшафты... // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 41. С. 78-79.

нравственность соотносится с положением пролетариев в буржуазном обществе и им определяется.

Вспоминая историю «Союза коммунистов», он в 1885 г. скажет: «Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере, для современного мира, решающую историческую силу...»[1]. Здесь он окончательно становится убежденным материалистом и коммунистом, представителем и неутомимым защитником интересов пролетариата, а достижение общечеловеческой свободы «всех и каждого» отныне возможно для него лишь через освобождение наемного труда от капиталистического рабства. Из демократического «рыцаря» политической свободы отдельных «народов», «наций» Энгельс превращается в Великого Рыцаря интернациональной армии Труда. Он уже не только нравственно, но и во многом теоретически, готов к бою.

Письмо к Марксу от 19 ноября 1844 г., где им излагается *диалектико-материалистическое* представление о методологии изучения человека и говорится, что фейербаховский «человек» есть «производное от бога и потому еще увенчан теологическим нимбом абстракции», а настоящий путь, ведущий к «человеку», *совершенно обратный* и что необходимо исходить из эмпирического, телесного индивида, «эмпиризма и материализма», Энгельс заканчивает словами: «Впрочем, вся эта теоретическая болтовня мне с каждым днем все больше надоедает, и всякое слово, которое еще приходится говорить о «человеке», всякая строка, которую приходится писать или читать против теологии и абстракции, а равно и против грубого материализма, раздражают меня. Совсем другое дело, когда, вместо всех этих призраков... занимаешься действительными, живыми предметами, историческим развитием и его результатами. Это, по крайней мере, лучшее, что нам остается, пока мы вынуждены прибегать только к перу и не в состоянии непосредственно воплощать наши идеи в действительность, пуская в ход руки, а если это необходимо, и кулаки»[2].

Стать настоящим, не терпящим никакого политического произвола власти, революционным демократом, а, тем более, борющимся за экономические и соци-

---

1Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 220.

2Энгельс – Карлу Марксу, 19 ноября 1844 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27. С. 12-13.

альные права трудящихся, коммунистом дано не каждому. Для этого необходима крепкая *гуманистически-нравственная* основа мировоззрения, которая у Маркса и Энгельса была с юных лет. Маркс-гимназист признавался: «Нашим призванием вовсе не является такое общественное положение, при котором мы имеем наибольшую возможность блистать»[1]. Он был убежден в том, что «главным руководителем, который должен направлять людей при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование»[2].

Такой же в сущности была нравственная позиция юного Энгельса, который, говоря о благе людей, их свободе, всегда имел в виду человечество в целом и никогда существующее деление людей на расы, народы или нации не рассматривал как итог всемирной истории. В детстве он восхищался героями немецкой литературы (Зигфрид, Телль, Фауст), которые олицетворяли борьбу против угнетения, тирании и были готовы жертвовать собой ради общего блага людей. Учась на их образах ценить свободу человека превыше всего, в семнадцать лет он написал рассказ, где решительно встал на сторону греков, которые вели тогда борьбу с турками за свою национальную независимость[3].

У создателей марксизма было *одно* нравственное начало, но характеры – *разные*. Маркс всецело, теоретически и практически, погружен в дело освобождения наемных пролетариев и лишь изредка позволяет себе отвлечься на повседневные радости жизни. К тому же, осознанно отказываясь от экономически «выгодных» занятий, он и его семья много лет жили в хронической нужде. В 1868 г., после выхода в свет первого тома «Капитала», Маркс писал Кугельману: «...для меня не могло быть и речи, чтобы взяться за какое-нибудь доходное дело, прежде чем будет окончена моя книга»[4]. Энгельс же не только по-спартански предан общему им с Марксом делу, но, кроме того, он общителен, любит верховую езду, «веселый характер» называет своей «любимой добродетелью», получает удовольствие от хорошего вина и часто шутит. Все это без труда прочитывается в их ответах на «анкету Пруста», которая в XIX веке была популярной во многих семья

1Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 40. М.: Политиздат, 1975. С. 4.

2Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 40. М.: Политиздат, 1975. С. 7.

3Энгельс Ф. Рассказ о морских разбойниках // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 41. С. 509.

4Маркс – Людвигу Кугельману, 12 декабря 1868 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32. С. 486.

Европы и в которой по просьбе дочерей Маркса оба друга оставили на ее вопросы свои ответы[1]. В них Маркс полностью созвучен своему любимому герою – Спартаку, а Энгельс – много шутит и веселится.

Если Маркс своей «отличительной чертой» назвал «единство цели», то Энгельс - «все полузнать». Маркс видит свое счастье в «борьбе», а Энгельс находит его в «Шато Марго 1848 года розлива». Любимое занятие для Маркса «рыться в книгах», а для Энгельса – «дразниться и быть дразнимым». Но при столь ощутимой разнице в этих ответах - серьезных у Маркса и шутливых у Энгельса - в их характерах есть и то, где они едины. Пороком людей, который вызывает у них «наибольшее отвращение», Маркс назвал «угодничество», а Энгельс – «лицемерие». Это совпадение не случайно: у них - одна гуманистически-нравственная основа мировоззрения.

Во всем высоконравственный Энгельс всегда был предельно честен. Многие годы он страдал от того, что, не имея, благодаря своему отцу, иных источников существования, был вынужден заниматься коммерцией. Страдал не только потому, что это мешало его занятиям наукой, потребность в чем он испытывал постоянно, но прежде всего потому, что был *пролетарским* революционером. В январе 1845 г. он с глубокой тоской писал Марксу из Бармена в Париж: «Уступая настояниям моего зятя и видя огорченные лица обоих стариков, я опять попытался взяться за коммерцию... Но мне это опротивело раньше, чем я начал работать, - торговля – гнусность... Можно еще, будучи коммунистом, оставаться по внешним условиям буржуа и вьючной скотиной торгашества, если *не заниматься литературной деятельностью,* - но вести в одно и тоже время широкую коммунистическую пропаганду и занятия торгашеством, промышленными делами, этого нельзя»[2].

Моральный груз от занятий коммерцией висел на Энгельсе более 30 лет. Особенно трудно ему было в Англии в 1850-1869 гг., которые, работая на фабрике «Энгельс и Эрмен» в Манчестере, он называл периодом «буржуазной деятельности». Он мог бы покончить со всем этим в 1860 г., когда после смерти отца стал совладельцем фабрики и у него появилась возможность продать свою долю. Но все эти годы занятие коммерцией позволяло ему не только существовать самому, но также регулярно помогать Марксу, чья семья постоянно жила под угрозой полного

1См.: https://www.liveinternet.ru/users/3109898/post285744586/

2Энгельс – Карлу Марксу, 20 января 1845 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27. С. 19.

финансового краха. В 1866 г., до окончания работы над первым томом «Капитала», Маркс писал об Энгельсе Кугельману: «Это мой ближайший друг. От него у меня нет никаких *тайн*. Не будь его, я давно уже был бы вынужден взяться за какое-нибудь «прибыльное дело»[1]. Без финансовой поддержки Энгельсом «Капитала», каким мы его знаем, вообще могло и не быть.

Лишь после выхода в 1867 г. *первого* тома «Капитала», Энгельс смог заняться «бракоразводным» процессом с семьей Эрменов и продать им свою долю с таким расчетом, чтобы обеспечить на ближайшие годы сносное содержание как себе, так и семье Маркса[2]. Начав в 1868 г. процедуру выхода из прав собственника-фабриканта, Энгельс делится своей радостью со старыми друзьями по революционной борьбе. Так, в апреле 1869 г. он пишет Ф. Лесснеру: «Комплименты, которые ты мне делаешь и которых я совершенно не заслужил, пристыдили меня тем более, что, к сожалению, я за последние 18 лет почти ничего не мог делать *непосредственно* для нашего дела, а вынужден был посвящать все свое время «буржуазной» деятельности. Но я надеюсь, что в скором времени это изменится. Через несколько месяцев я рассчитываю опять всецело располагать своим временем и тогда, конечно, сделаю все, что в моих силах, чтобы заслужить твои комплименты»[3].

Покончив с «буржуазной деятельностью», в течение которой он написал ряд глубоких и обстоятельных исторических работ («Крестьянская война в Германии», «Революция и контрреволюция в Германии» и др.), а также постоянно помогал Марксу в создании и руководстве I Интернационалом, Энгельс, как и прежде, отдает все свои силы борьбе за освобождение наемного труда и ведет масштабную партийную, публицистическую и теоретическую деятельность.

Читая работы и письма Энгельса к различным людям, можно коллекционировать образцы самой высокой, хозяевам капиталистического общества и обслуживающему их идеологическому персоналу недоступной, «рыцарской» морали и нравственности. Так, опубликовав «Анти-Дюринг», он в дальнейшем решительно отказывался вносить сколь-либо существенные изменения в последующие издания этой работы. При этом, мотив, которым Энгельс руководствовался, был всеце-

---

1Маркс – Людвигу Кугельману, 25 октября 1866 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 31. С. 449.

2Энгельс – Карлу Марксу, 29 ноября 1868 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 32.

3Энгельс – Фридриху Лесснеру, 4 апреля 1869 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т.32. С. 498.

ло обусловлен его, *по-рыцарски* благородным, представлением о том, что «такое хорошо, а что такое плохо». Оценив в «Анти-Дюринге» своего «героя», как «незначительного», обладающего «невежественной заносчивостью» писателя, который «представляет собой один из характерных типов развязной псевдонауки», что «лезет на передний план и все заглушает грохотом своего высокопарного пустозвонства», наградив его разными презрительными эпитетами, Энгельс в «Предисловии» ко *второму* изданию 1885 г. писал: «...совесть моя восстает против каких-либо изменений текста. Сочинение мое – полемическое, и я считаю, что по отношению к своему противнику я обязан не исправлять ничего там, где он ничего не может исправить. Я мог бы только претендовать на право выступить с возражениями на ответ г-на Дюринга. ...К тому же я тем более должен соблюдать по отношению к нему все правила чести, принятые в литературной борьбе, что после начала публикования моей работы Берлинский университет поступил с ним постыдно несправедливо»[1].

Нравственная позиция всегда бескомпромиссного в вопросах *научной* истины Энгельса разительно отличается от укоренившихся снизу доверху в буржуазном обществе грязных правил ведения *мировоззренческой* борьбы в политике или литературе, которых придерживаются оправдывающие и защищающие власть капитала ангажированные ею журналисты, «эксперты» и не желающие мыслить материалистически псевдонаучные теоретики.

С «пером и мечом» за освобождение наемного труда от капиталистического рабства

> «Во имя действительной человеческой личности – рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества».
>
> Ленин.

Жизнедеятельность Энгельса – пролетарского гуманиста и революционера - состоит из многих ярких эпизодов его участия в классовой борьбе против буржуазии. Одни из них связаны с этой борьбой напрямую, где он, прежде всего, коммунистический политик, партийный публицист и даже участник военных сражений.

1Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 9.

Другие - опосредованно, где он выступает как энциклопедист, глубокий мыслитель и теоретик, раскрывающий горизонты познания, без чего продвижение к свободе невозможно.

Хрестоматийные труды Энгельса, как и Маркса, давно известны, хотя многими из-за недостатка теоретических знаний до конца так и не поняты. Здесь уместно вспомнить, что после смерти Маркса Энгельс отказался от предложения А. Бебеля переехать из Англии на континент, мотивируя это тем, что в Лондоне у него есть возможность спокойно продолжать теоретическую работу, в которой заменить его и Маркса *некому*. Тогда он писал: «То, что в этом направлении пытались делать более молодые, стоит немногого, а большей частью даже меньше, чем ничего. Каутский – единственный, кто усердно занимается, - вынужден писать для того, чтобы зарабатывать на жизнь, и уж потому не в состоянии сделать ничего»[1]. Энгельс пишет это в то время, когда Каутский, будучи главным редактором первого теоретического журнала социал-демократии «Новое время», уже приобретал статус видного «теоретика марксизма». Но Энгельсу, который всячески поддерживал его усилия в области, это не мешало видеть слабости Каутского-теоретика.

Недостаток должной теоретической подготовки «молодых», шедших за Марксом и Энгельсом, социалистов неизбежно вел их в ряды ревизионистов марксизма. Все они, от Бернштейна до наших дней, вместо того, чтобы, опираясь на материалистическую диалектику создателей марксизма, исследовать дальнейший генезис капитализма и изменения в его «надстройке», начинают «обновлять», «исправлять» или «реактуализировать» учение Маркса. Этим же страдали и «заболевшие» эмпириокритицизмом, большевики, о которых Ленин сказал: «Читать – читали, переписать – переписали, а что к чему, не поняли»[2]. Разговор о теоретическом наследии Энгельса и отношении к нему обществоведов в последние несколько десятков лет требует отдельного, очень обстоятельного, разговора. Поэтому здесь остановимся на *партийной* стороне его деятельности.

Как член интернациональной *партии* коммунистов Энгельс вместе с Марксом в 1844-1850 гг. заложил мировоззренческие и теоретические основы *науки* о коммунизме, которые были изложены ими в «Немецкой идеологии» - работе, в ко-

---

1Энгельс – Августу Бебелю, 30 апреля 1883 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 17.

2Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18. С. 195.

торой, по словам Маркса, их «главная цель – уяснение дела самим себе – была достигнута»[1]. После этого с ясным сознанием диалектико-материалистических принципов познания и логически обоснованной гипотезой «исторической миссии пролетариата» Энгельс от имени созданного им и Марксом в феврале 1846 г. Брюссельского Коммунистического корреспондентского комитета ведет громадную организаторскую и пропагандистскую работу, устанавливает тесные связи с коммунистами Лондона, Парижа, Копенгагена, Гетеборга, Берлина, Гамбурга Кельна, Бреслау и ряда других городов Европы, способствует созданию новых коммунистических корреспондентских комитетов. Убеждая в правильности своих взглядов членов Союза справедливых, которые находились под влиянием утопических воззрений В. Вейтлинга, он готовит реорганизацию этого тайного общества в *нелегальный* «Союз коммунистов» и непосредственно участвует в подготовке Устава и программы Союза. Считается, что именно по предложению Энгельса на первом конгрессе «Союза коммунистов» (2-9 июня 1847), где Маркса не было, девиз прежней организации «Все люди – братья» был заменен на классовый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Работая над программой Союза, Энгельс представил написанный им в виде катехизиса *проект* «Коммунистического символа веры», а затем в ходе внутрипартийной дискуссии на его основе подготовил «Принципы коммунизма». Одновременно с этим в письме к Марксу, который после высылки из Франции находился в Брюсселе, Энгельс предложил ему в итоговом варианте программы «отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим *манифестом*»[2].

Второй конгресс «Союза коммунистов» (Лондон, конец ноября – начало декабря 1847) в результате напряженных дискуссий принял точку зрения Маркса и Энгельса и поручил им подготовить и опубликовать манифест[3]. Они тут же, сначала в Лондоне, а затем в Брюсселе, начали над ним работать. В виде брошюры в 23 страницы и тиражом в 100 экземпляров «Манифест Коммунистической партии» вышел накануне февральской революции, которая началась в Италии и Франции, а затем охватила Австрию, Чехию, Венгрию, Польшу, Южную Германию и Прус-

1Маркс К. К критике политической экономии. – Предисловие // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. С. 8.

2Энгельс – Марксу, 23-24 ноября 1847 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 27. С. 102.

3См.: Фридрих Энгельс. Биография. (Пер. с немецкого). М.: Политиздат, 1972. С. 125.

сию. Пришло время проверки теории Маркса и Энгельса революционной практикой. По словам Ленина, она «была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848- 1849 гг., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира»[1].

Во время революций 1848-1849 гг. Маркс и Энгельс руководят созданной ими «Новой Рейнской Газеты», которая с 1 июня 1848 г. по 19 мая 1849 г. издавалась в Кельне и, писал в 1914 г. Ленин, была и осталась «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата»[2]. Опубликовав десятки направленных против контрреволюции статей и вызвав на себя огонь феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, они до конца отстаивали интересы народа и свободы от сил реакции. После победы контрреволюции «Новая Рейнская Газета» была запрещена. Маркс, отказавшись от прусского подданства, был выслан из Германии, а Энгельс, приняв участие в вооруженном народном восстании в Эльберфельде, а затем сражаясь в рядах повстанческой баденско-пфальцской армии с прусскими войсками, под угрозой ареста эмигрировал в Англию, где уже находился Маркс с семьей.

Освободившись к 1870 г. от «ярма коммерции», Энгельс тут же окунулся в работу Международного Товарищества рабочих. В октябре 1870 г. его избрали в состав Генерального совета I Интернационала, где он исполнял обязанности секретаря-корреспондента для Бельгии, Испании и Италии. После падения Парижской Коммуны (март – май 1871 г.) в развитии капитализма наступил тридцатилетний «мирный» период его развития. Самороспуск Интернационала в 1873 г. и ослабление классовой войны позволяют Энгельсу, продолжая вести партийную переписку и поддерживая связи с лидерами разных социалистических партий, сосредоточиться на теоретической работе. Исходя из того, что «для диалектического и вместе с тем материалистического понимания природы необходимо знакомство с математикой и естествознанием», Энгельс, покончив с «буржуазной деятельностью» и переселившись из Манчестера в Лондон, занялся, как он писал, переводом «сознательной диалектики» а материалистическое понимание *природы* и в течение 8 лет подвергал себя «в области математики и естествознания процессу полного «линяния»[3]. Но и в это время партийный долг он ставит на первое место.

1Ленин В. И. Карл Маркс // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 48.

2Ленин В. И. Карл Маркс // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 83.

3Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 10-11.

Когда в середине 70-х гг. Энгельс интенсивно работал над «Диалектикой природой», богатое теоретическое содержание которой до сих пор в полной мере не освоено ни представителями естественных наук, ни теми, кто изучает жизнь людей, к нему обратились видные социалисты Германии с просьбой критически осветить «новую социалистическую теорию» г-на Е. Дюринга, которая начала проникать в рабочее движение. По словам Энгельса, прошел целый год, прежде чем он решился отложить в сторону свои другие работы и принялся «за этот кислый плод», который из-за его размеров «пришлось поневоле съесть целиком»[1]. Так, из-под его пера вышла «энциклопедия марксизма», рукопись которой была прочтена Марксом.

Когда в марте 1883 г. Маркса не стало, фактическое руководство международным социалистическим движением полностью легло на плечи Энгельса. «После смерти Маркса, - писал Ленин, - Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов... Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса»[2].

Наблюдая легкомысленные рецидивы *дюрингианства*, Энгельс отстаивает диалектико-материалистическую сущность марксизма. В письме к интересовавшемуся учением Маркса К. Шмидту в августе 1890 г. он пишет: «И у материалистического понимания истории имеется теперь множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы *не* изучать историю. ...Однако наше понимание истории есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо изучать заново, надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т.п. воззрения»[3]. Именно так он сам поступает в своих сочинениях («Происхождение семьи, частной собственности и государства»), а также теоретически содержательных письмах к разным лицам.

Как и прежде, Энгельс продолжает внимательно следить за подъемами и спадами рабочего движения в разных странах, анализируя межклассовые и внутриклассовые противоречия, обсуждает тактику социалистических партий и, главное, связывает решение этих вопросов с материалистическим пониманием исто-

1Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 5-6.

2Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 2. С. 13.

3Энгельс – Конраду Шмидту, 5 августа 1890 г.// Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. С. 370-371.

рии, которое никак не сводится к известной формуле «общественное бытие определяет сознание», дальше которой в споре с марксистами либеральные идеологи не идут. Здесь всеобщего внимания заслуживает «Введение» Энгельса для отдельного издания в 1895 г. работы Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», которую он охарактеризовал как *первую попытку* «Маркса на основе своего материалистического понимания объяснить определенную полосу истории, исходя из данного экономического положения»[1].

В этой работе Энгельса мы встречаем то, что неопровержимо, по-рыцарски, бьет по вульгарному материализму и его либеральным критикам, которые сводят суть материалистического понимания истории к *одностороннему* воздействию экономики на политику или, наоборот, обвиняют создателей марксизма в теоретической грубости «классового подхода» при анализе общественной жизни в буржуазном обществе. Энгельс пишет: «В «Коммунистическом манифесте» эта теория была применена в общих чертах ко всей новой истории; в статьях в “Neue Rheinische Zeiting” Маркс и я постоянно пользовались ею для объяснения текущих политических событий. Здесь же дело шло о том, чтобы на протяжении многолетнего периода исторического развития, который был критическим и вместе с тем типичным для всей Европы, вскрыть внутреннюю причинную связь и, следовательно, согласно концепции автора, свести политические события к действию причин, в конечном счете экономических»[2]. А далее следует то, что крайне важно для понимания особенностей диалектико-материалистического анализа: «При суждении о событиях и цепи текущей истории никогда не удается дойти до *конечных* экономических причин... Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал. Необходимым вспомогательным средством является тут статистика, а она всегда запаздывает. Поэтому при анализе текущих событий слишком часто приходится этот фактор, имеющий решающее значение, рассматривать как постоянный... Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к борьбе интересов наличных общественных классов и фракций классов, созданных экономическим развитием, а отдельные политиче-

1Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 529.

2Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 529.

ские партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и их фракций»[1].

Именно такому пониманию возможностей и особенностей материалистического понимания истории следовал Энгельс, анализируя ход классовой борьбы пролетариата и поведение в ней социалистических партий. В частности, в письме к Бернштейну в июне 1883 он, отвергая фразу об «одной реакционной массе», пишет: «Ведь в том-то и заключается действующая в нашу пользу ирония истории, что *различные* элементы этой феодальной и буржуазной массы к *нашей* выгоде борются между собой, грызутся и пожирают друг друга и, стало быть, образуют противоположность однородной массе... Наоборот, все эти разношерстные прохвосты должны сначала расправиться друг с другом...»[2]. Здесь же он обращает внимание на условия и многоступенчатость будущей социальной революции: «Решающими являются общие политические условия внутри страны *и за* границей, а они изменяются, не являются застывшими. Между тем в Германии... существует связанное с представлением об одной реакционной массе убеждение, что если будет свергнут нынешний режим, то мы придем к власти. Это чепуха. Революция – длительный процесс, сравни 1642-1646 и 1789-1793 гг., и для того, чтобы условия созрели для нас, а мы для них, все промежуточные партии должны поочередно прийти к власти и обанкротиться. Тогда придет наша очередь, и возможно, что мы еще не раз потерпим поражение...»[3].

Та же тема необходимости учитывать конкретно-исторические условия классовой борьбы и перспективы социалистической революции в Германии с учетом опыта классовой борьбы во Франции звучит в другом письме Энгельса к тому же Бернштейну. В нем он пишет: «В классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией бонапартистская монархия (характеристика которой дана Марксом в «Восемнадцатое брюмера» и мной в «Жилищном вопросе», раздел II, и в других местах) играет приблизительно такую же роль, какую играла старая абсолютная монархия в борьбе между феодализмом и буржуазией. Но точно так же, как эта борьба не могла быть доведена до решительного конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789-1792 и 1815-

1Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 529-530.

2Энгельс – Эдуарду Бернштейну, 12-13 июня 1883 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 32-33.

3Энгельс – Эдуарду Бернштейну, 12-13 июня 1883 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 32-33.

1830), так и борьба пролетариата с буржуазией может быть доведена до решительного конца только в республике. …И у нас тоже первым, непосредственным результатом революции может и *должно* быть, по *форме*, не что иное, как *буржуазная* республика. Но тут это будет лишь коротким переходным моментом, так как, к счастью, у нас нет чисто республиканской буржуазной партии. Буржуазная республика, быть может с партией прогрессистов во главе, послужит нам прежде всего *для привлечения широких масс рабочих на сторону революционного социализма*; это будет проделано в течение одного-двух лет и приведет к полному истощению и самоуничтожению всех еще возможных, за исключением нас, промежуточных партий. Лишь тогда мы сможем с успехом прийти к власти»[1]. И тут же вновь о революции как *процессе*, успех которого зависит от конкретно-исторических обстоятельств: «Грубая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе, будто революцию можно сделать в один день. На самом же деле она представляет собой многолетний процесс развития масс в условиях, которые способствуют его ускорению»[2].

Не проходит мимо внимания Энгельса и тот факт, что напуганная Парижской Коммуной буржуазия, чтобы внести раскол в международное рабочее движение, начала формировать «рабочую аристократию». Раньше и нагляднее, чем в других странах, это произошло в «колыбели» капитализма. О рабочем движении в Англии, которое в 40-е годы дало ему наглядный материал для книги о бесчеловечном положении рабочего класса и послужило основанием превращения его в коммунисты, теперь он А. Бебелю пишет так: «Ни в коем случае не вздумай поверить, если тебе кто-либо скажет, что в Англии развертывается подлинное пролетарское движение. ...настоящее всеобщее рабочее движение возникнет здесь... только тогда, когда рабочие почувствуют, что мировая монополия Англии подорвана. Участие в господстве на мировом рынке было и остается экономической основой политической пассивности [Nullitat] английских рабочих. Плетясь в хвосте за буржуазией в деле экономического использования этой монополии, но все же участвуя в ее прибылях, они, естественно, в политическом отношении плетутся в хвосте «великой либеральной партии»[3].

1Энгельс – Эдуарду Бернштейну, 27 августа 1883 г.// Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 48-49.

2Энгельс – Эдуарду Бернштейну, 27 августа 1883 г.// Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 49.

3Энгельс – Августе Бебелю, 30 августа 1883 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 36. С. 51-52.

Подобных размышлений и суждения Энгельса об условиях, диалектическом характере и перспективах социалистической революции вполне достаточно, чтобы ответить разным, прошлым и настоящим, догматикам из числа социалистов и коммунистов, которые, не обременяя себя изучением эмпирической стороны социальных процессов и не умея пользоваться материалистической диалектикой, превращают Маркса, Энгельса и, конечно, Ленина в коммунистических «пророков», а затем сетуют на то, что те, якобы, кругом ошибались, чего-то не видели, не учли и прочее.

Изучая постоянно меняющиеся условия борьбы за освобождение пролетариата в разных странах, Энгельс вместе с тем до конца жизни не упускал из виду развитие самого капиталистического способа производства. Критикуя проект программы социал-демократической Германии 1891 г., по поводу фразы «Коренящееся в самом существе частного капиталистического производства отсутствие планомерности» он писал: «капиталистическое производство, ведущееся *акционерными обществами*, это уже больше не *частное* производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только *частное производство*, но и *отсутствие планомерности*. Зачеркните слово *«частное»*, и это положение будет, пожалуй, приемлемо»[1].

Чтобы верно судить о Марксе и Энгельсе, не сочинять и не разделять псевдомарксистских, на неокантианстве замешанных, басен, в которых «Маркс-гуманист» противопоставляется «Энгельсу-сциентисту», нужно, как советовал Ленин Н. Михаловскому, «прилежно изучать» жизнь и труды этих удивительных людей. С юных лет, вдумчиво изучая и усваивая суть воззрений Маркса и Энгельса, постоянно обращаясь в своей жизни пролетарского революционера к их сочинениям, от фундаментальных работ до статей и писем, Ленин стал выдающимся марксистом, который не только творчески развивал это великое учение, но и на практике доказал, что оно не догма, а – руководство к действию.

Те, кто в отношении Маркса и Энгельса, их *человеческого*, нравственного и теоретического, наследия идет «ленинским курсом», наверняка, могли бы присоединиться к его словам: «Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет. Это – настоящие люди! У них надо

1Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. С. 234.

учиться. С этой почвы мы не должны сходить»[1]. Я это делаю с огромным удовольствием!

1 Ленин – И.Ф. Арманд, 30 января 2017 г.// Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 49. С. 378.

Игорь ЛОЗБЕНЕВ,
Татьяна ЛОЗБЕНЕВА

Владимир Ильич Ленин и борьба за политическое лидерство в России в 1917 г. (К 150-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина)

Аннотация: *Статья, посвященная юбилею В.И. Ленина, рассматривает некоторые особенности политической деятельности лидера большевиков в революционных событиях. Автор указывает, что в этот период Ленину удалось наиболее полно среди других политиков, увидеть основные тенденции общественного развития страны, и указав на них привести свою партию к власти.*

Ключевые слова: *Революция, Съезд Советов, политическая борьба, политическое лидерство.*

Всегда не просто приступать к работе о жизни человека такого масштаба, чувствуешь недосказанность, слабость оценок, боязнь повторить то, что сказано другими. Однако масштаб притягательности личности Ленина столь велик, что не сказать, промолчать о своих мыслях ты тоже не можешь. Десять лет назад я посетил в Ульяновске, мемориальный дом-музей семьи Ульяновых и был сильно поражен буквально звенящей тишиной обволакивающей все вокруг, особенно это почувствовалось в комнате Володи Ульянова. Из окна был виден сад. В комнате царил абсолютный порядок, столь характерный для нашего героя. В этот момент я подумал, что Великий мыслитель мог родиться только здесь, в этой тишине, в самом центре России. Однако это лирика. Статья посвящена другому периоду жизни В.И. Ленина. Сейчас важно увидеть политика и мыслителя, а он в полной мере формировался именного тогда, сто лет назад, в недрах Великой революции 1917 г.

Как это часто бывает, великие события, а к ним, относится Февральская революция 1917 г., бывают ожидаемы всеми, но начинаются неожиданно. Часто указывают на то, что и Ленин так же не смог уловить формирования в России революционных потрясений. В качестве доказательства обычно приводятся слова Ленина: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции»[1], высказанные им в «Докладе о революции 1905 года», прочитанном Лениным на собрании швейцарской социалистической молодежи 9 января 1917 года. Эти часто интерпретируют, как незнание ситуации в России, политиком уже 10 лет проведшим в эмиграции и оторвавшимся от российской действительности. Приэтом как-то забывают, что чуть раньше, 1 января 1917 г., в работе «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» Ленин писал, «…что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским…»[2]. Пройдет всего три месяца, и в марте 1917 г., все трое войдут в первый состав Временного правительства. Вряд ли Ленина можно после этого обвинять в политической слепоте и незнании ситуации. Возможно для кого-то Владимир Ильич говорил очевидные вещи. Так, Председатель Государственной Думы в период Первой мировой войны М.В. Родзянко пишет о встрече Депутатов Государственной Думы, Государственного Совета и Особого совещания с генералом Крымовым, только что прибывшим с фронта. В конце встречи Крымов заявил: «Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим»[3]. Подобные речи и разговоры велись тогда во многих кабинетах и коридорах – но как об этом мог узнавать простой русский эмигрант в Швейцарии? Только из частной переписки и доходивших отрывков информации. Надо обладать острым аналитическим умом для того, что бы сделать столь точный прогноз.

Все изменилось в марте 1917 г. В России произошла революция, свергли Николая II и сформировалось Двоевластие в лице Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В этих условиях Ленину, как лидеру большевиков, было необходимо определить вектор деятельности партии в новых условиях. И начинать это Ленину вновь приходилось, находясь в

1Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.30. М. 1973 г., с. 328.

2Там же, с. 243.

3Родзянко М.В. Крушение империи: Скопировано с: https://royallib.com/read/rodzyanko_mihail/krushenie_imperii.html#939461

Швейцарии. Мы как-то уже привыкли к тому, что Владимир Ильич уже в начале 1917 г., выдвинул те основные лозунги революции, которые упрощенно выглядели как: «Вся власть Советам!», «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим», «Мир народам!». С ними большевики пришли к власти в октябре 1917 г., и они считаются очевидными и устоявшимися уже в начале года. Для многих, после Февральской революции это было не так очевидно, а скорее и совсем неправильно. После того как в ночь с 1 на 2 марта 1917 г. в результате переговоров Петроградского Совета и Временного комитета Государственной Думы было создано Временное правительство, многие считали, что удалось создать буквально идеальную комбинацию взаимодействия различных политических сил. Буржуазия получало в свое ведение исполнительную власть в лице правительства, а трудящиеся - законодательную власть в лице Петроградского Совета. Обе политические силы взаимно влияли друг на друга в рамках единой системы Двоевластия. Местом, где предполагалось разрешение всех проблемных вопросов, виделось Учредительное собрание, созыв которого был поставлен на повестку дня. Многие понимали условность данной комбинации. Так, один из лидеров Петросовета, Н.Н. Суханов, писал: «Перед революционной демократией стояла задача сделать попытку *использовать* своих врагов, конечно, для *своих* целей. Народ, став фактическим хозяином положения, в силу особых обстоятельств уступал, отдавал в чужие руки свои определенные *функции»*[1]. Другую сторону двоевластия представляет П.Н. Милюков. Он писал: «Помимо принципиального взгляда на правительство, как на "буржуазное", была и другая причина воздержания социалистов соучастия во власти. Я упоминал, что социалистические партии держались в стороне от широкого рабочего движения последних дней перед революцией. Они были застигнуты врасплох, не успев организовать в стране своих единомышленников. …Однако же, и Совет не хотел отказаться от своей доли фактической власти. Между этими двумя, главнейшими факторами необходимо было установить определенное соглашение. Потребность в этом чувствовалась едва ли не больше со стороны Совета, нежели со стороны Временного правительства. По крайней мере, инициатива переговоров принадлежала исполнительному комитету Совета р. и с. депутатов»[2]. Позиции на сохранение подобного политического «примирения» занимали не только представители буржуазной демократии или правого крыла социалистов, но и многие

1Суханов Н.Н. Записки о революции: Скопировано с: https://e-libra.ru/read/194324-zapiski-o-revolyucii.html

2Милюков П.Н. Воспоминания: Скопировано с: https://e-libra.ru/read/317046-vospominaniya-1859-1917-tom-2.html

большевики. Интересно события этого периода, описывает еще один участник февраля – марта 1917 г. – лидер Петроградских большевиков А.Г. Шляпников. Он указывал, что сразу после революции большевики выступали против соглашения с буржуазией. Однако ситуация резко изменилась в начале марта 1917 г., когда из ссылки стали возвращаться многие видные большевики. Первой испытала на себе изменения редакция газеты «Правда», где вернувшиеся из ссылки большевики Каменев, Сталин и Муранов совершили, по словам Шляпникова, «редакционный переворот»[1]. Вскоре проявились результаты этого переворота. Так, И.В. Сталин в статье «О войне», опубликованной в «Правде» 16 марта 1917 г. писал: «Каковы те практические пути, которые могут повести к скорейшему прекращению войны? Прежде всего несомненно, что голый лозунг „долой войну!" совершенно не пригоден, как практический путь, ибо он, не выходя за пределы пропаганды идей мира вообще, ничего не дает и не может дать в смысле практического воздействия на воюющие силы в целях прекращения войны»[2]. Чуть раньше, в № 9 от 15 марта 1917 г., появилась статья Л.Б. Каменева «Без тайной дипломатии», в которой он писал, что «…переход власти из царских рук в руки либерально-монархической буржуазии вполне достаточным для того, чтобы отвергнуть наш лозунг «Долой войну!», и от имени Центрального органа партии, заявить, что война будет продолжаться, ибо германская армия не последовала примеру русской армии и еще повинуется своему императору, жадно стремящегося к своей добыче на полях смерти»[3]. Л.Б. Каменев и раньше выступал с подобной позицией. Так, в феврале 1915 г. на судебном процессе, в отличие от других большевиков, заявил о своем несогласии с ленинским лозунгом о поражении своего правительства в империалистической войне[4]. Как видим, он сохранил свое мнение и в марте 1917 г., чем сближался с представителями буржуазных кругов власти, но не с Лениным. Уже накануне приезда Ленина в Россию Каменеву и Сталину удалось перевести свое мнение в формализованную форму. Так, современный исследователь А. Рабинович пишет, что с 29 марта по 3 апреля 1917 г. проходило Всероссийское совещание партийных работников, приуроченное Всероссийской конференции Советов. До появления Ленина на этих большевистских собраниях Сталину удалось добиться единогласного одобрения резолюции, призывавшей к установлению «бдительного

1Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т.2., М. Республика. 1992 г., с.445.

2Правда №10 от 16 марта (29 марта) 1917 г., с. 5.

3Шляпников А.Г. Там же., с.449.

4Политические деятели России. 1917. М., Большая российская энциклопедия. 1993 г., с.132.

контроля» за деятельностью Временного правительства и к оказанию поддержки Петрорадскому Совету как «зародышу революционной власти». Этот подход был настолько близок к позиции эсеров и меньшевиков, что большевики смогли поддержать резолюцию по вопросу о Временном правительстве, принятую большинством на конференции Советов. Умеренные взгляды Сталина и Каменева по военному вопросу были также приняты большевиками, в результате чего было решено приостановить дезорганизующие действия на фронте. Кроме того, собрание большевиков постановило начать предварительные дискуссии в целях объединения с меньшевиками[1]. Думается, что, опираясь на эти результаты Каменев и Сталин были уверены в правоте своей позиции накануне приезда В.И. Ленина в Россию.

Сам Владимир Ильич не мог участвовать в этих дебатах, все еще находясь в Швейцарии. Он просто физически не мог покинуть эту страну, часть государств окружения которой не пускала его за антивоенные взгляды, а другая была враждебна его Родине. Как лев клетке, Ленин бился о государственные границы, в то время, как могучий интеллект требовал активного участия в работе. Не имея возможности воздействовать на ситуацию лично, Ленин напутствует большевиков, имевших возможность возвратиться в Россию. 6 марта 1917 г. Ленин посылает в Швецию телеграмму, которая была зачитана Е.Б. Бошь 13 марта на заседании Русского бюро ЦК РСДРП и в тот же день на заседании Исполнительной комиссии Петербургского комитета партии[2]. В телеграмме он писал: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата - единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями. Телеграфируйте это в Петроград»[3]. Обратим внимание, что Ленин сразу, без оговорок, четко и ясно формулирует свою позицию: **полное недоверие, никакой поддержки** новому правительству. С этой платформы он обращается к своим однопартийцам в группе документов – «Письмах из далека», в которых свою позицию он показывает развернуто. Первое, что обращает на себя внимание, тот факт, что Ленин четко видел, как впрочем, и многие участники событий в России – это противоречивость Двоевластия. В первом письме, датированным 7 марта 1917 г., он писал: «Если революция победила так скоро и так - по внешности, на первый поверхностный вз-

1Рабинович А. Кровавые дни. М. Республика. 1992 г., с. 46-47.

2Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.31, М. 1969 г., с. 505.

3Там же., с.7.

гляд - радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления»[1]. Выступая далее, Ленин четко и ясно показывает свое видение этого двоевластия через призму отношения к Временному правительству. По этому вопросу он писал: «Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, не может, - даже если бы оно искренне хотело этого (об искренности Гучкова и Львова могут думать лишь младенцы), - не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы»[2]. В пятом письме от 24 марта, то есть уже накануне отъезда, Ленин набрасывает контуры будущей политики большевиков. Он писал: «В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем лишь при условии, что первым шагом ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли, если принять, что аграрная программа «104-х» осталась по сути своей аграрной программой крестьянства. В связи с такой крестьянской революцией и на основе ее возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к введению «всеобщей трудовой повинности»[3]. Впереди у Ленина был непростой переезд в Россию. Ему предстояла сложная и опасная политическая борьба.

Борьба началась буквально сразу, в поезде, который привозил Ленина в Петроград. Группа руководителей партии большевиков решила встретить Владимира Ильича на первой российской станции – Белоозеро. Теплый прием со стороны солдат, рабочих и сотрудников станции явно контрастировал с той встречей, которую Ленин устроил встречавшим его большевистским руководителям. По словам Ф.Ф. Раскольникова, встреча происходила следующим образом: «Окружив Ильича, идем в его вагон.

Едва войдя в купе и усевшись на диван, Владимир Ильич тотчас накидывается на Каменева.

1Там же., с.16.

2Там же., с. 20.

3Ленин В.И. Там же., с. 56.

— Что у вас пишется в «Правде»? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали...[1]».

Это было начало. Уже на следующий день Ленин дал бой буквально всем несогласным с его позицией, вызвав как внутрипартийные дискуссии, получившие название «Апрельский кризис», так и противостояние с другими партиями. Ленин буквально окунулся в революционные процессы в России, сделав несколько значимых заявлений в первые несколько дней пребывания в стране. Самым известным из них было выступление «О задачах пролетариата в нашей революции», более известное как «Апрельские тезисы». Они были опубликованы сначала в виде устного доклада Ленина 4 и 5 апреля 1917 г. и публикации в газете «Правда» 7 апреля 1917 г. В целом это был небольшой документ программного характера, кратко содержавший следующие положения:

1) недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству». На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

2) Переход ко второму этапу революции, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

3) Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний.

4) Разъяснение массам, что С.Р.Д. есть единственно возможная форма революционного правительства.

5) Не парламентарная республика, - а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов.

6) В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов. Конфискация всех помещичьих земель.

7) Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д[2].

Самым важным было ни само наличие тезисов, Ленин в той или иной форме высказывал отдельные из них и раньше, а та сила изложения, с которой они были высказаны. Ленин видел цель и буквально тянул к ней своих соратников и

1 Раскольников Ф. Ф. На боевых постах. — М.: Воениздат, 1964., с. 64.

2Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.31, М. 1969 г., с.113-118.

всю страну. Н.Н. Суханов обвинял позднее В.И. Ленина в том, что в его тезисах: «не было не только разработанной, но и намеченной экономической программы»[1]. Зададимся вопросам, а возможна ли была подобная программа в тех условиях, когда ситуация в стране менялись с головокружительной быстротой? Представляется, что четко сформулированные тезисы в подобных условиях важнее многословных программ. Тяжелым для многих было восприятие Ленинских тезисов. Н.Н. Суханов вспоминал, что после выступления Ленина 4 апреля: «Я вышел на улицу. Ощущение было такое, будто бы в эту ночь меня колотили по голове цепами»[2]. Не менее бурную негативную реакцию вызвала речь В.И. Ленина перед объединенным совещанием социал-демократов, на котором он в целом повторил свое выступление, сделанное днем ранее. Уже цитировавшийся Н.Н. Суханов писал: «Помню Богданова, сидевшего напротив меня, на «министерской скамье», в двух шагах от ораторской трибуны.

– Ведь это бред, – прерывал он Ленина, – это бред сумасшедшего!.. Стыдно аплодировать этой галиматье, – кричал он, обращаясь к аудитории, бледный от гнева и презрения, – вы позорите себя! Марксисты!»[3]. В этом же русле высказался Г. Плеханов, назвавший речь Ленина «бредовой»[4]. Как указывалось ранее, Ленину пришлось доказывать свою правоту и своим соратникам. Вероятно, многим из них казалось, что Ленин там, за границей, не знает реального положения дел, но по приезду все измениться. Скорее всего, именно на это указывал Каменев в разговоре с Сухановым 16 марта 1917 г., отвечая на вопросы Суханова Каменев заявил: «Ленин считает, что революция до сих пор совершалась вполне закономерно, что буржуазная власть сейчас исторически необходима и иной не могло быть после переворота»[5]. О том, что Ленин своим выступлениями разрушил некоторые ожидания, пишет и Шляпников, который указывал, что своей речью Ленин явно многих разочаровал: «Те меньшевики и правые большевики, которые питали особые надежды на то, что т. Ленин «задаст неблагоразумным левым» большевикам ошиблись в своих расчетах. Позиция Владимира Ильича оказался левее нашей

1Суханов Н.Н. Указ. соч.: Скопировано с: https://e-libra.ru/read/194324-zapiski-o-revolyucii.html

2Там же.

3Там же.

4Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей. Воспоминания русских политиков и комментарий западного историка. - М., 1991. С. 170 - 178.

5Суханов Н.Н. Указ. соч.: Скопировано с: https://e-libra.ru/read/194324-zapiski-o-revolyucii.html

левой»[1]. Это не ускользнуло от внимания Каменева, который уже 8 апреля 1917 г. (т.е. на следующий день после публикации «Апрельских тезисов» в «Правде») пишет статью «Наши разногласия», в которой указывает: «Во вчерашнем № «Правды» т. Ленин опубликовал свои «тезисы». Они представляют личное мнение т. Ленина, и их опубликованием т. Ленин исполнил долг всякого ответственного общественного деятеля: представить на обсуждение революционной демократии России свое понимание происходящих событий. … Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую»[2]. Противостояние нарастало. В этом противостоянии Ленин оказался в явном меньшинстве, однако это было не препятствием, а скорее трамплином для деятельности лидера большевиков. А. Рабинович пишет: «Несмотря на такое неблагоприятное начало, Ленину удалось завоевать на свою сторону значительную часть членов партии в поразительно короткое время»[3]. Назвать те три недели, которые Ленин потратил на утверждение тезисов в качестве основной программы партии, в тот бурный период, я не могу. Думаю, что для Владимира Ильича это было мучительно долгим временем, проведенном в острой полемике. Однако именно он вышел победителем из этой борьбы. Причин для этого было много. Указывается и высокий интеллектуальный уровень самого Ленина, и поддержка постепенно прибывавших из эмиграции и ссылки большевиков, которые не были согласны поддерживать Временное правительство, и вступление в партию большевиков людей из низов[4]. Все это верно, но верно и другое. Заработали процессы, которые многие не замечали, находясь в Петрограде. С марта 1917 г. в революционные изменения в обществе все больше и больше включался многомиллионный народ России.

Именно участие простого народа стало фактором, активно менявшим политическое пространство России в 1917 г. Общество России уже давно стремилось изменить направление политического развития страны. Однако, первая русская революция 1905-1907 гг. не смогла полноценно решить ни один из основополагающих вопросов, ни о власти, ни рабочего, ни аграрного, ни национального. Все они, будучи решены к 1917 г. лишь частично, были обострены тяжестью Пер-

1Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т.3., М. Республика. 1992 г., с. 277.

2Правда №27 от 8 апреля (21 апреля) 1917 г., с. 4.

3Рабинович А. Кровавые дни. М. Республика. 1992 г., с.49.

4Там же., с. 49-50.

вой мировой войны. Из всего списка проблем за 10 дней февральской революции удалось решить только вопрос о власти – она сменилась. Однако и другие вопросы требовали своего решения, причем немедленно. Но у политических лидеров, пришедших к власти в феврале – марте 1917 г., существовало прямо-таки идеалистическое представление о том, что все основные вопросы решит Учредительное собрание. Возможно, в этом была своя доля здравого смысла, однако в российском обществе 1917 г., которое еще сохраняло многие черты жесткой социальной дифференциации, одновременно находящемся в ситуации социального взрыва, было трудно найти общественный консенсус по основным вопросам революции. Что можно было ждать от Учредительного собрания, когда наиболее массовые слои населения – рабочие и крестьяне - уже давно в той или иной форме сформулировали свои основные требования. Крестьяне требовали раздела земли помещиков, рабочие – создания профсоюзов, право на проведение забастовок, 8-ми часовой рабочий день, повышение заработной платы, социальное страхование. Согласились бы ли на такое решение проблем основные имущие классы – помещики и буржуазия? Нельзя исключать, что можно было найти более или менее адекватное решение вопросов. Но для этого нужно было время – долгое и спокойное, которого явно не было в 1917 г. Казалось бы, Учредительное собрание было созвано достаточно быстро: всего через восемь месяцев. Однако это был 1917 г. – период, когда историческое время неслось с бешеной скоростью. Сам факт созыва Учредительного собрания только в ноябре 1917 г., создал ситуацию, когда все основные вопросы были уже решены стихийно. Что увидели рабочие и крестьяне в марте 1917 г. Свергли монархию и можно начать требовать решения насущных вопросов. Ждать учредительного собрания? Зачем? А как оно может решить рабочий и аграрный вопрос иначе нежели так, как хотят сами рабочие и крестьяне? Очевидно это был путь социальной конфронтации, но основные слои населения страны ее не боялись. Они не ждали. Они стали решать свои проблемы.

Наиболее массовым были выступления крестьян. Деревня, несмотря на огромные масштабы страны, стала быстро и энергично решать аграрный вопрос. Как пишет крупный специалист по истории русской деревни в период Революции и Гражданской войны, Т.В. Осипова: «Крестьянам хватило двух месяцев для слома сословной системы власти. Кадетская печать отмечала, что революция смела старые сословные учреждения как карточный домик. Крестьяне были непримиримы к старым органам власти, ибо в них они были сословием неполноправным. Волостные и сельские органы крестьянской власти создавались под разными названия-

ми: комитеты народной власти, союзы, советы и др. С апреля за ними утвердилось название временных исполнительных комитетов. Они были созданы не менее чем в 15 тысячах волостей России»[1]. Опираясь на новые органы власти, крестьяне решительно вступили в борьбу за землю. Осипова пишет: «За март - май 1917 г. крестьяне центральных губерний России более 1780 раз вступали в конфликты с земельными собственниками. Правительство полагало, что урегулированием земельных конфликтов займутся примирительные камеры, где помещики имели преимущество над крестьянами. Но крестьяне им не доверяли. Землевладельцы многих уездов жаловались Временному правительству, что крестьянские комитеты считают себя высшей исполнительной властью, выдвинутой революцией. По их постановлениям отбираются земли, луга, леса, устанавливается разорительная для помещиков арендная плата»[2]. Отметим, что эти события происходили весной 1917 г., т.е. задолго до прихода большевиков к власти.

Так же напористо действовали и рабочие. Практически сразу после февральской революции российские рабочие для решения своих проблем, начинают создавать фабрично-заводские комитеты. О начальном этапе их деятельности современный исследователь Д.О. Чураков пишет: «Лишь 10-15% заводских комитетов решали вопросы, связанные с управлением и жизнеобеспечением предприятий. …Приметой февраля на заводах было всего три требования: удаление неугодных членов прежней администрации, 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты. В понимании рабочих эти требования составляли непреложную часть установления революционного порядка»[3]. Однако ситуация начинает меняться к апрелю — маю 1917 г. В этот период определяющим в деятельности фабзавкомов становится лозунг «рабочего контроля над производством». Чураков указывает, что «переход к рабочему контролю серьёзно повлиял и на развитие самих фабзавкомов, и на генезис рабочего самоуправления в целом. В этот период фабзавкомы от элементарных, наиболее насущных проблем выживания рабочих переходят к более широким вопросам обустройства рабочего быта, в их деятельности начинают прослеживаться параллели с общинно-артельными формами самоорганизации»[4]. Фактически идет нарастание рабочего движения, что становить важным фактором развития революционного движения.

1Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне.. — М., 2001., с. 25-26.

2Там же, с. 29-30.

3Чураков Д.А. Рабочее движение и рабочее самоуправление. 1917 г., М. 1998 г., с.42.

4Там же., с.43.

Именно рост рабочего и крестьянского движения становится важным фактором, который убеждал Ленина в правильности его позиции высказанной в «Апрельских тезисах». Однако тогда, в апреле 1917 г. лидеру большевиков еще предстояла борьба за партию. Причем успех этой борьбы был еще не предопределен. Своеобразный первый бой был проигран Лениным, что называется «в чистую». «Апрельские тезисы» обсуждались на заседании Петербургского комитета РСДРП (б) 8 апреля 1917 г. Сохранившийся текст протоколов заседания носит фрагментарный характер, но интересен итог: На голосование ставятся тезисы Ленина все в целом. Голосуют это предложение члены Петербургского Комитета — 2 за, 13 против, 1 воздержался[1]. Характерно примечание, сделанное в 1927 г. к протоколу, в котором говорилось: «Голосование показало, что Петербургский Комитет по существу в тезисах Ленина не разобрался»[2]. Причем для читателей, в качестве дополнения был приложен текст «Апрельских тезисов»[3]. «Не разобрался» - такой вывод сделали составители сборника документов через 10 лет а тогда в 1917 г., можно было сделать однозначный вывод – отвергли. Но это и подобное поражение не смутили Ленина. Как пишет в биографии своего деда Вячеслав Никонов: «Отбиваясь каждый день через «Правду» от нараставших волн критики, он жестко и яростно собирал партию. Против «старых большевиков» Ленин искал и находил поддержку в молодой партийной поросли, включавшей и Молотова»[4]. Перелом наступил во второй половине апреля, когда после долгой дискуссии 15 апреля Петроградская общегородская конференция РСДРП отклонила дополнение Л.Б. Каменева к резолюции конференции «Об отношении к Временному правительству» большинством в 20 голосов при 6 против, при 9 воздержавшихся, и приняла резолюцию в редакции Ленина, за которую проголосовало 33 человека, против – 6, при 2 воздержавшихся[5]. Следующим этапом стала VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б), на которой большинство резолюций были приняты в редакции Ленина. Владимир Ильич победил не только силой убеждения, но и опираясь на факты. Все протоколы конференции буквально пронизаны информацией с мест. В Петроград съехались делегаты со всей страны. Они видели то, о чем гово-

1Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. Государственное издательство. М.-Л., 1927 г., с. 88.

2Там же., с.90.

3Там же. С. 90-92.

4Никонов В.А. Молотов. М.: Молодая гвардия, 2017., с.50.

5Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 г. Протоколы. М. 1958 г., с. 37.

рил Ленин, к реализации чего призывал. Многих делегатов заставляли задуматься о сохранении компромисса с Временным правительством и массовые демонстрации 20 апреля 1917 г., проходившие как реакция на «Ноту Милюкова». Партия пошла за Лениным, теперь ему предстояло бороться на новом уровне.

Выход В.И. Ленина на общероссийский уровень деятельности произошел на I Всероссийском Съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. Нельзя сказать, Ленин был необычайно активен во время работы съезда. Он выступает на съезде во второй день его работы, во время вечернего заседания 4 июня 1917 г. Это была короткая реплика в середине долгого выступления министра почт и телеграфа второго состава Временного правительства И. Церетели, когда после слов министра: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите мы займем ваше место. Такой партии в России нет. (Ленин с места – «нет»)»[1]. Эта реплика буквально сбила Церетели с мысли. В течение следующей минуты Ираклий Георгиевич трижды упомянул Ленина, указывая на то, что сами большевики не спешат захватывать власть: «Они говорят, когда мы станем большинством или когда большинство встанет на нашу точку зрения, тогда надо захватывать власть»[2]. Свой ответ в речи, Ленин развернул свою мысль через несколько минут, заявив в частности: «Он говорил (И. Церетели – И.Л.), что не в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: есть, ни одна партия от этого отказаться не сможет, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»[3]. Эта фраза вызвала одновременно аплодисменты и смех в зале, на что Ленин довольно гневно отреагировал. Раскол зала на тех, кто аплодировал и на тех, кто смеялся довольно зримо показал раскол демократической части общественности по вопросу об отношении к временному правительству, где Ленин занял четкую и ясную позицию: «Двоевластие» временно, в стране не может долго сосуществовать несколько независимых властей. Приход к власти Советов необходимо и неизбежно. Мог ли Съезд, где большевики составляли всего 10% делегатов поддержать Ленина – очевидно нет, в то же время и сам Ленин не мог отказаться от своих взглядов. Владимира Ильича нисколько не останавливало то, что он был в меньшинстве.

1Первый Всероссийский Съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Т.1. М-Л. 1930 г., с.65.

2Там же.

3Там же., с. 70.

Больше на съезде Ленин с докладами не выступал При этом создается впечатление, что само присутствие лидера большевиков подстегивало докладчиков. Выступавшие упрекали Ленина в том, что предложенные им методы «не ведут к ликвидации разрухи, а к ее углублению и усилению» (Скобелев)[1]. Пешехонов указывал на то, что Ленин, заявляя о желании большевиков взять власть должен говорить за себя, но не за всю партию, в документах которой указывалось: «Они говорят не о том, что каждую минуту могут взять эту власть в свои руки, они говорят о том, что необходимо воспитание демократических масс, прежде чем большевики возьмут власть в свои руки[2]. Причем выступление Пешехонова сопровождалось недовольством части съезда, что отразилось в ремарках «Шум слева» и «Протесты слева». Довольно жестко критиковал В.И. Ленина Дан, который рьяно накинулся на все программные предложения лидеров большевиков. Он говорил: «Вы помните эти меры: надо опубликовать прибыли, арестовать несколько десятков капиталистов, объявить всех капиталистов мира разбойниками и заключить всеобщий мир без аннексий простым способом: отделив от России все ее части, которые когда то, со времен Гостомысла, были к России присоединены. Это называется миром без аннексий.

… И что же? Осуществив эту программу достигнем мы того, что у нас побегут поезда полные хлебом, явятся те гвозди, обувь, те товары о которых говорил товарищ Пешехонов, и исчезнет финансовый кризис, прекратиться мировая война и нам не будут угрожать империалистические государства»[3]. Вновь выступил Церетели, с вопросом указывая: «…Гарантирует ли, например, товарищ Ленин, что правительство большевиков, в настоящий момент, сегодня, будет признано всей Россией?»[4]. Один из лидеров меньшевиков, Либер, на заседании 8 июня в критике Ленина, опираясь на стенограмму второго дня работы с его выступлением, стал доказывать, что единственной целью большевиков является только то, что бы: «портфели (министров – И.Н.) попали в наши руки, и мы все сделаем»[5]. Множественная критика, а материалы приложения к протоколам Съезда, дают информацию о 64 упоминаниях В.И. Ленина в разных выступлениях и документах, показала, что лидеры Съезда еще не поддерживает верхушка Советов. Однако тогда, в

1Там же., с.90.

2Там же. С. 139.

3Первый Всероссийский Съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Т.1. М-Л. 1930 г., с. 141.

4Там же., с.274.

5Там же., с. 279.

июне 1917 г., Ленин мог открыто сказать о другой, даже более значимой поддержке. Его партию большевиков уже знали и поддерживали народные массы.

Политическая борьба на Съезде советов заставляла большевиков ярко заявить о себе. Для того чтобы показать свое влияние на массы населения, большевики решили 10 июня провести демонстрацию жителей Петрограда. Однако, несмотря на протесты партийных масс, она была отменена. Съезд решил провести демонстрацию 18 июня, причем желая вырвать инициативу у большевиков, она должна была пройти под лозунгами поддержки Временного правительства. Как и другие партии, большевики готовились к ее проведению. Как пишет А. Рабинович, тогда 18 июня: «Район за районом, завод за заводом проходили участники манифестации, общая численность которой составила более 400 тысяч человек, причем все опубликованные источники свидетельствуют, что в море большевистских лозунгов и плакатов лишь изредка мелькали лозунги съезда»[1]. Влияние большевиков на массы было очевидным. Казалось бы, это требовало уважения, как к самой партии, так и к ее сторонникам. Однако именно этого не проявили представители правящих партий. Интересную зарисовку об одном из эпизодов демонстрации оставил большевик В. Невский. Он вспоминал: «Накануне, на митинге Путиловского завода Авксентьев, обращаясь ко мне, гордо заявил: “За нами идут массы, а за вами — кучка крикунов, потому вам и не удалась демонстрация 10-го”». И вот теперь, «отвечая на приветствие проходящих тт. солдат, я сказал ему: “Ну что, кто за нами идет?” Самоуверенный кандидат в министры изрек: “Это не народ, а отбросы Петербурга”»[2]. Вот так, ни убавит ни прибавить, вместо того, что бы понять людей, учесть их требования, попытаться пойти им навстречу, их объявляли отбросами. В этих условиях стороны вряд ли могли договориться, общество быстрыми темпами шло к конфронтации. Пик конфронтации наступит уже через две недели, когда несколько сот тысяч демонстрантов вновь выйдут на улицы столицы России. Хотя, кого-то демонстрация заставила задуматься. Интересную зарисовку оставил в биографии Молотова В. Никонов. Он писал: «В те дни начинает связка Сталин – Молотов. Сталин тогда искал жилье, а Молотов и Залуцкий как раз шиковали в трехкомнатной холостяцкой квартире на Широкой. Сначала они приютили Смилгу с женой, а потом и Сталина. Холостяцкое житье располагает к тесному общению, которое вышло за рамки чисто партийно-деловых отношений. Именно в это время Коба (так дед его с тех пор называл) предложил забыть преж-

1Рабинович А. Указ. Соч., с.117.

2Логинов В.Т. Ленин в 1917 г. М., ТД «Алгоритм», с. 191.

ние разногласия»[1]. «Прежние разногласия» - это споры вокруг «Апрельских тезисов» Ленина и тактики партии в послереволюционных условиях.

Демонстрация в Петрограде 4 июля 1917 г. описана и проанализирована во многих исторических работах, фильмах и воспоминаниях. В ее описании нет смысла. Хотелось обратить внимание на то, что она явно вышла из под контроля руководства партии, ее инициировавшей. Самого Ленина в ночь с 3 на 4 июля не было в Петрограде, он приехал только в 11 утра. Трудно после этого говорить, что Ленин готовил переворот. Важно не это. Тогда, в начале июля 1917 г., народные массы столицы шли дальше требований вождей большевиков. Они ждали похода на правительство. Мог ли с этим в тот период согласиться Ленин?

Большевики не стали лидерами переворота или восстания 3-4 июля 1917 г. Все попытки Суханова в его «Записках о революции» доказать желание большевиков взять власть в начале июля 1917 г. ограничились лишь предположениями о существовании подобного желания. Даже если большевики и предполагали взять власть, то очевидно, что они это стремились сделать в рамках законов того времени. Доказательств о призывах большевиков и лично их лидера В.И. Ленина к смене власти у оппонентов не было. Не появилось ни тогда ни позднее. Что в ответ получили большевики? А. Рабинович пишет: «В последующие дни среди прочих были арестованы и взяты под стражу Каменев, Троцкий, Луначарский, Харитонов, Хаустов, Багдатьев и Рахья. «Правда», «Солдатская правда» и «Голос правды» были закрыты (в тот момент было практически невозможно найти типографию, готовую печатать большевистские материалы). Кроме того, подверглись налетам, обыскам и погромам отдельные районные и заводские комитеты»[2]. Фактически большевиков вытеснили из легального политического пространства. На некоторое время большевики перешли на полуподпольное положение.

Июль – август 1917 г. стали периодом, когда большевики были фактически выкинуты из «большой политики» страны. Ленин использовал этот период для теоретического осмысления ситуации. Впереди была большая работа и он использовал каждую минуту для ее подготовки. К осени 1917 г. положение страны ухудшилась настолько, что новая революция становилась неизбежной. Перелом наметился в конце августа 1917 г., когда руководство армии организовало «Корниловский мятеж». Выступление генерала Корнилова стало «водоразделом» на до и после. Причем события стали развиваться с такой скоростью, что и самому Ленину было

1Никонов В. Указ. Соч., с. 53.

2Рабинович А. Указ. Соч., с. 236.

трудно успевать за возникающими изменениями. Вот как указывал В.И. Ленин в письме, направленном в Центральный комитет партии: «Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сентября. Но все же, на риск, считаю долгом написать следующее. Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий»[1]. Перед партией большевиков и перед его руководством встал вопрос выбора тактики своей деятельности. Ленин определял ее так: «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость»[2]. То есть поддержать тех, кто борется с контрреволюцией, но не поддерживает тех, кто выступает за соглашение с буржуазными партиями. Пытаясь уточнить тактику своей партии Ленин 1 – 3 сентября пишет достаточно интересную, по-своему неожиданную статью, «О компромисах», в которой Ленин довольно много и жестко говоривший о необходимости свержения Временного правительства, вдруг меняет свою позицию. Однако в этой статье он предложил поддержать его. Он считал, что поддержка кадетами Корниловского мятежа показывает всю их контрреволюционность, и новое правительство будет чисто социалистическим. Однако большевики могут поддержать правительство при определенных условиях. Он, в частности, писал: «Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок»[3]. Ленин предлагал компромисс но видимо, не очень надеялся на его осуществление. Перед отправкой статьи он написал: «Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: «Запоздалые мысли»... иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями

1Ленин В.И. П.С.С. Т.34, М. 1969 г., с.119.

2Там же., с.120.

3Там же., с. 135.

ознакомиться небезынтересно[1]». Ждать реакции тех, кому было предназначалась эта статья оказалось недолго.

Ожидаемого не произошло. На встречу Ленину и большевикам никто не вышел. Известный историк П.В. Волобуев, в одной из своих работ, указывал, что лидеры большевиков и эсеров все-таки сохранили курс на коалицию с буржуазией»[2]. Осуждая большевиков, газета меньшевиков «Рабочая газета» объясняла, что тактика большевиков непременно привела бы, в случае своего успеха, к изоляции пролетариата и к поражению его, а гражданской войне против огромного большинства населения[3]. Еще дальше пошла ведущая газета партии социалистов-революционеров (эсеров) «Дело народа», которая писала, что предложение большевиков - это желание возложить на эсеров и меньшевиков всю черновую и ответственную работу власти, себе же отводя роль контролеров[4]. Ленин ограничится ролью контролера? Те, кто писал этот текст, знали его весьма плохо. Тем более, что ситуация в стране стала интенсивно изменяться в пользу большевиков, на фоне недовольства соглашательством лидеров с буржуазией в советах.

Сентябрь 1917 г. стал периодом резкого усиления позиций большевиков. Во время ликвидации корниловщины и после началась массовая большевизация Советов в центре и на местах. 31 августа (13 сентября) Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, 5(18) сентября Московский совет рабочих депутатов приняли большевистские резолюции о власти. Большевиками было завоёвано большинство в Советах Брянска, Самары, Саратова, Царицына, Минска, Киева, Ташкента и др. За один день 1(14) сентября ВЦИК Советов получил от 126 местных Советов требование взять власть в свои руки. По указанию ЦК РСДРП (б) местные партийные организации развернули кампанию по перевыборам в Советы. Перевыборы дали возможность большевикам завоевать большинство в Советах. Во многих городах страны председателями Советов были избраны видные партийные деятели: в Москве — В. П. Ногин, Баку — С. Г. Шаумян, Самаре — В. В. Куйбышев, Челябинске — С. М. Цвиллинг, Шуе — М. В. Фрунзе[5].

1Ленин В.И. П.С.С. Т.34, М. 1969 г.,с. 139.

2Политические деятели России. 1917. М., Большая российская энциклопедия. 1993 г., с. 184.

3Там же.

4Там же.

5Большая Советская Энциклопедия. Скопировано с: https://www.rulit.me/books/bolshaya-sovetskaya-enciklopediya-ve-read-325512-62.html

Нельзя сказать, что Ленин сразу отказался от идеи компромисса с другими социалистическими партиями. Еще до середины сентября 1917 г. он пытается, по крайней мере, говорить о компромиссе. Так 3 (16) сентября, он писал в «Проекте резолюции о современном политическом моменте»: «Было бы ошибкой, если бы 3 - 4 июля большевики поставили своей задачей взятие власти, ибо большинство не только народа, но и рабочих не испытало еще тогда на деле контрреволюционной политики генералов в армии, помещиков в деревне, капиталистов в городе, политики, показавшей себя массам после 5 июля и порожденной соглашательством эсеров и меньшевиков с буржуазией. Но ни одна, ни центральная, ни местная организация нашей партии не только не выставляла ни письменно, ни устно лозунга захвата власти 3 - 4 июля, но и не ставила даже этого вопроса на обсуждение»[1]. В первой половине сентября (опубликована 16 (29) сентября) была подготовлена статья «Российская революция и гражданская война». В ней Ленин пишет: «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии еще не испытан. Или, если быть более точным, такой союз испытан только по одному фронту, только в течение пяти дней, 26 - 31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистской и кадетской контрреволюции, что гражданская война с этой стороны развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было «боя»»[2]. Владимир Ильич говорит о еще не испытанном союзе, вполне возможном, но еще не возникшем. Последним призывом Ленина к межпартийному союзу стала статья «Задачи революции», написанная еще в середине сентября, но опубликованная буквально накануне принятия большевиками решения о проведении вооруженного восстания 9 и 10 октября 1917 г. В ней Ленин пишет: «Перед демократией России, перед Советами, перед партиями эсеров и меньшевиков, открывается теперь чрезвычайно редко встречающаяся в истории революций возможность обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок без новых оттяжек, возможность обезопасить страну от военной и хозяйственной катастрофы, возможность обеспечить мирное развитие революции»[3]. Руководитель большевиков говорит о возможности мирного развития революции. Но протянутую

1Ленин В.И. П.С.С. Т. 34. М. 1969 г., с. 145

2Там же., с. 221-222.

3Там же., с.237.

руку оппоненты Ленина не пожали. Лидер большевиков понял, что он просто теряет время, особенно драгоценный ресурс именно в вихре революции. Время работало на большевиков. Ленин это отчетливо понимал и стал действовать наиболее активно.

Момент настал, и Ленин буквально закидывает своих соратников письмами с требованием приступить к активным действиям. В сентябре – начале октября 1917 г. Ленин пишет целый корпус писем и статей, в которых призывает лидеров большевиков брать власть. Его аргументы похожи на пули разящие врага. «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки. Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет»[1], - пишет Ленин в письме «Большевики должны взять власть». Убеждая своих соратников, он пишет: «Почему должны власть взять именно теперь большевики? Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими», и главное «Народ устал от колебаний меньшевиков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами»[2].

Буквально активизируя нерешительное руководство ЦК большевиков, Ленин пишет: «Победа восстания обеспечена теперь большевикам: 1) мы можем (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить внезапно и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков! 3) мы в большинстве в стране; 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем тысячи вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут сразу взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, — а агитация в армии пойдет такая, что нельзя будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.»[3]. Программа четкая, яс-

1Ленин В.И. П.С.С., т. 34. М. 1969 г., 239.

2Там же., с. 241.

3Там же., с. 281-282.

ная, с определением целей и ресурсов для их реализации. Она оказалась совершенно неожиданной для многих соратников Ленина. Многие считали, что Ленин «успокоился», готов идти на компромиссы. И вдруг такие призывы. По своему, неожиданным было то, что большевистское руководство проявило нерешительность только в отношении борьбы с другими партиями. В отношение же своего лидера значительная часть ЦК проявило завидное упорство. 15 сентября 1917 г. ЦК партии большевиков получил от Ленина два письма – «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». На заседании ЦК было решено письма сжечь, сохранив лишь по одному экземпляру, и принять меры к тому, чтобы о письмах Ленина не стало известно петербургским рабочим, Петербургскому и Московскому комитетам партии[1]. Думаю, сложно передать всю гамму эмоций человека, которого эти люди считали лидером. В литературе ходит много характеристик этой ситуации. Остановлюсь на одной, вероятно самой сдержанной. Ленин сам писал: «Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии. Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы губим революцию»[2]. Наверное, надо иметь именно «Ленинское» политическое упорство и силу, сломать все преграды, довести дело до конца и в самый важный момент, когда 10 октября 1917 г., на заседании ЦК РСДРП (б), принимается, то главное решение – о проведении вооруженного восстания, все подытожить лишь небольшим выступлением: «3—5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш подъем идет гигантскими шагами. Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций. Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти. Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян»[3]. Дальше слов не нужно. Дальше была работа. Большевики приступили к решению давно назревших проблем. Ленин сам начинал писать историю страны.

Хотя в партии большевиков споры о проведении вооруженного восстания продолжались, но их решение было уже принято. Интересно, что к концу октября 1917 г. «прозрели» и многие представители других партий. Так, интересную ситуа-

1Политические деятели России. 1917. М., Большая российская энциклопедия. 1993 г., с. 184.

2Ленин В.И. Указ. соч., с. 283.

3Ленин В.И. П.С.С., т. 34. М. 1969 г., с. 391-392

цию описывает в своих мемуарах меньшевик Ф. Дан. Он вспоминал, что 24 октября 1917 г. (в первый день восстания большевиков) вместе Гоцем и Авксентьевым они приехали в Зимний дворец и попытались предложить Керенскому, для приостановки восстания отпечатать и расклеить по всему городу от имени Временного Правительства афиши, в которых указывалось, что: «Временное правительство 1) обратилось к союзным державам с требованием немедленно предложить всем воюющим странам приостановить военные действия и начать переговоры о всеобщем мире; 2) распорядиться по телеграфу о передаче всех помещичьих земель, впредь до решения аграрного вопроса, в ведение местных земельных комитетов; 3) решило ускорить созыв Учредительного собрания, назначив его – не помню уже на какую дату»[1]. Как актуально! В самый разгар большевистского восстания, накануне Второго Съезда Советов предлагать большевистские лозунги. Прозрели не только они. 20 октября 1917 г. военный министр Временного правительства А.И. Верховский, выступая в Предпарламенте заявил: «Большевизм продолжает разлагать наши боевые силы... если до сих пор большевики не выступили для захвата власти, то только потому, что представители фронта пригрозили им усмирением... Но кто поручится, что через пять дней эта угроз сохранит свою силу и большевики не выступят. Нельзя забывать и того, что мирная пропаганда усиленно поддерживается Германией, и министру достоверно известно, что две выходящие здесь газеты получают средства от неприятеля.

Единственная возможность бороться со всеми этими тлетворными и разлагающими явлениями - это вырвать у них почву из-под ног, другими словами, самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира ... Так как самое заключение мира потребует значительного времени на переговоры, то этому времени можно рассчитывать на воссоздание боевой мощи армии, что, в свою очередь благоприятно отразится на самих условиях мира...»[2]. Отметим не Ленин или какой-либо большевик, а министр Временного правительства заявил о необходимости мира. Только почему-то он это заявление делает за четыре дня до восстания большевиков.

Сегодня, по прошествии более чем 100 лет после Октябрьской революции многие с большой легкостью обвиняют Ленина во всех проблемах столетия. Задним числом можно утверждать, что угодно. Однако тогда, в момент главных собы-

1Октябрьская революция. Мемуары. М. Орбита. 1991 г., с.128.

2История России. 1917 - 1940. Хрестоматия / Сост. В.А. Мазур и др.; под редакцией М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1993. Скопировано с: http://his95.narod.ru/doc15/d30.htm

тий, когда надо было действовать, решительности, прозорливости, интуиции для того, чтобы прийти к власти и начать решать давно назревшие проблемы, хватило только у партии большевиков во главе с Владимиром Ильичем Лениным.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Виктор АРСЛАНОВ

Памяти Льва Константиновича Науменко

Ушел из жизни Лев Константинович Науменко. Ушел сам. Ушел вскоре после 1991 года, потому что не принял облом жизни. Время от времени он возвращался, чтобы с присущим ему пафосом сказать, что думает о произошедшем. Он был ярким, крупным, красивым человеком, щедро одаренным разнообразными талантами. Главный его талант – искусство мышления, культура мышления. Нередко такие таланты втаптывались в грязь – природа, увы, расточительна. Но она же и экономна. Наряду с законом сохранения энергии есть и закон сохранения мысли, писал Мих. Лифшиц, о встрече с которым Лев Константинович рассказал в одном из последних и лучших своих текстов. Значит, он вернется. Он будет возвращаться всякий раз, когда в голове какого-нибудь человека нового поколения зародится мысль и он начнет шлифовать и обрабатывать ее, как алмаз. Это не метафора или не только метафора, потому что и сам Лев Константинович – не что иное, как проснувшаяся в его голове мысль Спинозы и Маркса, и он ее, общую мысль человечества, взращивал и лелеял, давал этому прекрасному и редкому растению свободу цвести и плодоносить в своем саду. Сад же этот плодоносит, когда он – для всех, – превращенный в частную собственность, сад свободной мысли засыхает и умирает. Вот о чем не уставал напоминать Лев Константинович: мысль – моя собственность, когда она – наша, а не моя.

Жаль, что нельзя теперь будет позвонить Вам, поговорить и посмеяться, как смеялись мы совсем недавно, 9 мая. Смеялись с горьким чувством: хорошо, что в этот раз, благодаря выдумкам и причудам матушки-природы, праздник победы – без помпы, без лицемерия тех, кто пытается превратить его в свою частную собственность, приватизировав победу народа. Победу народа, как и настоящую мысль, которая всегда тоже – победа народа, приватизировать нельзя, а если случается такое, значит, логика самих вещей преподает нам всем урок, учит нас, конечных созданий, склонных к заблуждениям.

Этот мир устроен так, что задача будет возвращаться до тех пор, пока не будет решена, писал Маркс. Таков закон природы. Когда новое поколение всерьез примется за решение задач, не решив которых человечество просто исчезнет, Лев Константинович, Вы вернетесь снова. Скажите, кто, какая сила, какие политтехнологи, танки и ракеты могут помешать Вашему возвращению? Нет таких сил.

Он был азартным, даже – яростным человеком, прекрасным оратором, его выступления захватывали слушателей своей энергией – чувства и мысли. И он был искренним, хорошим, гуманным и мужественным человеком, чувствующим фальшь и немедленно реагирующим на нее со всем присущим ему сарказмом.

Однажды, придя к Михаилу Александровичу, застал его читающим книгу. «Посоветовали почитать друзья», – сказал он, имея в виду, вероятно, Эвальда Васильевича Ильенкова. «Хорошая книга», – заключил М. А. Не помню, чтобы он сказал такие слова о каком-нибудь современном ему советском философе. Это была книга Льва Константиновича Науменко «Монизм как принцип диалектической логики».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА

Константин ЩЕРБАКОВ

Фенечки

(Очень человеческая комедия)

Может, не такое и трагическое наше время, коль скоро оно такое анекдотическое? Всю свою жизнь «шестидесятника» Константин Щербаков был серьезным человеком. Всю жизнь писал о высоком: о литературе, театре, кино. Но то ли затмение на него нашло, то ли озарение, но прожитое и пережитое вдруг обернулось неожиданной — смехотворной стороной, «фенечками».

«Житьё-бытьё» — произведение редкого жанра. Это сериал невыдуманных комедий положений. Если весь мир — кинотеатр, а люди в нем актеры, то надо признать, что кастинг в этом сериале первоклассный. Актеры, режиссеры, писатели, журналисты — все самой первой величины… Высшие администраторы отечественной политической сцены — секретари, министры, дипломаты, генералы… Словом, звездный состав. Съемки памяти явно производились скрытой камерой. Все роли исключительно пикантные, смешные и очень смешные.

А как ловко автор и постановщик сериала умеет подбирать жизненные декорации! Вот самая первая — дом кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК, МК Александра Щербакова, в который он проник в облике маленького барчука — среднего сына. Баловнем советской судьбы он выглядел, как минимум, до 10 мая 1945 года, когда на следующий день после Дня победы и седьмого по счету дня рождения сына, Александр Щербаков скончался. Полвека спустя выяснилось, что невинный младенческий облик — только маска, из-под которой автор «Житья-Бытья» наблюдал такое!.. Впрочем, сейчас об этом уже можно рассказать. Он и рассказывает с лукавой усмешкой. В порядке критики вынужден сказать, что одного эпизода в книге я не нашел — ни тогда, когда мы ее печатали из номера в номер в еженедельнике «Новое время», ни сейчас. Это очень веселый эпизод, как Костя Щербаков стал дважды редактором отдела литературы и искусств «Комсомольской правды», самой дерзкой и легкомысленной газеты советского времени. Такое не

могло произойти без вмешательства высшего разума, он же высшая Инстанция, то есть секретариат ЦК КПСС. И действительно…

Для того чтобы стать дважды редактором, нужно для начала быть однажды снятым с этого поста. Косте удалось этого добиться — весьма достойным образом. В советском театре существовал очень смешной обычай, он назывался цензура: считалось, что без визы множества начальников никакая премьера не может быть совершенной и вообще не может быть. Два именитых публициста Лен Карпинский и Федор Бурлацкий усомнились в этом, а Костя напечатал их статью. Вот тогда-то высший разум и вскипел. Чувством юмора высший разум не отличался, все уходило на чувство самосохранения.

Еще одна комедия положений, которую наблюдал и живописал автор «фенечек» — военное положение в Польше. Это была последняя конвульсия угасающего режима. Знал ли об этом наш наблюдатель нравов? Вряд ли. Но судя по тому, как и какие откладывались в его память сцены и скетчи, присутствия духа и несокрушимого нравственного здоровья он не терял даже в присутствии танков.

Поразительное свойство у этого добронамеренного и тонкого человека. Со всех сторон доносятся плач и стоны: мол, в интересное время живем, не приведи Господи… А он подковырнет время, и вместо драматической истории сыплются истории вполне анекдотические. Так, может быть, действительно, не такое и трагическое оно, наше время, коль скоро оно такое анекдотическое?

Не могу не отметить одной особенности. За последние несколько десятилетий автор «Фенечек» в обличье серьезного критика побывал на всех премьерах, притом далеко не только столичных. Кто-то собирает монеты, марки или напитки, а он коллекционирует спектакли высшего общественного градуса и пробы. (Впрочем бутылки он не забывает тоже — с тем же неизменным вкусом.)

По Щербакову, жизнь — это когда очень смешно. Когда серьезно — это уже театр. Но может быть, все и не так просто. На самом деле, мне кажется, он не очень-то и разделяет эти две площадки. Жизненное пространство искусства разомкнуто. Занавеса в театре Щербакова нет. То, что он пишет сегодня о театре, не столько рецензии, сколько маленькие театральные романы, в которых зрители, герои, творцы — все действующие лица. То есть это опять же «фенечки».

Наверное, стоит перечислить и другие рабочие ипостаси нашего автора. Главный редактор «Искусства кино». Первый заместитель министра культуры. Заместитель председателя Конфедерации союзов кинематографистов… Речь не

об административных доспехах, а о жизненном опыте. Так легче представить круг общения Константина Щербакова и ракурсы съемок его памяти.

Александр Пумпянский.

БОРИС ГОДУНОВ И ДРУГИЕ

В пьесе Михаила Шатрова «Большевики» один из персонажей уважительно произносил: «Если Ильич рвал политически, он рвал и лично». То есть политика выше дружбы. Выше морали, милосердия, человечности. Выше совести - если продолжить естественный логический ряд.

«В обращении от 13 декабря (13 декабря 1981 года - день введения военного положения в Польше - К.Щ.) моя просьба о том, чтобы не пролилась кровь, прозвучала как мольба, даже молитва. Когда это случилось, я чувствовал, как будто получил обухом по голове. И я считаю это великим моральным грузом, который висит на мне и на тогдашней власти.» Так писал незадолго до кончины генерал Войцех Ярузельский. А вот что говорила в своём интервью дочь Ярузельского Моника: «Спустя годы я узнала от Метека Раковского, которого очень любила (Мечеслав Раковский - в ту пору один из ближайших соратников Ярузельского - К.Щ.), что отец тогда вызвал его к себе и сказал, что как только войдут русские, пустит себе пулю в люб».

Я работал тогда в Польше, своими глазами видел, как всё было. Слушал сообщения о трагедии на шахте «Вуек», где из-за неопытности командира отряда правительственных войск, в столкновении с ним погибли шахтёры (шестеро или семеро, информация была разной).

И я Ярузельскому - верю. Как уверен в том, что не введи он военного положения и допусти вступление наших войск, крови было бы страшно, неохватно больше.

И вот времена более поздние. До сих пор в ушах бесстрастный голос нашего Президента с телеэкрана: «Она утонула» (помните, это о гибели подлодки «Курск»). Что скрывалось за этим бесстрастием? Можно только догадываться.

Политика и совесть. Совесть политика. Субстанции на сегодня особенно взрывоопасные. Наверное, здесь новый Пушкин нужен - с новым Борисом Годуновым. Или Толстой Алексей Константинович - с царём Фёдором.

***

Один мой добрый знакомый много лет занимал высокие должности в официальных государственных СМИ (с хорошей зарплатой), а тут вот наладился на митинги протеста ходить и даже стал называть себя оппозиционером. Люди меняются, мироощущения - дело нормальное. Но госдолжность (с хорошей зарплатой) знакомый мой при этом за собой сохранил. Как-то у него это складывалось, не вызывая душевных противоречий.

Никита Сергеевич Хрущёв на двадцатом съезде КПСС разоблачил культ личности и начал выпускать из лагерей несправедливо осуждённых - благодарность за это ему венчая. Но как-то обошёл молчанием то обстоятельство, что в организации массовых репрессий сыграл мягко говоря, не последнюю роль. И, похоже, у него это тоже не вызывало душевных противоречий.

Как тут получается - с моралью?

***

Брат первого секретаря МГК ВКП(б) Георгия Михайловича Попова Дмитрий иногда на даче под хорошую выпивку устраивал театр одного актёра. Приняв еврейский, как ему казалось облик, рассказывал бородатые анекдоты.

- Умирает старый еврей… - начинал брат секретаря МГК, безбожно коверкая слова. Представление это предназначалось взрослым и детям. Дети смеялись - вслед за взрослыми.

Хамски фальшивую имитацию еврейского акцента - не переношу. Идиосинкразия.

Спустя годы Дмитрий Михайлович работал завлитом в театре Сатиры, в ту пору одном из лучших. Насколько мне известно, никаких представлений он там не устраивал. А ещё спустя годы, встретил я одного из выросших детей, зрителей давних представлений. Узнав, что я работаю в «Московском комсомольце», он сказал: «Хорошая газета. Но евреев у вас много».

- А ты где? - задал я вопрос в свою очередь.

– Я - при издательстве «Молодая гвардия». Уполномоченный главлита (цензор - К.Щ.). Такие сюжеты организовывала многообразная наша повседневность. Сериал с продолжением.

–

***

Помнится, на каком-то юбилее ли, съезде дряхлый К.Е. Ворошилов пустил слезу на плече у Н.С. Хрущёва, благодаря его за всё, за всё… Полагаю, за то, в первую очередь, что остался при должностях, а не разделил судьбу Молотова, Кагановича, Маленкова.

Могу представить себе Семёна Будённого геройским красным конником гражданской войны. А вот К.Е. Ворошилова - не могу.

***

У секретаря по идеологии Михаила Андреевич Суслова была одна странная особенность: пиджаки и пальто он застёгивал на левую, женскую сторону, что на коллективных газетных фотографиях было особенно видно.

Однажды, зайдя в кабинет к нашему главному в «Комсомолке», Юрию Петровичу Воронову, я услышал звонок «вертушки», и из трубки цвета благородной слоновой кости раздался голос главного редактора «Правды» Сатюкова: «Юр Петров! (так он по-свойски именовал Воронова, выражая симпатию - К.Щ.) зови ретушёра, Юр Петров! Суслова перестёгивать будем!» Видимо такое решение было принято на Политбюро.

***

Легендарность того или иного персонажа может быть обусловлена обстоятельствами самыми разными - и аукнуться может непредсказуемо.

К примеру, рядовой советский гражданин, которого судьба от соприкосновения с легендами долгое время уберегала, однажды застал свою жену, убеждённую партийную журналистку… ну, в общем, застал. Причём в такой конфигурации, что оправдываться ей было затруднительно. Она и не стала оправдываться, не сочла нужным, а просто по партийному объяснила бестолковому супругу: «Посмотри, как он похож на молодого Ленина. Разве я могла ему отказать?»

Как протекало это своеобычное единоборство рядового советского гражданина с некстати материализовавшимся символом и чем оно завершилось?

Право, не знаю.

***

Однажды товарищ студенческих лет объявил - в застолье, но почему-то шёпотом, - что вступает в партию, но делает это для того, чтобы разваливать её изнутри. И засмущался, будучи высмеян. А ведь, если вдуматься, в своём намерении, которое могло возникнуть только под хорошим градусом… он ведь в этом намерении - ну да, преуспел. Вместе, однако, с большинством из нас, «партийцев» последних призывов. Радикальных поползновений, разумеется, и в подсознании не было. Однако что было, так это понимание членства в КПСС как нормального, будничного условия карьерного, профессионального роста. Не более того.

Здесь наверное и не цинизм даже, а просто осознание действующих правил игры. До тех пор действующих, пока игра не изменится.

Иначе почему КПСС развалилась, так как она развалилась?

***

В мои школьные годы назначенные на майскую демонстрацию трудящиеся собирались у своих райкомов партии, а потом, соблюдая строгую очередность, двигались колоннами в направлении Красной площади, где на трибуне Мавзолея разместились вожди. А по пути следования наскоро сооружались свои районные минитрибуны, на которых стояли свои районные минивожди. Никто из демонстрантов, их, понятно, не знал, а чтобы как-то легитимизировать ситуацию, возле минитрибуны суетился кто-то из организаторов шествия и, указывая на стоявшего на ней человека, выкрикивал: «А это - товарищ Куроптев! Поприветствуем товарища Куроптева!» И народ приветствовал товарища Куроптева, а товарищ Куроптев старательно, на манер настоящих вождей, размахивая правой рукой, отвечал народу взаимностью.

Самое смешное - это когда человек не понимает, что он смешон.

Но могу сказать с уверенностью, что у стоявшего на карикатурной минитрибуне карикатурного минивождя виллы на гавайских островах в личной собственности не было. Даже мини. Как, впрочем, и у вождей с Красной площади.

От всего этого мы ушли.

А к чему пришли?

***

В шестидесятые, в годы относительной (весьма) свободы слова, критические материалы выходили на газетную полосу всё равно с огромным трудом. Но уж если выходили, то не могли остаться без серьёзных последствий. Для персонажей критического выступления. Или для газеты. Или для тех и других, как в случае с публикацией статьи Аркадия Сахнина о безобразиях, которые творил капитан-директор китобойной флотилии «Слава», когда от должностей были освобождены и он, и главный редактор «Комсомолки» Юрий Воронов.

Нынче тексты, убедительно доказывающие, что имущество и образ жизни того или другого крупного чиновника значительно превышают его официальные финансовые возможности - обычное дело. Подробные описания поместий, в России, за рубежом - пожалуйста.

И что?

А ничего. Проехали. Мало ли что там напишут. Не иск же подавать о защите чести и достоинства. Вдруг окажется, что с достоинством и честью - проблемы.

***

Егор Глумов из пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты», прохиндей, не лишённый остроты взгляда, так характеризовал в своём дневнике знакомых из высшего круга.

Крутицкого, «очень важного господина», пишущего трактат «О вреде реформ вообще»: «…как ты ухитрился, дожив до шестидесятилетнего возраста, сохранить во всей неприкосновенности ум шестилетнего ребёнка?»

Городулина, «важного господина»: «…в каком-то глупом споре о рысистых лошадях одним господином назван был либералом. Он так этому названию обрадовался, что три дня по Москве ездил и всем рассказывал, что он либерал. Так и теперь числится.»

Утомившись от наблюдения за нашими шумными и бессмысленными общественно-политическими баталиями, которые от Крутицкого с Городулиным ушли недалеко, иногда прямо-таки воззвать хочется: «Хватит! Переливать из пустого порожнее - хватит!»

Дождёмся ведь - мало не покажется. А Островский со Щедриным - покажутся - безнадёжными идеалистами.

***

Мгновенная вспышка памяти детства: столовая у нас на даче, незнакомый мужчина в полковничьей форме. Входит отец и, протягивая руку, представляется: «Генерал-полковник Щербаков.» «Полковник Чупиков», - отзывается мужчина, пожимая руку отца. Дальше кто-то из домашних торопливо забирает меня, пятилетнего, попавшего в столовую случайно и не кстати.

Оказалось, что Чупиков - командир гвардейского авиационного полка, куда после ускоренного окончания авиашколы был зачислен лётчиком истребителем мой старший брат, младший лейтенант Александр Щербаков. Узнав, что полковник на несколько дней вызван в Москву по делам службы, отец пригласил его домой, чтобы в неофициальной обстановке по-товарищески попросить: честь семьи требует, чтобы младший лейтенант Щербаков служил как все. Не знал никаких поблажек и исключений, а то ведь жизнь есть жизнь, и бывает всякое. Так гласит семейная легенда, и возникла она не на пустом месте. Определённо знаю, что гвардии полковник просьбу заместителя Министра обороны выполнил.

***

Дети Сталина, дети Микояна, сын Хрущёва, мой старший брат - все они в годы Великой Отечественной воевали не штабными порученцами, а по-настоящему. И не все дожили до Победы. Говоря о политике, морали и совести, этот штрих тоже со счетов не сбросишь.

***

То заседание секретариата Союза кинематографистов СССР происходило в Киеве, глубокой осенью 1991 года. После официоза и дружеских посиделок гуляли по неосвещённому городу, улицы и прилавки магазинов были непривычно пустые. Но перед отъездом кто-то из ребят протянул мне пакет: «Это тебе от Коли Мащенко. Он хворает. Просил передать». В пакете оказались «Горилка с перцем» и основательный шмат домашнего сала, которые, учитывая антиалкогольные дебри и глубокий продовольственный кризис, тогда же оказались быстро использованы по назначению благодарными москвичами.

Очень быстро, ещё до того, как мы узнали, что горилку и сало я привёз уже из другой почти страны.

Через несколько месяцев, заглянув в российское Министерство культуры (я уже там работал), первый секретарь Союза кинематографистов независимой

Украины Миша Беликов обронил вдруг с горечью: «Что же мы тогда наделали…» На том памятном секретариате ничего мы такого не наделали, но у него это всё как-то соединилось, сошлось.

А пакет от сердечного друга Коли Мащенко, ныне покойного автора великого фильма «Комиссары», остался одним из светлых жизненных воспоминаний.

И Миша Беликов ушёл, светлый человек.

Что же мы наделали…

Мы… А кто же ещё?

***

За годом – год, за вехой – веха.
За полосою – полоса.
Не лёгок путь.
Но ветер века –
Он в наши дует паруса.

Александр Твардовский «За далью – даль», 1960 год

С горечью читаю не сбывшиеся пророчества, выстраданные сердцем, талантом, совестью гражданина России Александра Твардовского.

Не возьму на себя смелость разбираться, как и почему всё перепуталось – годы и ветры, вехи и паруса. Твёрдо могу сказать одно: век, обманувший своего великого поэта, так с этим клеймом и останется. Незавидна историческая участь эпохи: быть мельче своих поэтов.

На этом надо поставить точку. До времени…

ГРЕНАДА, ГРЕНАДА, ГРЕНАДА МОЯ…

«Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
"Гренада, Гренада,
Гренада моя"?
Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
- Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь -

Гренадская волость
В Испании есть!
Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные,
Прощайте, друзья -
"Гренада, Гренада,
Гренада моя!"»

Михаил Светлов «Гренада», 1926г.

***

«Наши мёртвые стали частицей испанской земли, а испанская земля никогда не умрёт. Каждую зиму она кажется мёртвой, и каждую весну она вновь оживает. Наши мёртвые в ней всегда будут живы. Как земля никогда не умрёт, так и тот, кто был однажды свободен, никогда не вернётся к рабству. Крестьяне, которые пашут землю, где лежат наши мёртвые, знают, во имя чего они пали.»

Эрнест Хемингуэй «Американцам, павшим за Испанию», 1939г.

В адрес Светлова сегодня приходилось слышать упрёки радикального свойства – в том смысле, что со своими делами разбираться надо было, а не на мировую революцию посягать. Хемингуэя по означенному поводу не тревожили, хотя он ещё и роман написал – «По ком звонит колокол» (к которому, правда, были другие претензии, он долго не выходил в СССР.)

Так вот, из романа «По ком звонит колокол»: «…ты дрался за всех обездоленных мира, против всех угнетателей, за всё, во что ты веришь, и за новый мир, который раскрыли перед тобой.» Это мысли главного героя книги, Роберта Джордана, американца, погибшего в гражданской войне за свободу испанской республики.

И светловский мечтатель-хохол погиб за свободу Испании. Пусть где-то под Харьковом, на нашей далёкой гражданской, но за свободу Испании.

Но речь сейчас не о том, чтобы раз и навсегда определить, надо ли было украинцу, русскому, американцу жертвовать своими жизнями, «чтоб землю в

Гренаде крестьянам отдать», в Гренаде ли, в какой ли другой точке земли. А о том речь, как говорил ещё Костя Треплев, что человек пишет «…потому что это свободно льётся из его души.»

Светлов услышал свою Гренаду в 1926 году. Десять лет спустя её услышал Хемингуэй на гражданской войне в испанской республике. Откуда берутся такие нежданные переклички?

Да оттуда наверное, и берутся, что мечта о всеобщей солидарности свободных людей не исчерпала себя. Она всё ещё с нами, несмотря на множество трагических неудач в попытках её воплощения.

***

Вот и Маяковский туда же:

«Это чтобы в мире без Россий, без Латвий жить единым человечьим общежитием».

2020-й год, Россия, Латвия, Украина, Испания, Америка… такое вот человечье общежитие – Кафка отдыхает.

Так что же, как говорил народный герой в легендарном фильме: «Наплевать и забыть»? В свете исторического опыта. Но был в легендарном фильме и такой диалог (воспроизвожу по памяти):

Мужик. Василий Иванович, ты за большевиков или за коммунистов?

Чапаев. Я за интернационал.

Что означает каждое из трёх вышеприведенных мудреных слов, геройский комдив понятия не имел, так, сгоряча ляпнул. Сгоряча ляпнул, а как точно попал. Сами авторы фильма 1934 года и догадываться не могли, до какой степени точно.

Как же это так… Сходилось, расходилось, запутывалось…

Гренада, Гренада, Гренада… моя.

***

Любая дата, связанная с войной, это, конечно же, «Тёмная ночь» по телевизору. Поют хорошие артисты – и не очень. Да нет, иногда и великие артисты поют. Но мне всякий раз хочется закрыть глаза и представить себе Марка Бернеса из «Двух бойцов» и его глаза, которые в мгновения «Тёмной ночи» видят что-то такое, чего не видим мы.

Представить – не получается. Мешают голоса – великолепные, хорошие, и не очень. Но для «Тёмной ночи» нужен голос Бернеса. По мне, так только его.

Соображение мистическое: этот голос и эти глаза были дарованы артисту судьбою специально для «Тёмной ночи». Как нынче говорят – адресно. Дар щедрый, его ещё и на «Журавлей» хватило. Остальное – рядом, пусть хорошее, талантливое.

Мало кому из артистов отваливает судьба такие дары.

***

Рассказ Бориса Лавренёва «Сорок первый» (1924 год) - произведение выдающееся, из тех немногих, что свободно движутся во времени, сами по себе, независимо от общественных катаклизмов и перемен укладов. И в театрах – которое уж десятилетие возникают всё новые версии «Сорок первого». Фильмы Якова Протазанова (1927 год) и Григория Чухрая (1956 год). Фильмы, которые надолго останутся.

Столкновение чувства и долга – тема извечная. В драматургических текстах часто, так или иначе, скрыто, открыто ли содержится обещание исхода. Выбор сделан, пусть трагический выбор (в пользу долга, скорее всего). И значит, возможно, просветление. Пусть не сейчас, пусть мучительное, но просветление.

И вот в годы, когда множество людей были захвачены идеей великой революции, которой подчинено всё, писатель, вглядываясь в отношения между красноармейкой Марюткой и поручиком Говорухо-Отроком, открывает нам безысходность сути, которая в том, что происходит взаимоуничтожение безоглядной любви и революционного долга. И если кто-то и уцелеет в этом противоборстве, то ему (ей) жить – с этим, а это уже не жизнь. Что-то похожее, но другое. Совесть человеческую, душу человеческую опасно испытывать на разрыв. Последствия не предсказуемы.

Об этом – «Сорок первый».

И «Живи и помни» Распутина – об этом.

НАШ ТАРАНТАС, ВПЕРЁД ЛЕТИ!

По реке топор плывёт – от села Кукуево.
Ну и пусть себе плывёт, железяка ху…!

Из народного творчества

***

Как сейчас помню, проходили в школе Тургенева «Отцы и дети», Базаров, поделённый на пункты: а) любовь к народу, б) отношение к природе, в) идейные ошибки, г) отношение к женщине. А Лермонтовские строки «Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!» - трактовались как уступка цензуре, ибо на самом деле поэт имел в виду суд народный.

Знаю людей, которые поддавшись такому школьному «прохождению», утрачивали потребность читать русскую классику. Некоторые, сделав душевные усилия, возвращали потом себе Гоголя, Гончарова, Толстого. Другие – так и не возвращали.

Слава Богу, лучшие педагоги нашей, 110-й московской школы в подобные стандарты не укладывались.

Говорят, в школе нынче вводятся уроки патриотизма. Как бы не получилось – строго по учебному плану. По пунктам, «по образа̀м».

Патриотизм – предмет, регламентации не подлежащий. Что угодно доводите до абсурда – только не это.

***

На нашей огарёвской даче столовая занимала часть первого этажа. Это была большая кругообразная комната, стены которой, будучи почти целиком стеклянными, просматривались насквозь, оказывались абсолютно открытыми, а охранников в обозримом пространстве насчитывалось не более двух. При том, что шла война, и лагеря ещё никто не отменял, и ночные аресты…

Такая вот прозрачность с одновременной всеобщей охраняемой замкнутостью была, насколько могу судить, в высшем руководстве стилем всеобщим.

Как это всё сочеталось, нынче, проезжая мимо подмосковных дачных фортификаций, понять трудно. Но как-то вот сочеталось…

***

Лет сорок тому назад среди свободомыслящих журналистов ходила такая шутка: «Как бы исхитриться и помочь советской власти, обойдя её категорическое нежелание нашу помощь принять.» Шутки шутками, а ведь по существу так оно и было. Любые попытки оживления, улучшения, воспринимались как ревизионизм. Привыкали, претерпевались. А по сути – кто бы придумал абсурд абсурднее? Беккет, Мрожек? Им своего абсурда хватало.

***

В 60-е годы, когда работал в «Комсомольской правде», занесло меня по газетным делам в Норильск. Был там кружок молодых поэтов, они читали стихи друг другу, иногда выступали на публике. Кажется, никто из них не вышел за пределы своего региона, однако на культурную атмосферу города они влияли существенно. И воздух, сухой и морозный и такой чистый, что, казалось, надышаться можно вперёд на месяц.

А теперь как там дышится? И молодые поэты есть ли?

Не знаю. Вот «Норникель» - есть.

Что же мы позволяем делать? С Норильском, с собой. Со страной. Неужели уйдут от самой суровой ответственности – не стрелочники, а планомерные организаторы национальных катастроф? Ведь уходили же. Сколько их на нашей памяти уходило. Сваливали – в мерседес-тарантасах.

***

Я понимаю: мир так устроен, что и шпионы иностранные, и коррупционеры во власти, и экстремисты разного толка – всё это не выдумка. Так почему же я не верю, когда отдельных представителей вышеназванных группировок вдруг выдёргивают из их давно насиженных мест и демонстрируют широкой общественности? Тех ли выдернули, не тех ли…

И, наверное, это – не моя прихоть, а результат горького опыта десятилетий. И пока оно, это неверие существует, можно сколько угодно выдёргивать и демонстрировать, демонстрировать и выдёргивать – кто его знает, справедливо ли нет ли – ничего не изменится.

Как стояла похожее на тарантас пугало, так и будет стоять.

***

Учительница рисования у нас была старенькая-престаренькая. Когда энергия 5 «б» совсем выходила из берегов, учительница, беспомощно разводя руками, обращала к нам испуганный вопрос: «Ай, бунтовать?» И иногда добавляла печально и тихо: «Ай, саботировать?»

Бунтовать, саботировать… с каких же пор засели в её сознание эти слова? Во всяком случае, класс затихал. Самым активным бузотёрам делалось неловко от того, что вот взяли и ни с того ни с сего огорчили хорошего человека. У каждого свой способ воздействия на массы. Орать, как в наших политических телевизионных ток-шоу, по моему разумению, не надо.

***

В конце 80-х годов цензура ещё существовала, но уже дышала на ладан. Как раз тогда я был назначен главным редактором журнала «Искусство кино». И скоро понял новизну ситуации. Проблема состояла не в том, что цензоры запрещают идеологически сомнительные материалы, а в том, что не зная, как поступить, тянут время, не отвечают на телефонные звонки, срывая производственный график: без штампа главлита журнал всё ещё выйти не мог, но и за отсутствие штампа с цензора уже можно было спросить.

Надо сказать, что у меня сложились хорошие рабочие отношения с одним из цензурных начальников, что очень облегчало жизнь. Иногда он звонил и говорил: «Константин, эта статья…, сами понимаете…, но я её беру на себя». Или: «А этот текст взять на себя не могу. Буду звонить в ЦК» - и радовался, когда из ЦК приходил ответ, что можно печатать.

С ним интересно было говорить о литературе, дома он собрал хорошую библиотеку, значительную часть которой составляли запрещённые книги.

В общем выяснялось, что некоторое количество неадекватных должностей занимали вполне адекватные люди. А как иначе могла функционировать государственная машина?

Потом отменили цензуру – пугало из огорода убрали.

Потом… потом тиражи главных литературных журналов сократились раз в сто.

Вы давно держали в руках «Новый мир»?

Огородные пугала оказались не такими простыми персонажами, какими виделись в пору своего могущества.

…Но вот призрак этого могущества вновь замаячил. Нет уж, избави Бог.

***

Когда-то на каком-то писательском пленуме Леонид Сергеевич Соболев благодарил партию и правительство за то, что они дали советскому писателю все права, отняв только одно право: писать плохо. Когда продираешься через нынешние газетно-журнальные тексты, где не ступала нога редактора, которых не касалась рука корректора, вот-вот, да и призадумаешься: а может, неплохо было бы, если бы нынешние партия и правительство последовали примеру тех, кого так сердечно благодарил Леонид Сергеевич.

Сильно нужна свобода слова, когда подлежащие и сказуемое не сходятся?

***

Наш паровоз, вперёд лети!
В коммуне остановка.
Из старой революционной песни

Мой брат, академик РАН, купил себе зубную щётку новой конструкции. К ней приложена многостраничная инструкция. Сухой остаток – такой. Цитирую: «Дети и лица с ограниченными физическими, сенсорными или умственными способностями либо недостаточным соответствующим опытом и знаниями могут использовать эту зубную щётку, только если они находятся под присмотром лица, отвечающего за их безопасность, или получили инструкцию по безопасному использованию прибора и осознают его потенциальную опасность».

- Я не могу воспользоваться этим прибором, - удручённо сказал брат-академик, - опыта и знаний у меня для этого недостаточно. И ответственного за безопасность среди моих знакомых не сыщется.

Я спросил, а нельзя ли вмонтировать зубную щётку в какой-то из разрабатываемых его институтом экспериментальных проектов.

Брат ответил, что нет, нельзя: у института другой профиль. Надо бы куда-то, где требуются ограниченные умственные способности.

Мысль здравая, и таких комиссий и департаментов не счесть, но мы туда не вхожи.

Вот и лежит чудо-щётка невостребованной. Задуманная, видимо, как зубная щётка будущего.

А наш тарантас – вперёд лети! Только остановка-то где? И есть ли она, остановка…

***

Я понимаю халтурщиков. Желание работать меньше а получать больше бывает иногда непреодолимым. Но когда в разгар пандемии в продажу выбрасывают заведомо бракованные маски, которые разваливаются при первом же к ним прикосновении – это уже не халтура. Это подлость, которая ни к халтуре, ни к нормальному бытовому абсурду отношения не имеет. Подлость – и всё.

В огороде бузина, а в Киеве дядька – ещё один народный афоризм всплыл, напоминающий о бесперспективности попыток совместить несовместимое.

***

Из театрального фольклора.

Приёмный экзамен в школе-студии.

Председатель комиссии, народная артистка, немолодая и опытная, перспективного абитуриента от неперспективного отличала в первые же секунды и потому иногда позволяла себе подремать. Но вот перед комиссией предстала девочка, тоненькая, воздушная. Она стала читать лично ею смонтированную литературную композицию, и так разволновалась, расчувствовалась, что на знаменитой фразе «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях» её голос сорвался, и потекли слёзы.

- Смотря на чьих коленях, деточка, смотря на чьих, - встрепенулась председатель комиссии. – но ты поймёшь это со временем. А сейчас – хорошо… Молодец, очень хорошо!

Девочку приняли единогласно. Логика жизни выстраивает правильные сюжеты.

***

Однажды, возвращаясь домой, я обнаружил, что замурованы подвальные отверстия, через которые туда попадал воздух, а также бездомные кошки, для которых подвал – это укрытие в непогоду и холода. По требованию жильцов отверстия были размурованы. Оказалось, что акцию кошачьего геноцида организовал один из жильцов: ему не нравилось что кошки мяукают.

От явления живодёра с поехавшей крышей понятно, никто не застрахован, но вот прочёл в газете, что некая организация, причастная к коммунальным службам, вполне официально разрабатывает документ, согласно которому подвальные отверстия должны быть заделаны.

Истребители кошек, истребители норильского воздуха, истребители северных лесов, рек и озёр, истребители всего живого, что ещё осталось на нашей земле, - как же всю эту сволочь земля носит? Земля, населённая по преимуществу людьми нормальными. Или с преимущественной нормальностью что-то не так?

Ведь в самом деле – смотрите: плавающие топоры, заплутавшие огородами дядьки разного свойства, пугало, в самый раз с тарантасом схожее… И как бы не отстать от тарантаса.

Будничные заботы.

И если взять в целом – сапоги всмятку. При чём тут Норильск?

***

Время от времени фирма «Билайн», не спросив меня, подключает к моему мобильнику платные услуги, решительно мне не нужные. Заметив, что деньги с мобильника начинают исчезать подозрительно быстро, я звоню по телефону (чтобы узнать который требовались некоторые усилия), и зряшнюю услугу отключаю обратно. Такая вот игра с клиентами – постоянная: платных услуг много. На что расчет? Что я тайного телефона не знаю? Или не сразу замечу утечку средств, и какую-никакую сумму из меня удастся вытрясти? И я не один такой.

С миру по нитке – голому рубаха? Тоже народная мудрость. Ладно. Я не против благотворительности. Только ведь голые – они разные. Неприличие вышеозначенного абсурда не в том, может быть, что «Билайн» голый, это нынче не в диковинку, а в том неприличие, что он силится разжиться экипировкой не за свой счёт, а за наш. А мы… мы помаленьку подкидываем – на сапоги всмятку.

Хотя я лично испытываю некоторый дискомфорт, когда мне упорно навязывают роль содержателя организаций и лиц лёгкого поведения.

***

В антракте спектакля «Мастер и Маргарита» известная критикесса Икс произнесла задумчиво, словно отстраняясь от всего суетного, однако обращаясь при этом к собравшейся вокруг неё кучке театрально-газетных репортёров: «Чувствую дыхание Мандельштама».

На следующий день околотеатральная тусовка гудела: «Икс почувствовала дыхание Мандельштама».

Никто из гудевших не обратил внимание на то, что Икс в антракте же и покинула театр, искренне, как выяснилось, полагая, что сценою чёрной магии спектакль завершился. Впрочем, может, и они покинули, чтобы не задерживаться и приступить к формированию общественного мнения уже с вечера. Ключевое-то слово, решающее-то слово найдено!

***

Забавно, что оконфузилась именно критикесса Икс, которая сама могла бы стать булгаковским персонажем. Абсурд порождается реальностью, но в какой-то момент начинает управлять ею, преображая так, что фантасмагория формы обнажает подковёрную суть. Как по ходу того же сеанса чёрной магии, когда Воланд осыпал публику дензнаками и дорогим гардеробным барахлом, а потом всё забрал обратно, оставив её в чём мать родила и засвидетельствовав по ходу дела людскую глупость и жадность, доходящие до масштабов фантасмагорических.

Воланд с командой растворились в пространстве. А мещане российские остались, хоть и в неглиже, куда им деться? Ходят в театр и дальше – «Мастера и Маргариту» смотреть. А то и Шекспира – знай наших!

***

Начало 50-х, спектакль «Два веронца» в Вахтанговском, с остроумными стихотворными интермедиями Вольпина и Эрдмана. Разговор в антракте девушки с молодым человеком:

Она. А написал-то кто?

Он. Сейчас посмотрю *(смотрит программу)* вот тут… Ага, Шекспир. И какие-то ещё два еврея.

Она. *(хихикнув)* Ну да, Пушкинзон, Лермонтович, Гогельман…

Жаль, Воланда поблизости не было. Они бы с Булгаковым и Эрдманом такой тарантас запустили – что и Шекспир доволен остался.

***

«Ну что за тарантас, что за удивительное изобретение ума человеческого!.. это странное создание кажется издали каким-то диким порождением

фантастического мира, чем-то сродни между стрекозой и кибиткой.» (Владимир Соллогуб «Тарантас», повесть, 1845год).

Честное слово, мои сюжеты, связанные с тарантасами были уже почти дописаны, когда я проснулся вдруг среди ночи от того, что какой-то потусторонний голос шепнул мне на ухо: «Помнишь «Тарантас» Соллогуба? Вспомни.»

Вспомнил. Даже перечитал, отложив сочинительство. Ближе к финалу путешествующей в тарантасе герой повести, в отличие от меня, снова заснул, и приснилось ему, что тарантас этот обернулся сперва вроде тараканом, а потом то ли орлом, то ли индейкой, не поймёшь толком – и полетел.

«Эх, тройка! птица-тройка, кто тебя выдумал?»

Вот, значит, откуда прикатил тарантас, меняя обличия. След в след за бричкой Павла Ивановича Чичикова.

Так что поехали дальше. А можно и полететь, и не во сне – технический прогресс позволяет.

P.S.

Эх, лапти мои, лапоточки мои.
Скоро милый придёт ставить точки над «i»

Из народного фольклора.

Пришёл… милый. Режиссёр Константин Богомолов и телеведущая Ксения Собчак, как известно, праздновали свою свадьбу в катафалке, в гробу. Говорят, некоторые видели, как он летал, катафалк, обернувшись то ли тараканом, то ли индейкой. А почему нет? Летал ведь гроб у Гоголя в «Вие». Ещё как летал. Со свистом!

Понимаешь, что выдумано, пугаться нечего, а страшно. А когда не выдумано?

***

Не надо следить в истории. Если можешь – оставь след. Не можешь – сиди тихо.

***

Есть люди, которые так умеют говорить о явных несправедливостях, по отношению к ним допущенных, что слушаешь и думаешь: мало тебе вломили, надо бы ещё.

Есть люди, которые умеют так утверждать, абсолютно бесспорные истины, что соглашаться с ними нет решительно никакой возможности.

***

Где граница между реальностью и абсурдом, логикой и бессмыслицей, обыденностью и фантасмагорией? Прожитые десятилетия не дали мне ответа на этот вопрос.

В общем, исторический путь – не тротуар Невского проспекта, случаются загогулины. До меня к этому выводу пришли Николай Гаврилович Чернышевский и Борис Николаевич Ельцин.

А между тем тарантас – в пути.

И топор себе плывёт по реке. Из села Кукуево видно.

Давид ПАВЕЛЬЕВ

Кандидат в депутаты

До выхода в прямой эфир оставалось меньше пяти минут, и молоденькие девушки-гримёры второпях скользили кисточками по лицам участников теледебатов.

«Как щекотно, – подумал Роман Вольнодумский, председатель политической партии «ПАРТОС» («Партия Освобождения»).

Он с удовлетворением окинул лица своих соперников. Сколько не мажь их макияжем, сколько не клади метровый слой пудры, а выглядят они всё равно, говоря мягко, не импозантно. Что кандидат от консервативной партии Василий Любомудров со своей рыжей бородой, в которой застряли остатки борща, что коммунист Трифон Шапкин, прибывший на дебаты будто бы прямиком с картофельных полей, что лидер партии «Родное Отечество» Федотов, чьи волосы скорее поломают расчёску, чем позволят себя причесать. Дорогие костюмы либо мешковато висели, либо плотно обтягивали их пузатые фигуры.

То ли дело имидж Романа Вольнодумского! Старательно смазанные гелем волосы – плоды усердных трудов стилистов элитного салона красоты; голубой пиджак спортивного кроя подчёркивал стройный силуэт без малейших ненужных выпуклостей. На дебаты он пришёл как на вечеринку, чтобы ещё раз продемонстрировать свою молодость, энергию и свободу от политических предрассудков.

Да, никакого грима ему не требовалось.

– Господа, прошу занять свои трибуны, – жалобно заблеял ассистент режиссёра, прижимавший к груди, точно щит, клипборд со сценарием.

Перед выходом Вольнодумский ещё раз подошёл к зеркалу. На всякий случай. Это не лишнее даже для неотразимых мужчин. И как оказалось, не напрасно. Один волосок всё же возомнил себя непокорным революционером и взбунтовался против общепринятого порядка укладки.

«Прости приятель. Ты такой же, как я. Но так ты, быть может, добавишь мне один голос, – подумал политик, пригладив бунтаря к своим уложенным собратьям.

Покончив с причёской, Вольнодумский догнал соперников, которые уже следовали к трибунам. Ассистент указал ему на одну из четырёх трибун, парами поставленных друг против друга. Роман стоял рядом с Федотовым напротив коммуниста и консерватора. Ближе к камере, что, конечно же, немаловажно. Так контраст с противниками кажется ещё разительнее.

– Камера! Мотор! Начали!

Грянула торжественная музыка, и под аплодисменты зрительного зала появилась обворожительная ведущая.

– Добрый день! Мы начинаем очередной выпуск дебатов кандидатов в депутаты городской Думы! И сегодня участвуют: Роман Вольнодумский, «Партия Освобождения»...

Роман обаятельно улыбнулся в камеру, изо всех сил стараясь придать лицу наиболее дружелюбное и в то же время уверенное выражение. Первое обеспечивало симпатии беззаботных избирателей, а второе – более солидных граждан.

Представив остальных кандидатов, ведущая возвестила:

– Темой наших сегодняшних дебатов станет здравоохранение.

– Как? Разве мы не будем говорить о защите традиционной духовности? – удивился консерватор Любомудров.

– Вы что-то перепутали, Василий Васильевич. Сегодня мы говорим о медицине. Кстати, вам первому и слово. У вас тридцать секунд для вступительного слова.

Почесав затылок, Любомудров начал:

– Ситуация в области социальной инфраструктуры действительно катастрофическая. Все мы знаем, что число больниц и поликлиник в стране, и в том числе в нашем городе, стремительно сокращается. Мы должны срочно спасать наши больницы, родильные дома и санатории. Мы просто обязаны спасать наших детей – будущее нашей великой Родины. Мы должны спасать наших стариков, давших нам жизнь и воспитавших нас достойными людьми! Но экономическая ситуация и нехватка бюджета заставляет нас идти по пути радикальных реформ. Если вы изберёте меня депутатом городской думы, я внесу законопроект, чтобы все больницы и поликлиники передали в управление духовным учреждениям. Это решит две проблемы сразу: во-первых, напрочь изгонит из них бездуховность и нравственное разложение, а во-вторых государству не нужно будет их финансировать. Деньги из бюджета будут выделяться лишь духовным организациям. У нас

уже есть положительный опыт дореволюционной России, где были лазареты и богадельни. Ведь вспомним, откуда пошло это чудесное слово – «богадельня»...

– Прошу прощения, Василий Васильевич, время закончилось. Слово коммунистам. Трифон Тимофеевич, что намерены делать с больницами вы?

Речь Шапкина отличалась характерным сельским говором, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что он простой мужик из народа, тракторист или комбайнёр, чисто случайно оказавшийся в думе. Среди однопартийцев Шапкин пользовался особенным почётом за то, что знал больше всех высказываний Ленина и больше всех походил на типичного председателя колхоза 60-х годов.

– Консерваторы вновь заливаются соловьиными трелями, но что мы видим на деле? Буржуи и капиталисты в стремлении овладеть народным имуществом всё глубже внедряются в социальную инфраструктуру. А от них ничего хорошего трудящимся ждать не приходится – сплошь эксплуатация, прикрытая циничной ложью про всякие конкуренции и прочую чепуху. Как вы помните, в советское время вся медицина была бесплатной. Ещё товарищ Ленин говорил о детской болезни левизны...

– А про наших врачей он говорил, что им верить нельзя, – перебил Федотов.

– Я вас не перебивал! В нашем городе полным ходом идёт сокращение больниц и акушерских пунктов. Мы, коммунисты, не дадим капиталистам лишить граждан права на медицинскую помощь и добьёмся, чтобы она была только бесплатной!

– Благодарю вас, Трифон Тимофеевич. Теперь очередь партии «Родное Отечество».

И Федотов ринулся в бой:

– Мои оппоненты говорят правильные вещи, но главного они никогда не скажут. Все они ходят вокруг до около, уводя нас от корня проблемы. Почему в нашей великой стране возникают все эти проблемы? Почему закрывают больницы и акушерские пункты? Не потому ли, что агенты вражеских разведок, притаившиеся в недрах наших государственных учреждений, ведут подрывную деятельность против экономики нашей державы? Да, мы прекрасно знаем их имена. И мы выкинем их из думы и городской администрации как только придём к власти!

– Спасибо. И наконец слово «Партии освобождения».

Роман мысленно открыл страницу предвыборной программы партии, посвящённой теме здравоохранения. Он помнил её наизусть, ведь ещё совсем не-

давно они, выпускники престижного столичного вуза, ночами напролёт составляли её, по крупицам собирая различные блестящие, на их взгляд, мысли из программ европейских партий. Ещё раз озарив публику ослепительной улыбкой, Вольнодумский стал зачитывать программу своим ровным, хорошо поставленным баритоном:

– Дамы и господа, уважаемые избиратели! Партия освобождения предлагает программу демократических реформ, в числе которых – реформа здравоохранения. Мы хотим, чтобы медицина в России достигла уровня мировых стандартов, и наши больницы стали похожи на клиники развитых стран. И чтобы добиться этого, мы должны освободиться от догм, предрассудков и власти, которая не даёт стране развиваться, а экономике расти...

Но договорить Вольнодумский не смог.

– Ты – предатель Родины! – закричал Федотов. – Пятая колонна Запада! Агент Её Величества! Они толкают нас к новой революции, но мы не повторим ошибок столетней давности!

Вольнодумский решил не рисковать и не пытаться перекричать Федотова. Голос у того был противный, но громкий, а перспектива сорвать связки никак Романа не прельщала. Вместо этого он принял выражение интеллигентного страдания и обратился к ведущей:

– Остановите его.

Та беспомощно развела руками. А Федотов тем временем неистовствовал:

– Вам нужны великие потрясения, а нам – великая Россия! Ты – враг Отечества! Мы расстреляем тебя по законам военного времени!

– Нельзя отключить ему микрофон? – осведомился Вольнодумский.

Тут раздался звонок, возвестивший конец его тридцати секунд, и Федотов умолк.

– Нельзя ли компенсировать моё время?

– Увы, регламент изменить невозможно.

Оставшуюся часть дебатов он простоял с гордым видом оскорблённого достоинства. Своей позой он пытался сказать: «Нам затыкают рот, потому что мы правы.»

«В общем, это не так уж и плохо, – думал он. – Пусть они несут свою околесицу и ведут себя как на базаре. Толковый избиратель поймёт, кто пустозвон, а кто предлагает реальную программу.»

Дебаты подошли к концу, и кандидаты разъехались в свои предвыборные штабы. Выйдя из здания телецентра, Вольнодумский поймал такси и отправился в офис партии. Там его ждали верные соратники Федя и Ксюша.

Федя был белобрысый парень, отвечающий за агитационные листовки и плакаты, которые сам же и расклеивал. Такую важную миссию нельзя доверять кому-нибудь постороннему. Конечно, можно последовать примеру всех остальных и нанять школьников, жаждущих халтурных денег на выпивку. Но вдруг они приклеят плакаты кверху ногами, а то и вовсе подрисуют кандидату усы и напишут неприличные слова? Более того, тех же школьников могут нанять и конкуренты, и тогда они, чего доброго, присобачат их плакаты прямо поверх плакатов «ПАРТОСа», и избиратель упустит возможность лишний раз насладиться обворожительной улыбкой её лидера. Потому несколько раз в день Федя оббегал с инспекцией все заборы на участке, и если конкуренты оскверняли их агитки, то жалости он не знал.

Ксюша же была миловидной блондинкой, в чьи обязанности входило общение с журналистами, приготовление кофе председателю партии и регулярное восхищение его внешним видом. Роман догадывался, что её энтузиазм не ограничивается чисто партийной солидарностью. Но политика для него стояла превыше личной жизни. По крайней мере, лишать надежды других очаровательных соратниц и избирательниц было бы, по его мнению, негуманно и политически недальновидно.

– Ну, как? – спросил Вольнодумский, удобно устроившись в своём кресле под портретом Авраама Линкольна.

– Ты был убедителен! – воскликнул Федя. – Я бы сказал, как никогда.

– Просто умопомрачительная речь! – трепетно поддержала Ксюша, не сводя с него горящих глаз.

– Спасибо. Но всё-таки жалко, что они не дали мне высказаться. Нужно было озвучить всю программу целиком. Я заметил, людей вообще цепляет эта тема. Вот Шапкин отыграл её по полной. Я тоже где-то слышал, что у нас в округе хотят закрыть больницу.

– Не слышал, – ответил Федя. – Но могу в инете глянуть.

Он нырнул за свой стол и забарабанил по клавишам компьютера, как дождь по карнизу.

– Да, в самом деле, – сообщил он через несколько секунд. – И ещё роддом в придачу. Оптимизация здравоохранения.

– Надо было бы об этом сказать. Откуда вообще эти коммунисты вечно такие вещи знают?

– Не расстраивайся, – поспешила успокоить его Ксюша. – Нормальный человек не может столько всего держать в голове. Главное, что у нас есть чёткая программа, а у коммунистов – одна демагогия.

– И то верно, – согласился Вольнодумский. – Но всё-таки жалко. Это были последние дебаты, а выборы уже в это воскресенье.

– Всегда можно напечатать ещё один номер партийной газеты, – предложил Федя. – До дня тишины время ещё есть.

– Неплохая мысль. У нас ещё остались спонсорские деньги? Если что, сэкономим на фуршете по случаю избрания. Всегда знал, что у тебя светлая голова. Ксюша, записывай. Заголовок дадим такой: «Мы ставим диагноз чиновникам!». А в самой статье напишем: «Реформа здравоохранения с закрытием больниц и роддомов – симптом патологической тупости и жадности нынешней власти! Но «Партия освобождения» назначит им интенсивную терапию!» Ну и ещё там что-нибудь в подобном духе. Самое главное, конечно, заголовок.

– Великолепно! – воскликнул Федя. – Сейчас же отправим в типографию. Кстати, торт хочешь?

– А у кого день рождения?

– Ни у кого. Просто активисты «Державно-патриотического движения» опять хотели тебе торт на голову бросить. Но мы с ребятами из отдела пиара его отняли.

– Вот как они нас любят! Могли бы и помидорами закидать.

– Так помидоры сейчас дороже, чем торт.

– Да, точно, – вспомнил Роман, привыкший трапезничать в ресторанах, и потому редко заглядывающий в супермаркеты.

После чаепития с верными соратниками, за которым прошло внеочередное пленарное заседание и обсуждение насущных партийных вопросов (предстоящий банкет), Роман глянул на часы и возвестил:

– Ох, друзья, мне же сегодня ещё к массажисту нужно успеть.

– Да, бегите, – подхватила Ксюша. – У вас был такой тяжёлый день. Столько много говорили, наверно, щёки болят.

Оценив сочувствие и заботу однопартийцев, Вольнодумский сложил остатки торта в портфель и поспешил к выходу.

– До воскресенья, коллеги! Встретимся в День выборов!

На прощание он отвесил изящный поклон и выскочил из штаба в бушующий страстями предвыборный мир, для которого выборы, правда, были лишь поводом снять с рекламных щитов фото моделей в кружевном нижнем белье и заменить для разнообразия кирпичными физиономиями кандидатов в деловых костюмах. Председателя партии провожали взглядами умилённого восхищения.

Воскресным утром Роман Вольнодумский прямиком из солярия направился в офис партии, где царило необычное оживление.

– Мы отслеживаем данные экзит-полов*! – захлёбываясь от возбуждения, доложил Федя. – У тебя неплохие показатели!

Роман заметил, что для его соратника это было ошеломляющей неожиданностью.

– Ты уверенно опережаешь Федотова! – добавила Ксюша.

– Не сомневаюсь, что мы опередим этого грубого демагога, – браво ответил Роман, пытаясь скрыть удивление.

Будто бы прочитав его мысленный вопрос, Федя продолжил:

– Представляешь, они закупили палёную водку!

– И что?

– Как что? Они обещали всем местным алконавтам по бутылке за голос. Утром они стянулись к участкам, как антилопы после засухи. И самых первых из них сразу же повезли в больничку. Водка-то палёная! Остальные назло проголосовали за тебя.

– Да ты что? Вот умора!

– У тебя все шансы на победу! Электорат Шапкина сидит в очереди в поликлинике на соседнем участке. Проголосовать за него они по-любому не успеют. Ну а Любомудров тебе уж точно не конкурент. Так что считай, ты депутат.

Вольнодумский одарил их ободряющей улыбкой.

– Спасибо, ребята! Коли так, готовьте шампанское!

Федя и Ксюша убежали за свежими данными опросов, а председатель партии расположился в своём руководительском кресле, как подобает полководцу, созерцающему свои войска в полной боевой готовности. Его спокойная и величественная поза источала уверенность в победе, гордое осознание своего превосходства над соперниками и предвкушение скорой победы. Но таким Роман Вольнодумский был лишь снаружи, а не внутри. Он не мог разочаровать своих преданных соратников, не мог показать им своих сомнений. В их глазах он всегда должен

быть на коне, иначе какой же он председатель партии? На самом же деле он не был столь оптимистичен.

«Данные экзит-полов слишком ненадёжны, – думал он, подперев кулаком вмиг налившееся свинцом чело. – Избиратель слишком консервативен. Он слишком любит всё старое и боится всего нового и прогрессивного. Для них всё решает привычка. Я слишком молод, слишком непосредственен. Наши идеи слишком свежие, они не укладываются в их привыкшее к шаблонам сознание.»

В какой-то момент он поймал себя на мысли: «Разве это плохо, что меня не изберут депутатом? Всё равно я не смогу ничего изменить. Я продолжу критиковать власть, критиковать тех, кого в депутаты всё-таки избрали. Я не отвечаю за всю их политику. Я не имею к ней никакого отношения. И потому я ничем себя не запятнал. Сидя там, на думских трибунах, голосуя за их законы, я причастен ко всем реформам, против которых протестую сейчас. Нет, гораздо лучше сидеть здесь, протестовать и ни за что не отвечать.»

Так и прошёл этот выборный день. Федя и Ксюша прибегали к нему и рапортовали о новых победах. Рейтинг Романа всё увеличивался. Вот он догнал Любомудрова и они погнали ноздря в ноздрю.

Вольнодумский делал вид, что им овладел азарт.

– Мы покажем ему, где раки зимуют! Будет ему традиционная духовность и богадельни!

Роман изобразил удар, которым он отправил воображаемого Любомудрова в нокаут, и издал победный клич племени команчей. Но внутри него всё сжималось и холодело.

«Неужели это действительно случится?»

Он попытался успокоить себя: «Нет, это невозможно! Такого просто не может быть.»

Выиграть выборы – это означало преодолеть законы физики. Снять Луну с неба и повесить вместо люстры. Тем не менее, это было почти реальностью.

«Избиратель... слишком... косный... и... примитивный...»

Но что, если нет? При одной только мысли об этом на лбу выступал холодный пот.

«Что же я буду делать, если меня изберут?»

Часы показали девять часов. Избирательные участки закрылись. А Роман Вольнодумский сидел в кабинете и грыз наманикюренные ногти, когда его никто не видел.

Так прошло ещё несколько ночных часов. Под утро в кабинет вбежали сияющие от восторга Федя и Ксюша. Одновременно открыли рты, и Роман всё понял.

У него потемнело в глазах. Но вдруг раздался спасительный телефонный звонок.

– Роман? – услышал он вкрадчивый голос.

– Д-да... Да, слушаю.

– Поздравляю вас, Роман. Вы избраны депутатом городской думы. Ловко вы обошли этого чурбана Любомудрова, нечего сказать. Сразу видно, вы человек разумный. С вами легко найти общий язык.

Голос звенел металлом. Роман нахмурился.

– Благодарю за комплименты. Но с кем имею честь?

– Разве это так важно? Нам с вами предстоит долгое сотрудничество. Вы же прекрасно понимаете, положение в стране критическое. Экономику нужно спасать всеми силами. Ту больницу необходимо закрыть. Я знаю, что вашим предвыборным обещанием было не трогать её, и во многом из-за него вы и одолели Любомудрова. Но экономическая эффективность превыше всего. Не сомневаюсь, вы что-нибудь придумаете, чтобы выйти из положения красиво и с минимальными потерями для репутации.

Даже если он будет возражать, они всё равно сделают то, что им нужно.

– С вами приятно иметь дело, Роман. До связи!

Он опустил трубку на рычаг и уставился на горящие восхищением глаза соратников.

– Ура, друзья! – воскликнул он. – А теперь всем шампанского!

2017

ОБЗОР НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

"Курсовая работа. Воспоминания и размышления студентов-"шестидесятников". М., Согласие, 2020. 496 стр., ил.".

Владимир Хорос,

доктор исторических наук,

автор идеи книги

Шестьдесят лет назад авторы этой книги окончили факультет журналистики МГУ. Наш курс оказался интересен не только тем, что собрал много незаурядных людей, ставших впоследствии достаточно известными, но и какой-то солидарностью, сцепкой, стремлением поддерживать связь друг с другом в течение долгих лет. Встречались регулярно – то небольшими группами, то, раз в пятилетие – в широком составе, насколько сюда можно было собрать однокашников, разлетевшихся по стране и даже по заграницам. На одной из таких посиделок возникла идея (к которой оказался причастен и автор этих строк): создать совместную книгу, сборник воспоминаний и размышлений – о времени и о себе. О себе во времени, в котором мы жили и ещё продолжаем жить. Хотя многих уже нет… Такая вот «курсовая работа».

Как историк, я убеждён, что такого рода свидетельства очень важны и нужны. Ибо есть не только макро-, но и микро-история. Первая – это цифры, эпохи, структуры, социальные слои, тенденции, закономерности, обобщения. Вторая – дневники, мемуары, впечатления, эмоциональные оценки. Эти две истории сосуществуют, пересекаются. И когда это происходит, история перестаёт быть отстранённой и схематичной, приобретает живые краски, высвечивает индивидуальное на фоне общего. Без этого история была бы не слишком интересной, суховатой и мало кому нужной. Без этого не нащупать смысл происходившего и происходящего. Да и будущего тоже.

В «курсовую книгу» мои товарищи по жизни включились дружно и каждый по-своему. У кого-то больше получилось о студенческих годах, у кого-то – о личной жизни, у кого-то – о пребывании в профессии. И какие же разные профессии! – не только журналисты, но и преподаватели, учёные, театральные деятели, киношники, представители музыкального мира. Но во всех этих текстах так или иначе проступает Время – дорога, которую прошла страна. Наше поколение ещё застало войну,

сталинские годы, за которыми последовали «оттепель», застой, перестройка, наконец, постсоветская Россия. Авторы книги, как можно заметить, по-разному воспринимают эти этапы. Но это нормально, естественно – особенно сейчас, когда российское общество находится, если можно так выразиться, на цивилизационном перепутье. Главное же – получилась, в совокупности, правдивая картина Времени.

Я уверен, что не только сегодняшний читатель, но и будущий историк с интересом обратится к этой книге как к документу эпохи, кусочкам исторической мозаики, из которых складывается картина нашего отечества.

Юлиан Надеждин

Курсовая работа, 60 лет спустя

Шестидесятники на Земле и в небесах, на перепутьях истории и у себя дома

Небеса Господни в моём заглавии - не фигура речи. В астрономических атласах есть Малая планета №8142 «Zolotov». Названа так за достижения в искусствоведении и телевизионной журналистике в честь ныне здравствующего академика Андрея Андреевича Золотова.

Это никто иной, как Андрюша Золотов из моей, под счастливейшим номером «13», группы нашего курса на факультете журналистики МГУ, выпуск 1960 года.

Упаси нас, Боже, от самохвальства и славолюбия. Но, как видите, звездный час у нас с вами бывает и при жизни. И, значит, слова эти применительно к судьбам Золотова и других авторов (они же и действующие лица, и все до единого – главные) этого пятисотстраничного тома, выпущенного в свет на исходе нынешнего лета московским издательством «Согласие», вовсе не выглядят красивой метафорой. Что бы ни думали по такому поводу не жалующие никакого пафоса смышленые и упертые цифроманки – милые наши внуки и внучки.

Мы же не про расхожий попсовый смысл слова «звезда», звучащего теперь чуть ли не за каждым углом. Мы про совсем другое. Всем нам теперь хорошо за восемьдесят, и у судьбы вполне хватило времени, чтобы у любого из нас произошел в жизни счастливый случай, когда, как на заоблачной вершине горы, всеми легкими выдохнешь – библейское «Аз есьм!», а если ты из мирян – то выстраданное на опасных поворотах жизни и потому полное непоказного достоинства «Я есть!».

С чистой совестью берусь настаивать на том просто как внимательный читатель, зритель, слушатель всего того, с чем вошли они в жизнь нашего поколения.

Вице-президент Академии художеств России Андрей Золотов мог бы сказать так, выдав в эфир одну только запись серии телевизионных монологов великого дирижера Мравинского.

Крестный отец Театра на Большой Никитской Марк Розовский – написав и поставив в Рижском театре русской драмы собственную, дерзкую по замыслу и по исполнению, пьесу «История лошади» по повести Льва Николаевича Толстого «Холстомер».

Звездным часом кинодраматурга, ученика Евгения Габриловича Юрия Клепикова мог бы стать день премьерного показа любого из фильмов, снятых по его лучшим сценариям – «История Аси Клячиной», «Не болит голова у дятла», «Восхождение», «Пацаны». «Тонко чувствующее сердце» - так озаглавил вошедшее в «Курсовую работу» свое предисловие к сборнику сценариев нашего однокурсника Клепикова «Не болит голова у дятла» кинорежиссер Глеб Панфилов.

Миша Ардов до своего «Аз есьм!» дозрел, рискну предположить, еще в оттепельные времена, написав повесть-исповедь «Проводы», окончив духовную семинарию и получив свой первый приход, как раз в наших краях – в Горинском под Даниловом.

Те, кто знает его лучше, понимает, что иного и быть не могло. Верующим человеком был он со студенческих лет, его духовной наставницей стала давняя приятельница мишиной мамы, друг семьи Ардовых Анна Андреевна Ахматова. Сам отец Михаил называет свой путь к вере «внутренней эмиграцией в стране воинствующих атеистов».

Лида Графова… Тут давайте притормозим, не пожалеем времени на стоп-кадр. Моя версия: в самые потаенные глубины собственной души заглянула она вечером того дня в самом начале 90-х, когда она, корреспондент «Литературной газеты», принесла в Армянское представительство в Москве сумку с едой и лекарствами.

Там на полу в фойе старинного особняка бывшего Лазаревского института на улице Достоевского вповалку лежали раненые, больные, голодные, оборванные люди. Первые беженцы из Армении, они спасались от братоубийственной распри, полыхнувшей на границе с Азербайджаном. Им нужна была помощь, и они ее получили.

Придя в тот вечер домой, Лида сказала себе, что сама она больше не может жить по-старому и не может думать о жизни по-старому. Переполненный болью и состраданием цикл очерков Графовой в «Литературке» о «потусторонних людях» открывал острейшую общегражданскую тему межнациональных отношений в российских СМИ, и сегодня обжигающую наши души.

Первыми, кто догадался, что об этих «Аз есьм!» мы просто обязаны успеть написать одну на всех книгу, нашу самую главную в жизни курсовую работу, была троица закадычных друзей - Хорос, Сергеев и Водолазов.

В 1956 году три этих звонких тенора, наповал шутя сражавших наших самых красивых однокурсниц, под впечатлением от московских гастролей французского шансонье Ива Монтана образовали вокальное трио; их так и объявляли в студенческих концертах – «Три Монтана».

Прошло полвека, плюс еще десять лет, прежде чем не иначе как само провидение позаботилось, чтобы сохранившее кураж трио оказалось у начала нашей книги. О чем без ложной скромности и сообщают они читателям во «Вступлении» (само собой, что «на троих») к самому развернутому разделу курсовой «Живая память», а он о том, что же сами мы сегодня, на краешке судьбы, поняли о себе и друг о друге.

Автором идеи стал доктор исторических наук Владимир Хорос, редактором-консультантом – вице-президент Академии политической науки Григорий Водолазов. А самую многотрудную заботу, собирателя творческих сил – обязанности редактора-составителя с рыцарской беззаветностью принял на свои плечи председатель Исторического клуба российской прессы Союза журналистов РФ Станислав Сергеев.

Человек думающий – называть так, допустим, профессора Хороса, право же, было бы как-то неловко. Если бы сам он так прямо не сказал о себе: для меня самым важным в жизни было именно думать, что-то понять всерьез. Нетрудно догадаться, что как раз поэтому Володя в журналистике продержался всего четыре года, из престижных «Известий» ушел в аспирантуру, как годом раньше точно так же поступил друг его Водолазов.

О наших общих бедах в век мировых войн и революций горы литературы написаны. Но что-то самое важное объяснил мне об этом все же только он, Володя Хорос.

В 1999 году он в ранге профессора Института мировой экономики и международных отношений приехал в Ярославский университет с циклом лекций о цене

преобразований в России, начиная с реформ Александра II и кончая перестройкой, «шоковой терапией» 90-х.

И была августовская малая презентация «Курсовой работы» в редакции журнала «Seasonsoflife» («Сезоны жизни»).

Улучил там момент, напомнил Володе Хоросу о том его давнем ярославском визите.

Опередив все мои вопросы на вечную тему «как жизнь?», в том числе и о том, что у него на рабочем столе сейчас, он на одном дыхании выпалил: мы, дескать, свое отыграли, позади два тайма из трех, но все-таки хочется еще что-то сделать. Пишет книгу со сравнительным анализом мировых цивилизаций.

Не сказал ему в тот вечер, не успел, скажу сейчас: Бог в помощь тебе, Володя! Спасибо, что остаешься верным своему выбору и судя по теме, которую сам называешь архисложной, ты, как во студенчестве, по-прежнему хочешь что-то понять всерьез.

Водолазов самое главное о себе умудрился сообщить в нескольких абзацах на последней странице эссе «Штрихи бытия» («Три встречи на заре жизни»), где он тоже говорит о еще не изданной книге. Новый труд этого непреклонного вольнодумца, как и все предыдущие – «От Чернышевского к Плеханову», «Дано иное», «Идеалы и идолы», «Между реакцией и революцией» - судя по всему, думающего читателя тоже будут бросать то в жар, то в холод.

Потому что и она о том же, что мучает его всю жизнь. Пересказывает один из анекдотов «от Черномырдина», незабвенного премьер-министра страны в девяностые годы, одного из основателей партии «Единая Россия».

Вот приступили мы с вами, дорогие товарищи, к конверсии, переводу военного производства на мирные рельсы. На входе нашего конвейера – детали будущих кастрюль и сковородок. Конвейер движется, детали соединяются, шлифуются, поблескивая на солнце. А на выходе вместо посуды для наших хозяюшек опять получается у нас, образно говоря, автомат Калашникова.

И нынешний наш либеральный конвейер, по Водолазову, и он идет как-то косо. Ни социализм с человеческим лицом, ни либерализм с гуманистической физиономией всё никак не приживутся на нашей национальной почве. С автоматом Калашникова вместо кастрюль, как и с авторитарной партией власти, общество, по его словам, как ни пыжься, не в силах вырулить на путь, ведущий к Храму.

Вот об этом мы (академик говорит «мы», имея в виду нас, своих единомышленников) и хотели бы заблаговременно поразмышлять. Понять причины,

вследствие которых детали кастрюль и сковородок превращаются на конвейерной ленте в автоматы, гуманистические, демократические намерения – в социальные системы бесправия и насилия, а прекрасные идеалы в безобразных идолов. А понять причины и означает увидеть, как возможно изменить эту привычную для нас печальную логику преобразований.

У Водолазова вопрос к самому себе: сумеет ли он найти удовлетворяющие его самого ответы, работая над новой, еще не законченной книгой? На этот заключительный вопрос в эссе «Штрихи бытия» услышим мы от него ответ, достойный Сократа: «Не знаю!».

Еще один, третий закопёрщик «Курсовой работы», Сергеев, свои размышления об уроках жизни назвал «Наедине с памятью». Заострил эссе эпиграфом, словно гусиным перышком изящно выписанный. Вот какой разговор у него получился с этой несловоохотливой особой - собственной памятью.

« - Ты мне поможешь?

- Конечно, - с готовностью ответила она. Но тут же спросила:

- А зачем?

- Не знаю. А вдруг когда-нибудь, кому-нибудь, зачем-нибудь…».

Прочел курсовую от корки до корки, понял – это я и есть «кто-нибудь», это мне «зачем-нибудь» уже понадобились и понадобятся впредь его, Стаса, и моих однокурсников беседы со своей памятью.

На чаепитии в журнале «Seasons» я и признался нашей кают-компании в том, что для меня и сегодня мастер-класс - репортажи молодого Сергеева в «Известиях» Аджубея. Тем, кто не знает или забыл, напомним, что была у шестидесятников такая газета – с человеческим лицом.

Стас еще в молодые годы поставил в своем вдохновенном репортерстве устойчивую вертикаль, от морских глубин до небесных высот. В репортаже о полете на воздушном шаре читаем: влетели в облако, протягивает руку, чтобы ухватить клочок воздушной ваты. И дальше, сногсшибательное: «Пусто. Только чуть повлажнели пальцы».

Для меня это «пусто» и сегодня пример самого утонченного мастерства. Оно, мастерство без прикрас, и помогло репортеру ни на йоту не покривить душой в ситуации, когда красиво приврать закоренелому романтику было бы проще всего.

А вообще-то разговаривать один на один с памятью, да еще родной собственной, если по совести, занятие не такое уж беззаботное. Сам я на себе испы-

тал это, отправляя в Москву подборку эссе для курсовой «Жизнь, нечаянная радость». Почему радость нечаянная, кто нашу книгу прочтет, узнает о том без посредников. Остальных читателей просто прошу поверить автору на слово.

А какой же еще-то, подумайте-ка, она, эта радость, и может быть после инсульта и двух операций на глазах, когда врачи с самой знергичной помощью выздоравливающего, научили его сызнова ходить и говорить?

И все же крутые виражи моей судьбы – цветочки по сравнению с жизнью Анатолия Кириченко или Виктора Булгакова.

«Наш курс, - прямым текстом с порога объясняют авторы проекта, про что книга, - целиком и полностью сдал самую сложную сессию – экзамены на профессионализм, жизнестойкость и порядочность. Эта триада и есть наш курс в жизни».

Профессионализм, с порядочностью связанный напрямую - это, да-да, про всех нас. Нормальный журналист всегда первопроходец и впередсмотрящий. Это про нее, наша курсовая, про Наташу Бехтину. Это она в декабре 1990 года открыла новое радио нашей новой страны. А 19 августа следующего года, как она говорит, «пробралась» в Белый дом, чтобы записать обращение Бориса Ельцина к народу по поводу преступной ГКЧП и путча.

Первопроходцы - это и про них, асах международной журналистики Эдгаре Чепорове, Игоре Кудрине, Леонарде Косичеве.

Эдгар многие годы верой и правдой служил в АПН, заведовал его корпунктами в Англии и США, одновременно и там, и там представляя «Литературную газету», одиннадцать лет к ряду был аккредитован в ООН.

Игорь в должности корреспондента Гостелерадио с телеэкрана открывал нам после сорокалетнего правления диктатора Франко Испанию, вступившую на путь демократии.

Об этом его книги «Испанцы у себя дома» и «Мадридская фиеста», телефильмы, один из которых назывался «Дорогами Дон Кихота». Собеседниками Игоря были крестьяне, старожилы Ламанчи, родных мест воспетого Сервантесом непреклонного борца со злом, хитроумного идальго Алонсо Кехана, участники гражданской войны в Испании, летчики из ассоциации пилотов-республиканцев на их посиделках в кафе на столичной площади Кеведо, прославленный матадор Хосе Антонио Кампусано. «Все будет в порядке», - сказал он в микрофон Игорю перед выходом на арену боя быков Лас Вентас.

Леонарду довелось оказаться в самом эпицентре Карибского кризиса. Весь мир висел на волоске, когда Хрущеву и Кеннеди удалось увести Земной шар с самого края ядерной пропасти.

А в сентябре 1973 года вся страна слушала и смотрела репортажи Косичева о военном перевороте в Чили, когда хунтой Пиночета было свергнуто правительство Сальвадора Альенде.

Сделанная Леонардом запись последнего обращения Альенде к народу незадолго до его гибели во дворце Ла Монеда с автоматом в руках, подаренным ему Фиделем Кастро, прозвучит в Москве в программах радио и телевидения, войдет в золотой фонд документальных звукозаписей.

А жизнестойкость – да, это про него, Толю Кириченко.

Подростком катался с горы на лыжах, попал под поезд. Ему отрезали обе ноги. Он встал на протезы и начал жить дальше. Школу окончил с серебряной медалью. Что было дальше, наш факультетский Маресьев рассказывает в очерке «Триптих непокоренного уральца».

После университета, на радость и в помощь матушке своей вернулся в родную Пермь. В те дни на окраине города началось строительство огромного электротехнического комбината. Дирекция его проводила эксперимент. Как в первые годы Великой Отечественной войны. Цеха еще не были застеклены, а оборудование уже завозили, и рабочие героическим трудом создавали первые образцы отечественных кабелей.

Парадные реляции в Москву обещали руководству новостройки высокие награды в будущем. Директор Фарбер пригласил выпускника Московского университета Кириченко литературно оформить его личный подвиг, написать книгу о строительстве.

Анатолий согласился. Но проработал там какое-то время и увидел: станки крутятся, продукцию гонят. А каждый второй рабочий в цехах, продуваемых метелями, болеет простудой, воспалением легких, ревматизмом. И когда директор вызвал его и спросил, как подвигается дело, тот честно признался, что все это подвигает его на книгу фельетонов.

Анатолия больше нигде не печатали, дверь в профессию захлопнулась. Он выпрямил спину и ушел в школу преподавать английским, на журфаке он хорошо учился по этому предмету. Когда в школах ввели курс «Мировой художественной культуры», Кириченко, книгочей и песенная душа (он поет, играет на нескольких инструментах), решительно поменял профиль журналистского образования. Как

самой почетной наградой дорожит он званием «Учитель года» по своему любимому предмету.

«Вкус свободы» - так назвал цикл автобиографических эссе Булгаков. Они о том, чего стоила ему, инакомыслящему, она, его свобода, какой несбываемой горечью отдает ее вкус.

В 1953 году Виктора арестовали по 58-й, политической, статье и осудили на двадцать пять лет. В заполярном лагере в Инте вкалывал навалоотбойщиком в шахте. В пятьдесят шестом его реабилитировали, восстановили в МГУ. Через три года его вновь арестовали, по лагерному делу и через полгода освободили.

Журфак Булгаков окончил заочно, прошел через запрет на профессию. Знает, что такое годами писать в стол. Журналистика, поэзия, музыка спасли его душу. Он автор многочисленных научных и публицистических статей, семи сборников прозы и стихов.

В детстве пел в знаменитых хорах Локтева и Соколова, собирался поступать в консерваторию. Не сбылось. А голос сберег наш Виктор. И в этом убедились мы на августовском чаепитии. Свое приветственное слово предпочел он заменить, до кома в горле тронувшим всех, вокальным соло.

А знаете, сколько было у нас на факультете семейных пар? Восемнадцать! Кто хочет понять, что такое жизнестойкость в браке – вам к Щербакову и Знаменской, к Хоросу и Ермаковой, ну или к Чепоровым. Браки их стоят, как уланы под Бородином.

Повнимательней вчитайтесь в проникновенный и поучительный диалог Инги и Эдгара Чепоровых. Когда они говорят, что за всю жизнь ни разу не поссорились, им не верят. Но это так.

Эдгара судьба помотала-таки по свету, Инга все это время с небольшими перерывами стоически сопровождала супруга в его растянувшихся на целую жизнь зарубежных командировках. Вдали от дома и она не сидела сложа руки. С двумя детьми на руках (у них дочь и сын) работала секретарем корпунктов, написала киносценарий «Печаль и нежность» - когда успела, даже Эдгар удивляется.

Какой бывает любовь с первого взгляда, им объяснять не нужно. Оба попали под ее, как говорит Эдгар, «благотворные жернова». Благотворные, потому что прожили жизнь без взаимных претензий и упреков. В две тысячи девятом году они венчались, и кто теперь посмеет усомниться, что такие браки свершаются на небесах?

Вот строки из эссе Инги «Оранжевое детство»: «Я не раз думала о том, что Господь, не наделив меня каким-то талантом, из милосердия просто даровал мне счастливую жизнь». Жила, признается, с верой, что цепь событий, происходивших с ней, это не случайности, что они предопределены свыше». «Инга относится к браку как к миссии, - вторит ей Эдгар, - которую выполняет перед Богом».

Так мы про жизнестойкость. Как выглядит она в сфере изящных искусств, в двух своих монологах рассказывает Марик Розовский. Второе, с его творческим кредо, он, как на духу, выдал перед открытием одного из последних сезонов своего знаменитого театра.

Закрытие его студенческой студии «Наш дом» за «антисоветчину» сделали Марика, по его словам, на всю оставшуюся жизнь «стойким оловянным солдатиком». Спину не согнул, дал себе слово – не уступить и не сгинуть, сделать то, чего его лишили – засучив рукава, построить новый «Наш дом», такой же острый и живой. И он выполнил это обещание, данное самому себе – основал Театр на Большой Никитской.

Вспомнил и «Дело о коневодстве». Эта его книга про то, как у него отобрали право на выпуск почти готового спектакля «История лошади» в ленинградском БДТ. «Неблаговидный поступок» - так, не взирая на лица, расценил Розовский такое решение «великого Гоги», Георгия Александровича Товстоногова. Поделился с нами откровенными раздумьями об этике, а вернее о ее позорном отсутствии в советском театре даже там, на тех его заповедных высотах, где ожидать чего-то подобного тем, кто любит театр, и в голову не приходило.

Слова Марика о современном театре тоже полны суровой горечи. Человечности стало меньше, вражды больше, кровопролития продолжаются, вранье вокруг растет, насилие оправдывается пропагандой.

В таких условиях театр уходит на задний план. Политикам не до него, олигархам он не нужен. А кому он нужен? – с таким беспощадным вопросом к самому себе и открывал Розовский тот новый сезон своего театра.

В афишах там 47 названий, скоро будет пятьдесят. Все ответы – там, в спектаклях. Искать их будем вместе с ним за его стенами, в самой жизни.

Так что, когда дело в принципе, сердитыми бывают и романтики-шестидесятники. А вообще-то президент факультета журналистики Ясен Николаевич Засурский недаром же называет наш курс не только талантливым и творческим, но и веселым. Господин президент знает, что говорит.

«Шутить будем», - оправдывая его похвалу, обещает Костя Щербаков в своей вводной к подборке баек - «фенечек на серьезный лад», выдержанных в эксклюзивном жанре, изобретенном им самим.

Хитро прищурив глаз, раскрывает Костя свой творческий секрет номер один: пишу, дескать, в фенечках, что вздумается, не обессудьте, братцы.

Так мы ему и поверили. Вот Костя размышляет о том, как соотносятся реальность и легенда. Не в общих чертах, а конкретно, в очерке военного корреспондента Кривицкого в «Красной звезде» о подвиге в боях под Москвой 28 героев панфиловцев.

Автор очерка был другом костиного старшего брата Саши, и эту историю Костя узнал без посредников. Когда в кабинете секретаря ЦК Александра Сергеевича Щербакова, отца Саши, Кости и Вани, автор очерка услышал вопрос на засыпку: как же это он мог слышать от политрука Клочкова слова «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва», если живым политрука Клочкова он никогда не видел, автор очерка был на чеку.

Собравшись с духом, Кривицкий отвечал, что он не мог слышать от Клочкова эти слова, но политрук мог их сказать. И про цифру «28» честно объяснил всё, как было. Придумал ее, узнав то, что только и мог узнать между танковыми атаками немцев. Установить точное число погибших тогда возможности не было.

Выслушав Кривицкого, секретарь понял, что когда про подвиг уже знает вся страна, не следует корректировать версию событий. Был подвиг, был героизм, и они-то корректировке не подлежали.

Резюме Кости: издавна реальность и легенды сосуществуют, не претендуя на соседнюю территорию. Условие достоверности, ее моральной допустимости здесь только одно – чтобы реальность, как в случае с панфиловцами, «была достойна легенды».

Зато уж на костин призыв насчет «а пошутить?» завестись с пол оборота было кому. Как и следовало ожидать, своего шанса не упустил кто? Все тот же Марик. В прикольном эссе «Шли годы. Смеркалось» тем, кто по какой-то нелепой случайности не знал Виктора Веселовского, обстоятельно его представляет, «главного администратора смеха».

Так почти официально называлась должность основателя «Клуба 12 стульев» - раздела сатиры и юмора на 16-ой полосе «Литературной газеты», открытого в 1967 году. Как раз в ту непогожую пору, когда от оттепельных проталин остались одни воспоминания.

Читаем автора «Клуба 12 стульев» Розовского, лучше всё равно не скажешь». «Здесь дурачились умники. Здесь валяли дурака интеллектуалы. Здесь выпивали без закуски и никогда не закусывали без выпивки. Здесь хохмили и прекраснодушно дружили все со всеми, превыше всего ставя смех над самим собой».

Витя, вспоминает Марик, умел править так, чтобы не испортить текст, его мастерство – и это Розовский хорошо знал по собственному опыту - было сродни «умению бегать в ливень между дождинками и остаться сухим».

Так что, как видите, последнюю свою курсовую писали мы вместе с теми, кто, царство им небесное, ждет и уже, наверное, заждался нас там, наверху. Под гулкими сводами времен в нашем «Поэтическом альбоме» лично для меня слышнее всех басовитый голос поэта номер один среди нас забайкальца Славы Филиппова. И его слух был отменно поставлен – слышал, как в содоме таежного пожара «стонали в реках рыбы».

Бунтарю и отъявленному правдолюбцу, одному из главных героев повести Василия Рослякова «От весны до весны» Сереже Чудакову крупно повезло – «Литературная газета», было дело, однажды обмолвилась о нем, как о «русском Франсуа Вийоне». Чудаков, как сказано о нем во врезке к подборке его лирики, «разбрасывал свои стихи по ветру сумбурной жизни». Собрать что-то из них удалось только после его смерти.

Пять лет назад в издательстве «Культурная революция» вышло солидное избранное нашего сокурсника «Чудаков С.И. Справки по личному делу. Стихотворения. Статьи. Биография. Комментарии». Презентация этого многостраничного порт-фолио, организованная одним из его составителей В.Орловым, проходила в сережин звездный час в московской квартире-музее Марины Цветаевой.

Само собой, что Здесь, а не Там постарались мы пообщаться с Леной Павловой. В разделе «Наш архив» не только лично ей, но и всем, кто и так знает ответ на краеугольный вопрос из ее бессмертного студенческого стиха «Почему я люблю голубое», адресованы говорящая вступительная фотозаставка, где над головой Лены рвется куда-то под потолок и выше в фойе легендарного старого здания МГУ на Моховой связка разноцветных воздушных шаров, и открытое письмо составителя «Наша душа и наше сердце» туда, как сказали бы далекие пращуры – в наш верхний мир.

Письмо – о том, как не хватало ее, с ее известной всем готовностью сорваться на первый зов о помощи, конкретно именно сегодня, в дни работы над этой книгой.

А дальше узнаём то, что известно было только самым близким елениным друзьям. Через что пришлось в жизни пройти ей, дочери героя гражданской войны, одного из первых в стране кавалеров ордена Ленина, и секретарши в приемной «всесоюзного старосты» Калинина, ставшей узницей зловещего «АЛЖИРА», Акмолинского лагеря жен изменников родины.

Согреваясь ее теплом и вниманием, послушали мы ее «Разговоры с Алешей», заметки о воспитании, сохраненные сыном Алексеем Гоцевым, врачом-рентгенологом по профессии и поэтом по складу души.

Всю жизнь верой и правдой прослужившая в «Пионерской правде», Лена Павлова знала толк в воспитании. Поэтому так нескучно читать ее разговоры с сыном о самых, казалось бы, обыденных вещах.

Нынешний декан нашего факультета Елена Вартанова на предпоследней, одной на двоих с президентом журфакаЗасурским поздравительной странице книги в тон Ясену Николаевичу одарив выпускников-шестидесятников щедрой метафорой «весна новой журналистики», не поскупилась величать наш курс еще и «лицейским братством».

Спасибо, Елена Леонидовна. Братство, братство и есть, принимаем царский комплимент. Подержите курсовую на ладони, сама книга, не правда ли, вполне веский довод в пользу того, что братство наше – не чья-то досужая выдумка.

И все же, не приведи Господь потерять нам чувство дистанции от нас до Пушкина с его «Холопом не был и у царя небесного» и лицейским союзом царскосельским.

На другое утро после августовской презентации с моим ночлегом у Сергеевых, заранее обговоренным, я оказался в компании героев еще одной многостраничной лав стори – Стаса и его супруги Татьяны, выпускницы географического факультета МГУ.

Пора было прощаться, как вдруг в нашем разговоре на вольные темы появилась неожиданная интрига. Подсказала ее береза за окном их лоджии. Особа в полном расцвете сил, вся в мерцающей кисее бликов утреннего, еще летнего, солнышка.

В лирике у Пушкина, вспомнилось в тему, кроме фольклорной цитаты с «березонькой кудрявой», про березу ведь больше нет ничего. Парадокс в свое время объяснил в одной из литературоведческих статей Валентин Берестов. Объяснил-то объяснил, но будучи известным поэтом, не написал стихотворения о своем ошеломляющем открытии - в немилость Пушкину береза попала потому, что

на розги для карательных экзекуций шли в России-матушке вымоченные березовые прутья.

Тут-то под настроение и проговорился гость Сергеевых, что в силу своих поэтических наклонностей рискнул он восполнить тот непростительный, как показалось ему, пробел – стихом собственного сочинения «Школа реализма», напечатанным в ярославском журнале «Мера», теперь закрытом.

Дальше ничего другого не оставалось, как мой опус без всяких просьб прочесть вслух. «На Волге там, за мысом безымянным, // Стал что-то понимать…», с таким финальным четверостишьем: «Стал что-то понимать в поэзии и прозе, // Когда найти мы так и не смогли // У Пушкина хоть строчку о березе. // Березовыми розгами секли».

Я про то, до каких высот нам всем тянуться, если уж заговорили мы о пушкинском «лицейском братстве». Вот что стоит за той, сейсмической чуткости мировой отзывчивостью души гения на добро и зло, в чем, не забудем, Достоевский усмотрел главную черту русского национального характера.

Вот же она, наша пожизненная школа высокого здравомыслия и человеколюбия, того бескомпромиссного реализма, что испокон веков были и остаются не только во славу, но и в защиту жизни, человека и всего живого.

Я, аз грешный, посчитал неуместной подобную патетику на малой презентации «Курсовой работы», а тем более на утреннем чаепитии у Сергеевых в присутствии самой березоньки кудрявой. Так что всё про Пушкина и его «лицейское братство» в моих читательских заметках можно считать разве что сугубо предварительной заявкой к будущим прениям на большой презентации нашей курсовой в стенах алма-матер на Моховой.

Насколько я понимаю, по совершенно случайному стечению обстоятельств большая намечена на октябрь, месяц царскосельских лицейских годовщин. До встречи!

РЕЦЕНЗИИ И ОТВЕТЫ

Прохор СМИРНОВ

Юлий Мартов: нравственность и революция

Уважаемая редакция! В №8 Вашего журнала опубликована статья Г. Водолазова«Владимир Ленин и Юлий Мартов (революция и нравственность)». Тематика, рассматриваемая в данной статье, имеет, на мой взгляд, большое значение для понимания логики социального развития прошлого, настоящего и будущего. Мне хотелось бы продолжить этот разговор - более подробно проанализировать позиции Юлия Мартова по вопросам о соотношении морали и политики в социально-преобразовательных процессах.

Цель революции

Для Мартова, как и для большевиков, пролетарская революция – это тоже приход к власти социалистов, тоже завоевание власти рабочими. Однако, в отличие от большевиков, основным выражением этого завоевания было достижение демократии. Он определял социализм как такую систему, в которой массы «путём самоуправления» берут «в свои руки руководство общим аппаратом». Уже после октября 1917 Мартов выступал не столько против власти пролетариата, сколько против самих действий большевиков. В связи с тем, что для него важнейшим моментом была именно демократия, на Декабрьском совещании РСДРП он выступал не за свержение советской власти, а за её демократизацию[1]. В этом разрезе для Мартова также абсолютной необходимостью представлялось сохранение того наследия, которое было выработано в течение всей истории человечества, в том числе и капиталистического её этапа[2]. Более подробно о тех методах борьбы, которые предпочитал Мартов, будет сказано позднее.

Однако, несмотря на то, что демократия для Мартова действительно была главной целью, она была не единственной. Он жёстко осудил интервенцию и распад

1Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

2Мартов Ю. О., Мировой большевизм / Ю. О. Мартов – Берлин: «Искра», 1923. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/martow_j_o/text_1923_mirovoy_bolshevizm.shtml, дата обращения: 28.03.2020

России после начала Гражданской войны, и объявил сохранение страны «основной задачей российской революции и российского пролетариата в данный момент». В этом же ключе он оценивал русскую революцию как «мощный фактор разложения империалистической тирании», несмотря на все недочёты. В отличие от многих социал-демократов бернштейнианского толка, он не считал капитализм в принципе способным создать социальную устойчивость. Он обвинял империализм в упадке европейской цивилизации и, таким образом, призывал к его упразднению. Он признавал и глобальную цель революции не просто как борьбу за некоторые льготы и свободы, но как нечто абсолютно новое и прогрессивное.

Таким образом, Мартов выступал за революцию как приход к власти пролетариата. Он считал, что «лишь коренное изменение материальных условий, в которых живут массы, лишь коренное переустройстве общества сделает массы способными управлять своими собственными судьбами.»[1] Однако при этом для Ю. О. Мартова такой переход должен был быть связан в первую очередь не с господством пролетариата, а, наоборот, с демократией и свободой.

Жёсткость этапов развития общества

Данный пункт является важным для понимания очень многих тезисов, выдвигаемых Ю. О. Мартовым. В 1905-1907 годах Мартов считал, что разговор о полноценной пролетарской революции в России в силу отсталости и производственных сил страны и, в связи с этим, и населения, крайне преждевременен. Стремление к образованию рабочей партии до того, как её создание будет обосновано снизу, Мартов считал «первородным грехом» российской социал-демократии[2]. Чуть позже, в 1917, он отмечал, что захват власти пролетариатом произойдёт в результате «целого периода борьбы», а не какого-либо одномоментного действия. Прежде, чем это произойдёт, необходимо показать рабочим важность и пользу от сплочения и укрепления их как класса, добиться буржуазных свобод, рыночной экономики под регулированием правительства, что подготовит почву для перехода власти в руки рабочих. В своей работе «Современная Россия» он писал о том, что рабочий класс может стать двигателем революции в России, но такой, которая приведёт страну на буржуазный, капиталистический уровень развития. Одним из компонентов его критики большевиков было отсутствие у последних тактики на

1Мартов Ю. О., Мировой большевизм / Ю. О. Мартов – Берлин: «Искра», 1923. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/martow_j_o/text_1923_mirovoy_bolshevizm.shtml, дата обращения: 28.03.2020

2Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

программы на момент переходного периода, попытка создания социализма без соответствующих предпосылок. Он считал, что большевиков поддержали «большей частью культурно отсталые слои пролетариата».

Сам большевизм, в этой связи, Мартов считал явлением объективным, но по большей части вредным. Он, по Мартову, явился результатом «недостаточной духовной эмансипации» пролетариата «от психологической атмосферы буржуазного общества». Отсюда вытекает и пренебрежение ко многим аспектам, например, демократичности и т.п., являвшимися для Ю. О. Мартова крайне важными. В своей работе «Мировой большевизм» Мартов стремился доказать, что Советы как способ организации государства не являются панацеей, могут привести к диктатуре не только пролетариата, но и реакционных слоёв общества. Следовательно, большевики для него были не столько лидерами восставшего класса, сколько провокаторами, захватившими власть в собственные руки.

Таким образом, для Ю. О. Мартова этапы развития общества определены очень жёстко. Только по итогам «долгого, мучительного и противоречивого процесса», в течение которого внутри рабочего класса будут формироваться всё большее и большее количество всё более и более сознательных элементов, будет формироваться психология нового класса, пролетариат окажется способным взять власть.

Насильственные методы в революции

Как уже можно было заметить, для Мартова методы осуществления перехода общества на новый этап, их «нравственность» имели решительное значение. В 1905 году он категорически выступил против применения террора как метода борьбы вплоть до того, что пригрозил выходом из Совета РСДРП в случае противоположного решения. На этой почве Мартов неоднократно осуждал террористическую тактику партии эсеров. Во время II Интернационала в 1907 он, наряду с Лениным, поддержал проект Бебеля о соединении антимилитаристической и социалистической риторик. Он неоднократно выступал против смертной казни[1]. На собрании Предпарламента 24 октября 1917 он открыто назвал речь Н. Д. Авксентьева, председателя, в которой тот назвал назревавшее восстание «движением черни», «словами вызова гражданской войны».

После прихода к власти большевиков именно насилие, к которому прибегала эта партия, стала для Мартова основой его критики. Мартов называл насилие

1Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

одной из основной чертой большевистской партии, как путь по линии «наибольшего психологического сопротивления» и, как следствие, меньшей результативности революции[1]. Власть Советов он называл «властью крестьянской солдатчины, державшей в плену социалистов», «власть комиссаров, комитетов, штабов и вооружённых банд». Он решительно выступал против репрессий, которые «не могут заменить удовлетворения нужд революции», и, согласно нему, являются свидетельством слабости большевиков. Весь период двадцатых годов (тот, который он застал), он называл «расправой над политическими противниками». Он считал именно подобную политику большевиков «главным препятствием к возрождению рабочего движения во всём мире», указывал на риск уничтожения всех тех прогрессивных элементов, которые были в революции[2]. Подобные же обвинения Мартов предъявлял не только к большевикам, но и вообще к тем, кто прибегал к насилию. На Чрезвычайном съезде меньшевиков он выступал за скорейший созыв Учредительного собрания. Он никогда не выступал за вооружённое свержение власти большевиков.

Однако Мартов был всё же далёк от того, чтобы приписывать вспышку насилия во время Гражданской войны исключительно действиям большевиков. Он отмечал, что популярность большевизма в принципе связана с растущим участием солдатских слоёв в революции. Он считал, что провоенные настроения, возникшее во время Первой мировой войны, перекинулись и на эпоху революции. Кроме того, имелись у Мартова и некоторые оговорки относительно применения насилия. В частности, в одной из своих статей против смертной казни он писал: «революционер не может ставить все убийства на одну плоскость и иногда убийство может стать целесообразным.» Кроме того, он агитировал за участие в вооружённом противостоянии контрреволюции, несмотря на всю критику большевиков. Во время Первой мировой войны он выдвинул тезис, казалось бы, вовсе не совместимый с его общей позицией: «режим белого террора необходимо вызывает и морально оправдывает террор красный». Однако такая риторика всё же для Мартова была крайне нехарактерна.

В общем и целом, можно заключить, что для Мартова насилие могло быть таким методом, который применяется только в самых крайних, можно сказать, отчаянных случаях. Он считал террор временным явлением, которое «революцион-

1Мартов Ю. О., Мировой большевизм / Ю. О. Мартов – Берлин: «Искра», 1923. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/martow_j_o/text_1923_mirovoy_bolshevizm.shtml, дата обращения: 28.03.2020

2Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

ная социал-демократия» переживёт и сможет в итоге построить светлое будущее ненасильственными, нравственными методами.

Реформы и революция

В соответствии с убеждениями Мартова, представленными выше, формировался и его взгляд на соотношение реформ и революций. Изначально он, подобно многим социалистам, призывал к свержению самодержавия. Позднее, после Февральской революции, его позиция изменилась. Он считал возможным постепенный переход от буржуазного государства к государству рабочих, посредством того, что пролетариат будет неизменно подталкивать буржуазию к позитивным социальным изменениям. Он считал, что цель пролетариата – не уничтожение государства, а создание демократического государства, которое возьмёт от буржуазной демократии самые лучшие элементы. Совершенно не обязательно, чтобы такое государство категорически отличалось от того, что было раньше[1]. Подобное же отношение он сохранил и после Октябрьской революции. Он выступал против сил контрреволюции и против насильственного свержения советской власти. План проведения таких реформ отражён в программе меньшевиков, разработанной на Декабрьском съезде РСДРП в 1918 году. Часть требований (такие, как закрепление земли за крестьянами) соответствовала требованиям большевиков, другие же (как, например, отказ от национализации мелкой промышленности и свобода печати и союзов), им не соответствовала[2].

Таким образом, можно заключить, что Мартов, в связи с его взглядами на цель революции как построение демократического государства и на необходимость ненасилия, считал возможным постепенное реформирование общества. Однако так как ни меньшевики, ни, уже, фракция самого Мартова (меньшевики-интернационалисты) не смогли реализовать таких проектов, невозможно прийти к окончательному выводу относительно полноценности такого подхода.

Взаимодействие с нынешним правящим классом

Данный момент в воззрениях Мартова несколько более противоречив, но всё ещё согласуется с общим направлением его взглядов. Во время Первой революции Мартов сделал собственную классификацию партий. Основным признаком

1Мартов Ю. О., Мировой большевизм / Ю. О. Мартов – Берлин: «Искра», 1923. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/martow_j_o/text_1923_mirovoy_bolshevizm.shtml, дата обращения: 28.03.2020

2Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

была не классовая принадлежность, а отношение партий к самодержавию. По этому факту снова видно то, что для Мартова крайнее значение имели именно демократические принципы, а не более глубинные классовые интересы. По той же причине он выступал за присутствие социал-демократов в Думе и был «возмущён походом большевиков против участия в буржуазной прессе»[1]. Позиция Мартова сохранилась почти в том же виде и после Февральской революции. Об этом свидетельствуют, в частности, неоднократные его попытки вернуться в Россию через посредство Временного правительства. Несмотря на неудачу в этом отношении, Мартов остался верен своей позиции и называл требование Ленина о свержении Временного правительство не иначе как «глупостью», иллюзией о «выходе из хозяйственного кризиса и ужасов войны в единоспасающем чуде захвата власти и немедленной социализации». В 1917, когда он вошёл в Комитет народной борьбы с контрреволюцией, Мартов взывал к «диктатуре всей демократии» против «большевистско-максималистских иллюзий». Несколько позднее он писал о том, что устранение буржуазной верхушки может быть напрямую вредно с точки зрения демократии и её реализации[2].

Однако при этом не стоит считать Мартова идейным сторонником буржуазии, использовавшим социалистическую риторику лишь для отвода глаз. Основной особенностью его взгляда был ненасильственный приход к власти пролетариата, но отнюдь не отсутствие необходимости в смене правящего класса. По нему, надо было, «чтобы рабочий класс предоставил буржуазии власть, но толкая её всё время вперёд, держа её под своим контролем»[3]. Так, в 1917 Мартов выступал против коалиции с другими партиями в правительстве. Когда же некоторые социал-демократы стали участвовать в такой коалиции, Мартов на Всероссийской конференции меньшевистских и объединённых организаций РСДРП назвал это «непоправимой, окончательной глупостью». Мартов соглашался на сотрудничество с другими социалистическими партиями только если они поддерживали лозунг о мире без аннексий и контрибуций, право наций на самоопределение, обязывались отказаться от сотрудничества со своими национальными правительствами и объявляли о готовности продолжить классовую борьбу. Подобно Ленину, Мартов выступал за передачу власти Советам. Однако чуть позднее он несколько скорректировал

1Мартов Ю. О., Потресов А. Н., Письма. 1898 – 1913 / Науч. ред., авт. предисл. и коммент. И. Х. Урилов – М.: Собрание, 2007. – 464 с.

2Мартов Ю. О., Мировой большевизм / Ю. О. Мартов – Берлин: «Искра», 1923. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/martow_j_o/text_1923_mirovoy_bolshevizm.shtml, дата обращения: 28.03.2020

3Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

свою позицию. На Первом съезде Советов Мартов критиковал их за отсутствие революционного давления на правительство. Во время Демократического совещания он противопоставлял «диктатуру демократии» «диктатуре Советов» над всей остальной демократией.

Больше того, Мартов несколько пересмотрел свою поддержку Временного правительства по мере того, как ужесточалась политика последнего. Он писал, что «политика мира и коренной демократизации страны, отстаиваемые революционной демократией, столкнулись с интересами различных слоёв имущих классов и союзнического империализма». На заседании ВЦИК РСДРП он предложил не участвовать в Демократическом совещании, как сосредоточия контрреволюции. Однако, как видно из приведённых выше примеров, достаточно жёсткая позиция Мартова не помешала ему принять участие в коалиции с Временным правительством. И. Х. Урилов утверждает, что причиной этому было отсутствие различий в отношении экономической политики между интернационалистами (сторонниками Мартова) и остальными меньшевиками[1]. По этой же причине Мартов оставался в составе меньшевиков даже после объявления декларации интернационалистов, которая по многим положениям расходилась с официальной позицией партии.

Таким образом, Ю. О. Мартов в основном выступал в поддержку сотрудничества с правящим классом только в тех случаях, когда тот не прибегал к слишком недемократическим и авторитарным методам управления. Однако в большинстве случаев его позиция относительно отказа от такого сотрудничества не имела должных последствий ввиду того, что он был крайне привязан к позиции основной массы меньшевиков. Лучше всего её содержание передаёт сам Мартов в своём высказывании: «Марксистом можешь ты и не быть, но демократом быть обязан».

Соотношение классов

Как можно понять по изложенному выше, для Мартова был характерен менее жёсткий взгляд на классовую борьбу. В работе «Зарождение политических партий и их деятельность» 1909 года он писал, что социал-демократизм – самое популярное идеологическое направление у интеллигенции, откуда следует, что Россия постепенно выходит на тот же уровень развития движения, что и Европа. Как уже не раз отмечалось, вплоть до февраля 1917 года одним из основных лозунгов Мартова была борьба с полицейско-бюрократическим государством всех классов, чтобы в итоге прийти к демократическому государству. Во время Первой

1Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

мировой войны, когда кризис в российском обществе начал проявляться наиболее ярко, Мартов говорил о предстоящей революции, называл её буржуазной и считал, что участие в ней пролетариат должен принимать для обеспечения её общедемократического характера.

При этом Мартов не отрицал классовую борьбу. В начале 20 века Мартов предполагал, что «только сам рабочий класс может освободиться от гнёта капитала». В отличие от ряда других деятелей, Мартов называл крестьянство отсталым классом, который никак не может способствовать революции. Он утверждал, что, так как буржуазия достигла своих целей в ходе Первой революции, появилась возможность начала социалистической революции (как можно видеть, его взгляды на этот аспект претерпели по итогу существенные изменения). Мартов отмечал опасность «национал-либерального яда», который может существенно навредить делу революции[1].

Таким образом, взгляд Мартова на соотношение классов в ходе грядущей революции можно назвать неоднозначным. С одной стороны, он выступал против широкого союзничества с крестьянством в деле противостояния буржуазии и в деле построения демократии (что, например, видно по его отношению к Советам). С другой же, Мартов неоднократно выдвигал лозунг о демократической, а не о социалистической революции, лишая этот процесс его классового характера.

Способ управления

Ещё во время Второго съезда РСДРП Мартов выступает с демократическими предложениями относительно устройства партии. Л. Д. Троцкий назвал «мягким» вариант требований для кандидатов на вступление в партию в редакции Мартова, который включал только уплату взносов, признание программы партии и регулярное содействие её работе. Ещё на Первом съезде Советов Мартов выступал за демократическое правительство как лучшее, такое, которое содействовало бы восстановлению порядка в стране. Среди его требований к такому правительству можно назвать ограничение полномочий, упразднение полиции и борьбы с инакомыслием. Также Мартов представил и ряд более практических требований, как проведение налоговой реформы, введение централизованного планирования и регулирования производства, конфискация закрываемых предприятий и пр. Как можно видеть, данные требования, с одной стороны, можно воспринимать как «социалистические» в современном смысле слова, с другой же они являются выра-

1Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

женно демократическими. Сам Съезд, по Мартову, должен был управлять «творчеством русской революции». С подобными лозунгами о необходимости спасения и сохранения демократии и от контрреволюции, и от большевистского максимализма Мартов и его сторонники выступают в течение всей последующей своей жизни. «Не будет на Руси порядка, пока власть не будет в руках тех, кому доверяет демократия,» – утверждал он. Альтернативой такому устройству общества была гражданская война[1]. Помимо уже описанных выше требований Мартов также выступал и за всеобщее избирательное право, которое помогло бы перестроить государство на благо народа.

В общем противопоставление своей позиции большевистской было одним из ключевых моментов во взглядах Мартова. Он называл их «диктатурой меньшинства», обвинял в неизбежном «развращении» пролетариата, обвинял в провоцировании Гражданской войны. Также существенной критике подвергалось и Советское государство, которое, по Мартову, не было панацеей для освобождения общества, как и собственно идея диктатуры, во многом являющаяся утопической. Оно почти не предложило пролетариату политических свобод, очень быстро выродилось во «власть определённой партии». Ю. О. Мартов считал, что такое состояние дел показывает слабость пролетариата и большевиков, неготовность их дать власть прогрессивным массам – и, следовательно, таким образом доказывается отсутствие таких масс, в то время как строить «новое общество» должен «только весь класс пролетариев в его целом»[2]. С началом НЭПа оценки Мартова несколько смягчились.

Цель партии Мартов видел в содействии «развитию самосознания» и объединению пролетариата, а также «выражение его потребностей», вести его за собой. Как можно видеть, это во многом схоже и с позицией Ленина. В 1917 он отмечал важность целостности масс для успеха революции.

В общем и целом, сложно не согласиться с утверждением И. Х. Урилова, который обозначил систему взглядов Мартова на стиль управления обществом как «демократический цезаризм»[3]. «Либо победа разума над стихией в пролетарской

1Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

2Мартов Ю. О., Мировой большевизм / Ю. О. Мартов – Берлин: «Искра», 1923. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/martow_j_o/text_1923_mirovoy_bolshevizm.shtml, дата обращения: 28.03.2020

3Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

революции, либо экономический и культурный регресс на довольно длительный период, -- другого исхода из теперешнего положения нет,» – писал Мартов[1].

Соотношение фракций внутри партии

Внутри партии Мартов выступал со столь же либеральных позиций. Партию он определял как «союз единомыслящих, ставящих себе одни и те же цели и сговорившихся соединить свои силы для согласной деятельности в государственной жизни». В своей брошюре «Ещё раз в меньшинстве!» выпущенной по итогам Второго съезда РСДРП Мартов выступал против бюрократизации. Признавая важность централизма для достижения определённых задач, стоящий перед партией, Мартов тем не менее указывает и на важность наличия автономных частей оных, которые позволят партии поддерживать контакт с народом. Принципы для Мартова были важнее партийной дисциплины, и он готов был отстаивать их до конца. В своей работе «История русской литературы 19 века» Мартов протестовал против утверждения В. И. Ленина о том, что бернштейнианство и экономизм – оппортунистические направления внутри марксизма, и в этой же связи признавал возможность корректировки и изменения некоторых основных положений учения Маркса. Мартов отмечал опасность противоборства социал-демократических групп и, наоборот, необходимость их сближения, иначе все социалистические партии могли выродиться в исключительно местные организации, обладающие нулевым политическим влиянием[2]. Это его убеждение проявилось ещё более чётко после Февральской революции, когда он стал выступать за формирование общесоциалистического правительства, и во время Второго съезда Советов, когда он открыто выступил за объединение всех социалистических партий[3]. Согласно резолюции Чрезвычайного съезда меньшевиков за авторством Мартова, «всякому меньшинству должна быть предоставлена полная возможность отстаивать свои взгляды внутри партии и в социал-демократической печати.» При этом вовне партии распространение таких альтернативных взглядов не предполагалось.

В то же время Мартов выступал против большевиков как против партии, верящей в необходимость насилия. Об этом много было сказано в предыдущих сек-

---

1Мартов Ю. О., Мировой большевизм / Ю. О. Мартов – Берлин: «Искра», 1923. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/martow_j_o/text_1923_mirovoy_bolshevizm.shtml, дата обращения: 28.03.2020

2Мартов Ю. О., Потресов А. Н., Письма. 1898 – 1913 / Науч. ред., авт. предисл. и коммент. И. Х. Урилов – М.: Собрание, 2007. – 464 с.

3Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

циях, но приведёнными выше утверждениями критика большевиков не исчерпывалась. Для Мартова это была пустая идеология, не основанная на марксизме и по своей сути мистическая – обладающая верой почти в сверхъестественную силу Советов. Также Ю. О. Мартов считал воззрение Ленина на соотношение государства и революции путанным, совмещающим одновременно и марксистский, и анархический взгляд[1]. Мартов обвинял большевиков в наличии партийной диктатуры и, внутри партии, - диктатуры самого Ленина, которые «мешают оформиться оппозиции и убивают в корне гражданское мужество». Подтверждалось это и конкретными действиями и высказываниями Мартова – например, на Первом съезде Советов он призывал к моральной изоляции авантюристов.

Тем не менее, и в этом отношении Мартов не выступал за окончательный и бесповоротный разрыв с большевиками. Несмотря на продолжающуюся критику Ленина, в 1905-1907 годах Мартов выступал за объединение с большевиками в рамках одной партии. Пусть целью такого объединения и были бы дерадикализация позиции большевиков и привлечение поддержки рабочих-сторонников большевиков к общесоциалистической партии, сам факт его признания о многом говорит. По результатам Октябрьского восстания Мартов признал ряд пунктов из программы большевиков – те из них, которые не были «утопическими», лежали «на линии революционного развития». Во всё время от Октябрьской революции и до своей смерти Мартов выступал не за возвращение Временного правительства, а за сплочение всех социал-демократов с целью демократизации большевистской системы. Также с момента начала противостояния между меньшевиками и большевиками Мартов протестовал против использования скандалов для дискредитации большевиков, как в социалистической, так и в буржуазной прессе[2].

Таким образом, Мартов в общем и целом выступал за необходимость формирования общедемократического правительства, общесоциалистической партии. Это значило, что в рамках такого правительства и такой партии неизбежно будут возникать различные фракции, не согласные друг с другом и в чём-то даже соперничающие. Эта его позиция остаётся справедливой для подавляющего большинства его высказываний, выступлений, работ, несмотря на жёсткую критику всякого насилия в принципе и большевиков в частности.

1Мартов Ю. О., Мировой большевизм / Ю. О. Мартов – Берлин: «Искра», 1923. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/martow_j_o/text_1923_mirovoy_bolshevizm.shtml, дата обращения: 28.03.2020

2Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

Специфика условий

Мартов не мог и не пытался отрицать специфичности определённых условий в России. В 1908 Мартов писал о невозможности гегемонии пролетариата в рамках русской буржуазной революции в том виде, в котором она изначально представлялась[1]. Существенным образом условия в России повлияли и на видение Мартовым целей революции. Ввиду отсталости страны он считал, что перед социалистической революцией должна произойти общедемократическая. Выше уже упоминалось о том, что, по Мартову, пролетариат и многие другие угнетённые классы общества (например, крестьянство) не были готовы к взятию власти, которому должна была предшествовать фаза формирования нового классового сознания[2].

Имелся, правда, и ряд оговорок. Например, в 1913 Мартов писал, что в России социал-демократы работают «почти в европейской во многих отношениях обстановке», и поэтому необходимости в партии «нового типа» типа нет. Кроме того, для Мартова большевизм был мировым, а не только русским явлением. В общем Мартов определял его как «первый дар мести торжествующему империализму Запада со стороны разорённого и задержанного им в экономическом развитии Востока». Уже после эмиграции он решительно осуждал факт растущей популярности партии большевиков за рубежом. Как было описано выше, Мартов считал, что террористическая диктатура меньшинства может возникнуть в любой стране, особенно – на фоне милитаризации общества. Однако, тем не менее, большевизм появился именно в России – и Мартов писал о том, что это не может не быть обусловлено российской спецификой[3].

Таким образом, можно заключить, что для Мартова важность специфических условий в России выражалась в основном в неготовности России к полноценной социалистической революции и необходимости предшествующей общедемократической революции.

Роль войны

Война как отдельный момент специфики современного Ю. О. Мартову моменту также играл важную роль в его воззрениях. Уже во время Русско-японской

1Мартов Ю. О., Потресов А. Н., Письма. 1898 – 1913 / Науч. ред., авт. предисл. и коммент. И. Х. Урилов – М.: Собрание, 2007. – 464 с.

2Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

3Мартов Ю. О., Потресов А. Н., Письма. 1898 – 1913 / Науч. ред., авт. предисл. и коммент. И. Х. Урилов – М.: Собрание, 2007. – 464 с.

войны Мартов призывал к её прекращению и немедленному созыву Учредительного собрания, отмечал возросшую революционность всего населения (как масс, так и членов элиты) на тот период[1]. Уже во время Первой мировой войны Мартов указывал на её несправедливый и империалистический характер, отмечал необходимость прихода к власти пролетариата и победы мирового интернационала для установления прочного мира. Мартов также признавал, что российские народные массы не выиграют ни от поражения царизма, ни от его победы. На Первом съезде Советов Мартов решительно осуждает наступление как «восторг смерти», призывал к революционному выходу из войны. После начала Гражданской войны, которую он объяснял расколом демократических сил, Мартов критиковал не только её саму, но и интервенцию иностранных держав, называл задачу мира с этими державами первостепенной[2].

При этом, однако, взгляд Мартова не был всецело антивоенным. Например, во время той же Русско-японской Мартов признавал возможность продолжения войны при условии отказа от империалистических целей. Во время Первой мировой войны он не выступал с радикальными лозунгами всеобщего поражения – в первую очередь, по морально-этическим соображениям. По тем же мотивам он выступал и против Брестского мира. Можно заключить, что Мартов признавал возможность оборонительной войны – например, уже во время Советско-польской он поддерживал необходимость отражения атаки, хотя и выступал против переноса агрессии на запад. Мартов был не согласен с Лениным с его крайней формулировкой права наций на самоопределение.

Также ещё одним нюансом можно назвать то, что именно военное положение страны, наличие людей, которые лично прошли через неё и пропитались её духом, по Мартову, привело к появлению противоположной ему идеологии большевизма. Росту таких же настроений по всему миру способствовала и позиция большинства социалистических партий, поддержавших войну. Большевизм Мартов считал «кровно заинтересованным в том, чтобы война была перманентной»[3]. Он указывал на риск катастрофического сценария в случае продолжения войны, что наиболее ёмко выражено в следующей его цитате: «либо революция убьёт войну, либо война убьёт революцию». Кроме того, Мартов не был готов ис-

1Мартов Ю. О., Потресов А. Н., Письма. 1898 – 1913 / Науч. ред., авт. предисл. и коммент. И. Х. Урилов – М.: Собрание, 2007. – 464 с.

2Урилов И. Х., Ю. О. Мартов. Политик и историк / И. Х. Урилов – М.: Наука, 1997. – 520 с.

3Мартов Ю. О., Мировой большевизм / Ю. О. Мартов – Берлин: «Искра», 1923. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/martow_j_o/text_1923_mirovoy_bolshevizm.shtml, дата обращения: 28.03.2020

пользовать условия военного времени для развития революции, так как был не уверен в её прогрессивности в таких условиях. По нему, сначала должен был идти мир, и только потом – революция.

Таким образом, взгляд Мартова на взаимоотношение войны и революции является достаточно противоречивом. Однако в то же время невозможно утверждать, что Ю. О. Мартов отрицал её важность как таковую.

Вывод относительно взглядов Ю. О. Мартова

В общем и целом, можно сказать, что взгляд Мартова на революцию и нравственность последователен и оригинален. Не раз и в его высказываниях, и в его действиях можно обнаружить примат нравственности по сравнению с целями революционного преобразования. Мартов указывал на то, что условия в России не созрели для социалистической революции, и необходима сначала революция демократическая. Мартов с отвращением относился почти ко всем проявлениям насилия, во имя каких бы целей они ни совершались. Он выступал за объединение со всеми социалистическими партиями, за свободу критики внутри партии. Оценка нравственности воззрений и действий Ю. О. Мартова как таковых выходит за рамки этой работы. Однако, основываясь на всём, что было представлено выше, можно в целом охарактеризовать его подход к соотношению морали и революции как «нравственный».

Григорий ВОЛГИН

Штрихи военного бытия. Четыре встречи

1. Встреча с отцом

«Как это может быть «встреча с отцом»? – удивитесь, возможно, вы. - Отец вам дан изначально, с самых первых минут вашего появления на свет…».

Сейчас объясню.

Дело в том, что «изначально» он был «дан» не мне, а Владимирской тюрьме (я ещё не родился). Там усердные следователи всё подготовили к его расстрелу. И, поселив его в камеру смертников, послали документы на утверждение их предложения в Москву. Но тогда началось некоторое послабление (на место Ежова пришёл Берия), и слегка гуманизировавшиеся центральные органы советского правосудия заменили расстрел десятью годами лагерей. Отец отправился за колючую проволоку, и наша «изначальная» встреча, таким образом, не состоялась. Она состоялась несколько позднее…

1943 год. Алкино, под Уфой. Необычно и радостно: меня забирают из садика в середине дня. И мать – необычна: загадочна, глаза сияют – что-то произошло. Ничего не объясняет. Да, мне и не надо никаких объяснений. Главное: из садика – домой!..

А дома, в нашей комнате, – сидит на диване какой-то человек.

Особенно запомнились две вещи.

Глаза этого «человека» – синие-синие и как бы плывущие в облачке счастья. Они светились (свет шёл словно изнутри, из их глубины) и именно ПЛЫЛИ (может быть, это были слёзы, стоявшие в глазах). И не сходящая с губ улыбка – «человек» безотрывно смотрел на меня и улыбался.

И хотя в какой-то момент маманя сказала, что это мой папа, я, по-видимому, был суров и насуплен, - отец не делал попыток ни обнять меня, ни подойти. Он просто сидел на диване и смотрел – так, как я уже описал. (Наверное, помнил, как в 39-м

году я, по позднейшим рассказам мамы, в страхе кинулся от него к матери – когда мы пришли к нему на свидание во Владимирскую тюрьму).

А вторая крепко запомнившаяся вещь – пшеничная (именно так – пшеничная, а не пшённая!) каша. Молочная, нежная, сладкая – ничего подобного до этого, мне казалось, я не ел.

Вот так мы и сидели: отец – на диване, я – напротив, за столом, поглощая потрясающую кашу. Оба молчали: отец – весь светясь, я – угрюмо уплетая кашу.

К отцу надо было привыкнуть. Что такое «отец» – я не знал. Правда, у матери постоянно спрашивал – где папа? Он, конечно же, был «на фронте» (как у всех моих друзей) и нещадно бил фашистов. Помню детские хвастовствы друг перед другом: «А у меня отец – лётчик, он только – рррраз…(и фантазии о его героизме…)». «Ну, и что – лётчик! А у меня – из зенитки стреляет. Он летчиков фашистских, знаешь сколько насбивал (имеется в виду, что у него отец поважнее и понужнее… Хотя, думаю, сами они о своих отцах мало что знали – так же, может, как и я).

Я настаивал, чтобы мама назвала мне его звание. (Я знал все их внешние выражения – от ефрейтора до маршала: сколько у кого полосочек на погонах, сколько у кого и каких звездочек. Частенько пытался просвещать на сей счет бабку Татьяну – первые безуспешные шаги моей просветительской деятельности: «Чего лейтенант, чего капитан, какие там звездочки, шел бы вон лучше матери помогать…»). Так вот, выжал из матери: отец – капитан! Это, конечно, не полковник, не генерал, но ничего – командир! А повоюет – и больше звание получит. Мне хотелось, чтобы он был «пулемётчик» (нравилась героическая песня «Два Максима»). Так и видел: отец-капитан (четыре звездочки на погонах) приник к пулемёту – и косит, и косит врага: «так-так-так,- говорит пулеметчик, так-так-так,- говорит пулемет». И он, действительно, оказался пулеметчиком – эту военную тайну я, таки, выжал из матери и понёс её по моим друзьям. Ого, пулемётчик-то не уступит ни летчику, ни артиллеристу. Все же прекрасно знали: «строчит пулеметчик за синий платочек…». Поэтому когда мы с вернувшимся отцом попривыкли друг к другу, я его (понимая, что касаюсь «военной тайны») тихо и доверительно спросил: «А ты там, на фронте, строчил из пулемёта?». Отец засмеялся: «Строчил, строчил!». (Смех я отнёс к тому, что задаю наивные вопросы а как же ещё: на фронте – и не «строчить»?).

А вернулся отец с фронта, потому что ранен. Вон он, хоть и выписали его из госпиталя, - до сих пор с палочкой ходит, с трудом переставляя всё ещё опух-

шую ногу. Вот подлечится, и опять на фронт – «строчить». Эх, мне бы туда! Везёт же взрослым!

Потом уже, много-много времени спустя, я узнал, из какого «госпиталя» вернулся отец, и какие раны он залечивает.

И «фронтом», где он «бил фашистов», и госпиталем, где он лечился, был сталинский лагерь, - где он в очередной раз сидел (с 40-го года, где-то под Воркутой). Отец понял, что все они - в лагере – смертники: туда партию за партией, тысячи за тысячами гнали «врагов народа» – добывать воркутинский уголь, пилить деревья – всё для фронта. Но поскольку это всё «враги народа», то естественно – никакой заботы о них – ни хлеба (толком), ни воды (толком). В общем, кормить и лечить врагов, жалеть их – не к чему (пусть работают по 14-16-18 часов в сутки!). И люди «дохли» – мало кто выдерживал 4-6 месяцев. Отец – за счёт своей природной физической силы: батрак, мешки с мукой таскал на горбине; кость, помню, запястья – широченные; отец – ширококостный, с широкой развернутой грудью, мощной мускулатурой. Но и он подвигался там к пределу – к нам, ведь, приехал тоненьким, худым – тростиночкой качающейся.

И придумал он там, в лагере, симуляцию: паралич ноги (изучил по медицинским справочникам, что были в лагерном медпункте, все симптомы паралича). Дал себе слово: больше не шевелить этой ногой, всё – её нет, он её не чувствует. И, о, чудо – нога начала опухать, синеть – не может человек двигаться без костылей.

Медицинская комиссия. Отец знает: будут пробовать конечность на непроизвольные рефлексы. В частности, - колоть ногу какими-то там иголочками: дернется – нет? Отец – всю волю в кулак: не дёрнуться, не пошевелить! Обследовали, стучали, кололи – присматривались придирчиво и недоверчиво. Да! Паралич прогрессирует. Комиссовать! Освободить в близкую смерть! «Талантливый специалист – главврач Греков (тоже из заключенных), - рассказывал как-то отец, - мне показалось, догадался о моей симуляции (по его глазам видел!), но, видимо, пожалел меня».

Вот так и «строчил» мой отец-капитан, вот из такого госпиталя приехал он к нам в Алкино.

А тогда, в домике под Уфой, я сидел напротив него, лопал свою кашу и купался в лучах его, как я теперь понимаю, синеглазой любви.

И в свете всего вышесказанного будет теперь особенно понятно всё великолепие моего вопроса: «Ты из пулемёта строчил?» и не меньшее великолепие его ответа – сквозь смех: «Строчил, строчил…».

2. Встреча с Гитлером (осень 1941 года)

Ну, конечно, не лично. Через посредников.

Поздним сентябрьским вечером 41 года, когда, как обычно, по черному московскому небу метались стрелы прожекторов, вырывая из небесной мглы силуэты гудящих самолетов, и пронзительно, безостановочно выла сирена, мамуля пришла в наш детский садик и … почему-то не стала забирать меня домой. А к другим ребятам родители и вовсе не пришли. Мы лежали на матрацах, на полу (подальше от стекол!) и готовились ко сну.

Мамуля села рядышком на стульчик и стала менять мои непрочные матерчатые тапочки на кожаные: распорола свою сумку, и быстро, ловко орудуя иголкой с толстой ниткой, смастерила мне не очень складную, но зато прочную обновку.

Странно: зачем это маманя, на ночь глядя, затеяла всё это? Что, завтра днем нельзя было это сделать?

Да, и еще странно, что нас не забрали домой, оставив ночевать в садике. К чему бы это?

А игрушки, аккуратно сложенные в перевязанные веревками ящики? А вещи, завернутые во множество каких-то тюков?

Э-э, да не увозить ли нас куда-то собрались?

Не хочу! Никуда я не поеду! Останусь тут, в Москве, на Короленко: буду бегать с мамой и Леонидом в бомбоубежища и прятаться от бомб и осколков стекол в тесную, уютную щель – между спинкой дивана и большим, теплым и мягким животом дяди Вани.

Мама, не уходи! – я крепко держу её за краешек платья.

Спи, сынок, спи. Я никуда не уйду. Буду тут с тобой.

Не верю. Глаза, между тем, слипаются, хватка пальцев слабеет. Мама пытается осторожно и мягко высвободить платье из моего кулачка. Э, нет, на чеку: «Не уходи!», и складки её платья снова в моей руке.

И всё же сморил-таки проклятый сон.

Утро. Пуст мой крепко сжатый кулачок. Плакать бессмысленно, каким-то чутьем ощущаю: к прежнему возврата нет, начинается новая жизнь – «без мамы», и к этому надо начать привыкать…

Мы в вагоне поезда. Из разговоров взрослых улавливаю – везут нас куда-то «за Урал». Куда это, за какой «Урал»? Надолго ли?

А ехать-то, оказывается, весело! Можно попрыгать по вагонным полкам обезьянами, побегать, потолкаться в коридоре. А то – примоститься у окна – и смотреть, как летят мимо нас деревья, дома с огородами, собаками, утками. А если отвоевать местечко у приоткрытого окошка, то тут уж про своё сиротство и вовсе забудешь: всё внимание на врывающиеся в наше оконце ветки деревьев, надо изловчиться и сорвать листочек; потом посмотрим, у кого больше.

Нет, нет, всё не так плохо. А «за Уралом», наверное, и еще лучше будет.

Ну, а это уже совсем что-то невероятное, дух захватывающее: САМОЛЕТЫ! Не силуэтами в высоком, черном ночном небе, ловимые лучами прожекторов, а – при свете белого дня, совсем рядышком: вон, прям над крышей нашего вагончика – золотятся на солнце и покачивают крыльями. Машем летчикам, видим даже их шлемы и большие очки на глазах. Ура!

Вот только начинаем замечать, что рисунки на их крыльях – странные: не звезды красные, которые мы так любили рисовать, а – кресты черные. Опять что-то не то!

Пока соображали, что к чему, - за окнами что-то шарахнуло – раз, два, три. Поезд резко дернулся и встал. Мы все – кубарем на пол.

Дети! Быстро – из вагонов!

Ступеньки лестницы – что-то уж больно высокие, два моих роста до земли будет.

Прыгай! Прыгай! – толчок в спину – качусь вниз по насыпи.

К лесу! Через поляну, к лесу! Бегом! Быстрей, быстрей!

Что за диво: паровоз наш – на боку, первые вагоны – вообще кверху тормашками. Крики, стоны, плач. И земля – фонтанами к небу.

К лесу! К лесу! Скорее!

Добежали. Почти. Ба-бах – и тишина… Что такое: сверху земля и с боков земля. Разгребаю, выкарабкиваюсь потихоньку. А вон и наши ребята – кто уже в лесочке, под деревом, кто, как и я, из земляных завалов выбирается. Мечутся взволнованные воспитательницы…

Сижу, прислоненный к стволу дерева. Что произошло, что происходит – просто сообразить не могу, и - гул в голове, ничего не слышу и не понимаю.

Воспитательница протягивает почищенное яичко и кружку с молоком.

Идем лесом. Долго. Идем, идем, идем.

Заходим в какие-то деревушки. Заправляемся слегка, и снова – в дорогу.

Соображаю плохо, как во сне.

О, а где же это мы? Да, это уже … наш дом. Ура!

Воспитательница стучит в дверь. И на пороге – моя мамуля:

Гришутка!…

Где-то в своих мемуарных заметках маманя описала эту сцену. И увидел я себя её глазами:

Маленький (трех-с половиной-летний) мальчик, босиком (куда подевались её такие замечательные сандали?), грязный, оборванный, перевязанный какими-то с кровавыми пятнами тряпками - заместо бинтов (осколочек какой-то по спине резанул, - в миллиметрах от позвоночника…).

Я помню, как раздели, как помыли, как накормили меня.

Помню, как попытался я что-то рассказать мамане, - и не смог. Ни слова не смог из себя выдавить.

Помню, встал перед табуретом на колени, положил голову на руки, и от всего пережитого и в особенности от пришедшей ко мне немоты – беспомощно, тихо и горько заплакал…

Вот так в сентябре 41 года и состоялась моя встреча с Гитлером. Да, конечно, не лично. Через посредников.

3. Встреча с Победой
(9 мая 1945)

В одно из майских утр, точнее в то время, когда ночь начинает переходить в рассвет кто-то забарабанил в окно нашего домика. Разлепив глаза, я увидел приплюснутое к стеклу лицо Наила (симпатичного татарского мальчишки, нашего с Леонидом дружка).

- Победа! Победа! – колотил он в окно. – Война кончилась!!

А на улицу – в предрассветных сумерках, уже высыпала вся военторговская публика. Всеобщее возбуждение, крики, объятья…

Но подождите, подождите, а как же жить-то теперь – без войны-то? Во имя чего? Всё как-то сразу обессмыслилось.

И что же - теперь снимать со стены карту, на которой флажками обозначалась движущаяся к Берлину, извивающаяся от Балтийского до Чёрного моря, линия фронта?

И что же – теперь уже не услышишь по вечернему радио звеняще-торжественный голос Левитана: «Наши героические войска, прорвав оборону противника, освободили города Курск, Харьков, Киев и вышли на государственную границу Советского Союза… В ознаменование… приказываю произвести салют в столице нашей Родины Москве двадцатью артиллерийскими залпами из пятисот орудий… Верховный Главнокомандующий Иосиф (пауза, в течение которой как бы накапливается некая мощная энергия, и вдруг – с силой – выбрасывается из радиотарелки – как разряд молнии, как удар грома, как сверкание клинка, как разрыв бомбы) – С-с-с-талин!!». И сразу следом, по радио – б-бах, б-бах, б-бах (считаем – точно: 20 залпов). Уррра! И этому тоже конец?..

А сводкам о победах 1-го Украинского (знали: там – маршал Конев), 3-го Украинского (маршал Толбухин), 4-го Украинского (Малиновский), а тем более о победах наших любимых фронтов – 3-го Белорусского (по-левитановски, в конце приказа: командующий фронтом генерал армии Черняховский. Молодой, наш любимец! И вот горе: убит. Скорбим о молодом генерале), 2-го Белорусского (по-левитановски: «…маршал Рокоссовский и начальник штаба генерал-лейтенант Боголюбов»), 1-го Белорусского («…маршал Жуков и начальник штаба генерал-полковник Малинин») – до сих пор все фамилии на слуху. Что, и этому торжественному, ликующему звону левитановских колоколов – тоже конец?

И уже не будем мы с братом ревниво следить за тем, чей фронт первым ворвется в Берлин – его (1-й Белорусский – с Жуковым), или мой, возглавляемый красавцем-маршалом Константином Константиновичем Рокоссовским (ах, как заразительно прекрасно раскатывается эта буква «Р»: Р-р-р-рокоссовский!)? Страдал, узнав, что «Лёнькин» Жуков брал Берлин, а «мой» - Рокоссовский – где-то топтался неподалеку… Где было знать тогда, что так распорядился кремлевский Хозяин!

И не будем мы больше собирать носки и варежки для красноармейцев?

И не услышим больше дробной поступи проходящих мимо окон отправляющихся на фронт батальонов – с их возвышенно-прекрасными, с их грозными песнями:

Среди лесо-о-о-в дремучих
(и стройная дробь сапогов: трам-трам-трам)

Среди родны-ы-ы-х полян
Живет страна-а-а могучих
Отважных партизан (трам-трам-трам)

Суровый голос раздаётся (трам-трам-трам)
Клянё-ё-мся зе-е-млякам,
Покуда се-е-е-рдце бьётся (трам-трам-трам)
Пощады нет врагам.

И Колька Болосов (соученик Леонида) не будет больше «сыном полка» и не будет приходить к нам – в стянутой ремнями-портупеями гимнастёрке и зеркально начищенных гуталином сапогах – и переписывать в Лёнькину тетрадь свои любимые военные песни:

Что ты смотришь угрюмо, товарищ,
Бородою седой ты оброс,
И в борьбе, средь боёв и пожарищ,
На себя посмотреть не пришлось?

И уйдут в прошлое такие просто потрясающие фильмы, как «Секретарь райкома» (с очаровательной Ладыниной и Ваниным), «Радуга» с Ужвий, «Два бойца» с Бернесом и Андреевым, «Актриса» с Бабочкиным и Сергеевой, «Зоя Космодемьянская», «Она защищает Родину»…? О чем же тогда в кино рассказывать – как люди «мирно» в магазин ходят и хлеб жуют?

Я вообще не представляю – как это люди до войны жили (чем они занимались-то?) и как они теперь будут жить – после неё. Да, жизнь утрачивает свой смысл, свой стержень, свою энергию, напряжение. Становится пустой…

Такие вот мысли-ощущения примешивались к чувству послепобедной радости… Но постепенно, потихоньку-полегоньку начали появляться в течении жизни какие-то отдельные смыслообразующие островки; оказалось, что и без войны жить можно, оказалось, что и в мирное время можно найти кое-какие увлекательные занятия…

А когда всё успокоилось, и о войне начали постепенно забывать, грянула (вернее, после четырёхлетнего перерыва продолжилась, начатая в 30-е годы) другая война – с собственным народом. Как это у Евтушенко:

Какие стройки, спутники в стране!
Но потеряли мы в пути неровном
и двадцать миллионов на войне,
и миллионы - на войне с народом.

Вот на этой «войне» и произошла моя четвёртая встреча.

4.Встреча со Сталиным

(Апрель 1948 года)

И тоже – через посредников.

Разбуженный посреди ночи, я лежал в постели под тонким колючим зеленым одеялом и смотрел. Мало, впрочем, что понимая.

Но ощущение какой-то наваливающейся на нас беды было. Я различал ее в голосе матери – я никогда не слышал такого его дрожания: старалась говорить по-учительски спокойно, но голос предательски вздрагивал, прерывался, казалось, еще немного – и она разрыдается.

- Да, это же ребенок 4-х летний раскрашивал. Какие перечеркнутые портреты Ленина и Сталина?

«4-х летний ребенок» – это Сашуха. Рисовальщик, надо сказать, как и я, бездарный: умел рисовать только плоские, кривые домики с трубой, из которой высоко в небо уходила некая спираль, долженствующая изображать дым, да еще – такие же плоские – танки и с самолетами над ними; черточками изображался полет пуль, бомб и снарядов, летевших из танков и самолетов со звездами в танки и самолеты со свастикой. С раскрашиванием у него дело обстояло лучше. Про специальные альбомы «для раскрашивания» мы тогда и слыхом не слыхали. Сашуха брал настенные календари, материны учебники по литературе, слюнявил – для яркости – грифели цветных карандашей – и … начинал украшать великих: румянил им щеки, чернил или коричневил им волосы, а у кого усы, то - и усы, маршалам желтил погоны, краснил большие маршальские звезды, кители покрывал зеленью, а портупеи - синевой. Сталинский китель красил ярко-зеленым – с особым тщанием и любовью. Но … соскальзывал карандаш в неуверенной детской руке, и залезали цветные черточки за пределы строгих контуров вождей. Румяна выскакивали за пределы ленинских щек, ярко-зеленые полоски пересекали контуры сталинского кителя.

- Найдены книжки с перечеркнутыми портретами вождей. На лбу товарища Ворошилова подрисовано большое кровавое пятно…

Похоже! Правда, не прямо на лбу, а на буденновке – переусердствовал Сашуха с раскраской звезды «на лбу». Её строгие пятиконечники расплылись под ярко-багровым карандашом, а, кроме того, захотелось ему – для красоты – добавить лучики, бегущие от этой самой звезды. Лучики получились кривоватыми, неровными – словно струйки кровавые. В общем, долбанули товарищу Ворошилову прямо в лоб с пяти метров из мелкокалибирки.

- … кровавое пятно. Записал?

Диктовавший был в фуражке. Запомнил его сапоги и темно-синие галифе. Он по-хозяйски расхаживал в наших малюсеньких комнатенках, рылся на этажерке, заглядывал в ящики комода, засовывал руки под матрацы.

Что делал отец, не помню. По-видимому, не суетился и молчал.

Запомнился только его уход. Белое-белое лицо, склонившееся ко мне, глаза с едва проступающей влагой, и плотно сжатые губы, которыми он прикоснулся к моей щеке.

(Господи, а было-то ему всего 42 года, и это был, как я узнал много лет позднее, его четвёртый(!) арест!).

Куда увели отца эти двое (или трое?), в фуражках и галифе, - не имел понятия.

Но то, что – ночью, то, что так дрожал голос матери, то, что после их ухода она села за стол и, никогда не курившая, выкурила несколько штуковин «Беломора», то, что, молча и долго, смотрела в окно в серую полуночь-полуутро – становилось ясно, что пришла Беда. И как-то сразу почувствовал, что что-то тяжелое, взрослое легло и на мои 10-летние плечи…

- Мам, я пойду в очередь, за мукой…

Это были предмайские, предпраздничные дни. В магазинах «выбрасывали» муку (на пирожки и лепешки к праздничным столам), и за ней выстраивались длинные (бесконечно длинные) очереди: становились с вечера и каждый час ночью уточняли и переписывали номера очередников. Я пришел в четыре, и на моей ладони химическим, фиолетовым карандашом вывели: 1586.

Будем на 1-е Мая с мукой!

Юлиан НАДЕЖДИН

Вот и кончилась война
(Семейный архив)

Какие бы бодрящие даты нашей боевой истории не показывали календари, для моей семьи Великая Отечественная закончилась не семьдесят пять лет назад, а много позже, где-то уже в самый разгар нынешнего десятилетия нового века. Как-то просматривал на досуге домашний архив – довольно объемистую папку с пометкой на обложке «Отец». В ней всё про войну, ну или выражаясь пафосным языком злободневной публицистики, про цену нашей победы. Всё - начиная с его трудовой книжки - инженера-тепломеханика, питомца Ивановского энергетического института 1931 года выпуска. Как сказано в самой последней ее записи, 9 сентября 1939 года он выбыл «для прохождения военно-учебных сборов в ряды Р.К.К.А.». В отдельном, особо оберегаемом конверте держу сохраненные мамой письма отца домой со сборов. Найдется и кое-что из маминой бурной переписки с его однополчанами, начатой тридцать лет спустя после войны, когда, по ее собственным словам, «улеглось горе, прошла острота потери». Есть в папке и письма ее главного корреспондента – учителя истории из литовского города Клайпеда Витаутаса Римгайла. И это не считая полного собрания моих собственных публикаций об отце в газете «Вечерняя Пермь» и в ярославском «Северном крае». В отцовский паспорт вложено полученное мамой извещение райвоенкомата о том, что «Ваш муж мл. л-нт Надеждин Федор Федорович, уроженец г. Иваново, находясь на фронте, пропал без вести в июне 1941 года».

У мамы эта бумага всю жизнь вызывала чувство, похожее на обиду, только, думаю, гораздо сильней и горше, оно-то и не позволяло ей сидеть сложа руки. После того, как из Министерства обороны в ответ на ее запросы и сразу после войны, и позже не ответили, как она говорила, «ничего ясного», начала она свою многолетнюю сердобольную переписку - по адресам, присланным Витаутасом. Уже в преклонных годах ездила она в Ленинград на встречу ветеранов отцовской 10-й стрелковой дивизии 8-й Армии Северо-Западного фронта. После встречи в школе ленинградского пригорода Стрельна, где собрана музейная экспозиция из истории десятой дивизии, посвятила подробнейшему ее описанию отдельное письмо. С гордостью сообщала,

что ей вручен Почетный знак ветерана дивизии. Так что в конце жизни, вспоминая своего Федора, и горевать ей было о чем, и было чему радоваться.

Но о судьбе отца на войне мы долго ничего не знали. Конечно, неизвестность тревожила и меня. В 1979 году я ездил в Литву, но даже и премудрый, всегда полный оптимизма Витаутас то ли в шутку, то ли всерьез пробовал хоть как-то успокоить наши души суровой дантовской строкой «Оставь надежду навсегда». Успел смениться век, прежде чем настало утро, когда я, закрыв отцовскую папку, просто наудачу забил в Интернете длинную строку «Федор Федорович Надеждин, младший лейтенант, пропал без вести в июне 1941 года». И тут же получил, похожий на категорическое возражение, самый конкретный ответ, такой быстрый, что могло показаться, будто хорошо мне известный, открытый еще в 2005 году Объединенный банк данных «Мемориал» Министерства обороны РФ давно только и дожидался моего запроса. Сам я не раз, когда писал об экспедициях ярославских поисковиков, говорил в газете о том, как необходим долгожданный «ОБД» тысячам и тысячам моих соотечественников. Видел его в действии в зале-некрополе московского Центра толерантности на улице Образцова, где из сумрачных глубин черного экрана во всю стену выплывали, укрупняясь, имена погибших. Попробовать, пользуясь случаем, что-то узнать про отца я тогда в репортерском цейтноте просто не успел. А в то утро, сидя у компьютера, я не на шутку опешив, прочел вслух: «Гарнизонное кладбище в Риге», со ссылкой на документ из Центрального архива Министерства обороны - донесение из Пролетарского райвоенкомата города Риги о перезахоронении из общей могилы в предместье Риги на Гарнизонное кладбище останков 21 красноармейца, включая шофера и троих офицеров, в том числе младшего лейтенанта Ф.Ф. Надеждина 1910 года рождения (тот самый год, наш!). Сюжет до слез обычный для первого года войны, знакомый многим хотя бы по прозе Симонова, Астафьева, Василя Быкова. Так вот, в конце июня 1941 года эта группа (как нетрудно догадаться, в составе взвода, и судя по наличию шофера, располагая каким-то автотранспортом), с боями отступая из Литвы, под Ригой попала в окружение, была расстреляна или погибла в перестрелке. Местные жители похоронили всех в общей могиле, видимо, втайне от немцев умудрившись на свой страх и риск позаботиться о сохранности документов погибших. К очередной круглой дате начала войны, в 1961 году, их останки были перенесены на старинное, известное с конца позапрошлого века, воинское кладбище латвийской столицы. Интернет подсказал, что над Гарнизонным кладбищем в Риге шефствует ветеранское объединение под названием «Русское общество

Латвии». Мне стало ясно, что судьба отцовской дивизии латышских ветеранов тоже интересует, когда на сайте «Русского общества» нежданно-негаданно нашел я полный текст собственной публикации в «Северном крае» «Письма на пустой мостовой» (номер за 20 июня 2007 года), а затем и описание первых боев десятой дивизии, выдержанное в том эпическом стиле, каким чаще всего пишут свои труды военные историки. Десятая, сообщает нам «Русское общество», входившая в состав 10 стрелкового корпуса 8-й Армии Северо-Западного фронта, с началом вторжения противостояла всей Мемельской группировке 18-й германской армии. В течение суток её подразделения мужественно сражались с превосходящими силами противника, а затем с боями (зачастую разрозненно) начали отходить в направлении Елгавы и Риги, не имея связи с соседними частями. Цитата: «Необходимо отметить, что воины 10-й дивизии проявили завидное самообладание и в большом числе, сохранив боеспособность, вышли к Риге, где по правому берегу Даугавы (Западной Двины) заняли оборонительный рубеж и приняли участие в боях за столицу советской Латвии». Элита вермахта была нацелена на Ленинград, и вовсе не надо быть специалистом по военной истории, чтобы понять, почему бои на этом направлении были такими ожесточенными. Но как все-таки такое могло произойти, когда в тех первых боях у границы было выбито все кадровое ядро пятимиллионной Красной Армии? Если собрать всё, что об этом за семьдесят лет написано, получится целая многотомная библиотека. А вопросы все равно остаются, и давайте, размышляя о причинах и следствиях тех первых поражений, не будем далеко ходить - сверимся с тем, о чем писал домой со сборов младший лейтенант Федор Надеждин.

Мирное время в нашей семье закончилось в тот самый день, когда мама получила от отца открытку с непонятным штемпелем отправления «Полевая станция №107». Сын врача и внук священника, инженер с институтским дипломом, человеком наш Федор Федорович был аккуратным. Письма своей молодой супруге со сборов неизменно начинал он с указания места и точной даты отправления. Этот «дневник в письмах» (всего их двадцать одно) мама тщательно пронумеровала, а последние два письма с границы, ввиду их особой важности, даже на всякий случай скопировала. Правда, прочесть их сыну-журналисту дала только в начале 90-х годов, перед самым своим уходом. Причем строго предупредила: дескать, читай да помалкивай, «а то нас как-нибудь не так могут понять». Сей наказ не забываю и сегодня. То, о чем начиная с осени 1939 года – иногда и прямым текстом – писал с западной границы младший лейтенант Надеждин, мягко говоря несколько

расходится с общепринятой версией начала Великой Отечественной войны – якобы к войне мы не готовились, немцы вероломно напали на наш мирный Советский Союз, ну и так далее, по текстам юбилейных статей к Дню победы. Конечно, нападение было вероломное, бандитское, кто же с этим спорит? А вот глубокомысленные заверения некоторых высокопоставленных экспертов насчет мирного Советского Союза младшего лейтенанта Надеждина, должно быть, очень бы позабавили.

Судя по письмам, во всем том, чему их учили на «учебных» сборах, для их автора и его однополчан каких-то больших секретов не было. Почитаем для начала ту первую, написанную несмываемым химическим карандашом открытку, с «Полевой станции №107». Дата: 26 сентября 1939 года. Адрес отправителя: «Действующая армия (как это, к войне не готовились, а наша армия – уже действующая? – Ю.Н.). Смоленский военно-сортировочный почтовый пункт, полевая станция номер такой-то (полевая – значит фронтовая и походная), 204 с.п., 2 батальон. Читаем письмо: «21-го сентября я посмотрел на пограничные знаки СССР и б.Польской республики (так и написано, «б», значит «бывшей») и через порванные кем-то до нас проволочные заграждения, что означало материальное представление о границе между двумя сопредельными странами, перешагнул на чужую территорию».

Начиная с декабря 1939 года он пишет уже из Литвы – из Свенцян, Рвэтаваса, Плунге. Новый адрес называет «условным»: Б.С.С.Р. г. Минск, п/о 47, подразделение №20. Не преминул и улыбнуться: «Минск от меня так же близко, как от вас Ленинград». На зимние квартиры отец переехал еще ближе к границе с Восточной Пруссией в тихий городок под названием Плунге, с костелом и парком. Под новый сорок первый год получил он и новое назначение – в разведку. «Работа, пишет, совершенно новая, очень сложная, если ее выполнять по-настоящему. Поэтому сейчас переживаю неприятный момент, когда оттолкнулся от хорошо знакомого берега и неизвестно, где пристанешь к далекому неведомому». Что за неведомый берег такой, намекнул в одной из следующих депеш: «Ездил верхом вдоль неукрепленной границы: мурашки по коже». Как-то после нескольких бессонных ночей «проспал без просыпу 14 часов». И через многоточие – о новой злобе дня: разрешили приезд семей. Командиры из запаса приняли новость с большой осторожностью, «витает вопрос: будут ли семьи после свидания выпускать обратно?».

Мама изъявила желание незамедлительно прибыть. Ничего её не испугало, отправилась в Плунге Новый год встречать да еще и меня, четырехлетнего, с

собой привезла. Мы прожили там до весны. 30 апреля 1941 года отец взял отпуск, сказал нам «Больше здесь нельзя» и увез нас на поезде в Иваново. Но одну из самых загадочных фраз всей переписки отец написал еще до того, как мы приехали в Плунге: «В моей черепной коробке зреют такие мысли, что мы встретимся и уже надолго, когда я изучу хорошо немецкий язык. Понятен ли тебе весь глубочайший смысл моей символики?». Маме тот «глубочайший смысл» был ясен, как белый день, но прямо об этом она никогда не говорила, именно из-за той символики она и опасалась, что «нас как-нибудь не так поймут». Как понимал намек сам автор, про то оба его самых последних послания домой. Написаны они в том настроении, какое принято называть «чемоданным», когда на дорожку по-русски присаживаются помолчать, и как тут не вспомнить его фразу насчет «неведомого берега». «Сейчас, пишет, сяду ужинать». На календаре отцовской жизни – 25 мая и всего через месяц ей суждено оборваться в пучину времен. А он, как ни в чем не бывало (не дай Бог невзначай чем-нибудь нас встревожить), про меню своего непритязательного ужина: «известное тебе «сырое мясо» (а ля рулет), запиваю молоком. Чая сегодня, увы, не предвидится. Спать лягу рано, завтра в 7-40 уезжаю из Плунге в лагерь. Квартиру, конечно, оставляю за собой… Беру одеяло, простынь, две маленьких подушки, чемодан. Все остальное оставляю на месте».

«На месте» писалось и самое последнее письмо, его дата - 8 июня: «Вчера вернулся из лагерей, чтобы завтра вновь покинуть их, лагеря, на сей раз, очевидно, на все лето…». Многоточий еще будет несколько. Хоть и вскользь, касается самой злободневной для него темы того лета – походной: «В маленькой комнате поселился капитан из авточасти (приписник), который появляется только в час полуночный…». Через абзац без всякого напоминания о «символике» относительно освоения немецкого языка дает собственный уверенный оптимистический прогноз на то, когда намерен пройти весь «учебный курс»: «Никакого сомнения не может быть в том, что осенью мы будем вместе во всех случаях жизни (если не развяжется война)…». Тут товарищи армейские особисты, наверное, оценили мастерство отцовской тайнописи – не только не побоялся написать слово «война», за что могли крепко дать по шапке по причине «провокационных настроений», а и умело использовал его для маскировки по вполне доходчивой логике: война – это про Гитлера, не про нас. А про нас, не забудем, что поется в известной всем песне: «Если завтра война, если завтра в поход». Заканчивается его последнее письмо так: «…Но сейчас, наблюдая за всем происходящим вокруг меня, я бесконечно

спокоен за то, что вы находитесь в глубоком, глубоком тылу. Томительно тянутся дни…».

О том, что происходило «вокруг» начиная с середины июня, отец написать не успел, а скорее всего не мог, не имел права даже намеком. Тут уж, действительно, была тщательно оберегаемая государственная тайна столь экстраординарной важности, что и четверть века спустя семь после окончания войны она со всех сторон окружена опасливыми оговорками и умолчаниями. С весны 1941 года в заключительную фазу вступила подготовка к освободительному походу Красной Армии в Европу. В Ярославле меня нашел однополчанин отца командир огневого взвода зенитного дивизиона Владимир Суханов. Пришел в редакцию, я внимательно его слушал, публикация в «Северном крае» о той встрече была озаглавлена: «Верны присяге и чисты перед Богом». По округе, рассказал он, силами саперов, военных строителей и литовцев из местных жителей ускоренными темпами били щебень из булыжного камня, который собирали по окрестным полям. Шел он, в дополнение к дереву и грунту, на обустройство огневых позиций приграничного укрепрайона, на новые армейские дороги к границе, служившие одновременно и взлетно-посадочными полосами полевых аэродромов – на них в первые же часы военных действий, не успев подняться на крыло, погибла чуть ли не вся авиация первого стратегического эшелона Красной Армии. Главный секрет этой странной подготовки к обороне неприступных рубежей Советского Союза всего одной фразой раскрыл в книге своих мемуаров маршал Иван Баграмян – по его словам то была «преднамеренная имитация оборонительных работ». Тем временем «вокруг» назревали большие события, отсюда и откровенное признание отца из его последнего письма о том, что он бесконечно спокоен за нас, за то, что находимся мы «в глубоком-глубоком тылу». Тут ведь, ясно же, чисто фронтовая психология: переехав в полевые лагеря, они-то не первый день чувствовали себя как на передовой. В нарастающем напряжении, а оно особенно чувствуется в последнем отцовском письме («Томительно тянутся дни…»), ждали команды «вперед». А если есть фронт, значит, должен быть и тыл.

Еще раз откроем наше семейное досье. В одном из писем Римгайлы читаем: после войны его ученики-краеведы в болотистом редколесье под Плунге находили советские винтовки с полными магазинами. А что тут удивляться. Сражались, кто, как однополчане отца, до последнего патрона, а кто и до последнего солдата, когда стрелять уже было некому. Да, знаем, помним Брестскую крепость, стояли там на смерть. У этой нашей памяти срока давности нет. Но не забудем занести в

цену победы и те первые бои десятой дивизии, когда и в героях-то побыть не успевали. А есть ведь еще и цена человеческой жизни на войне. Об этом тоже кое-что найдется в отцовской папке.

Прошла – да, целая жизнь, но я в Плунге все же приехал. Собиралась и мама, но приболела тогда, и мы отправились в путь вдвоем с женой Таней – у нее отец тоже погиб в самом начале войны, под Ржевом, и она еще и поэтому принимала близко к сердцу «литовскую тему». Так вот, мы втроем (с нами, конечно, в роли проводника дружище Римгайла) сворачиваем в Плунге к замершим по стойке смирно в нишах парковых ворот рыцарям с уморительно насупленными минами, с франтовато закрученными усами. Меня ведет безошибочная первая детская память – по аллеям, где так неправдоподобно давно мы с мамой, встречая отца у штаба, собирали из-под первого снега каштаны, по замшелым виадукам над прудовыми протоками, где потерпела крушение, наверное, целая эскадра моих бумажных корабликов. Огибаем за парком костел. Опрометью бросаюсь через дорогу к длинному деревянному одноэтажному дому на горе над речной поймой, со скворечником, прибитым, как и до войны, там же на торцевой стенке, с булыжным проездом во двор. Как заправский экскурсовод распахиваю перед моими спутниками незапертую калитку. Брожу возле крыльца со сбитым напрочь дыханием – крыльцо цело, а вот от конюшни в глубине двора остался только заросший разнотравьем кирпичный четырехугольник фундамента. В телеге, запряженной лошадьми из этой конюшни, два веселых конюха Кастас и Йонас не раз возили меня на малуню, на мельницу. По уши выбелиться в муке - любимейшее было занятие! Вспомнил об этом и в ответ услышал шумную скороговорку Витаутаса:

- Так когда, говоришь, вас отправили отсюда в сорок первом, в конце апреля? Считай, что в рубашке родился. А хотите покажу, где бы вы с твоей матушкой оказались месяца полтора спустя, если бы загостились?

Показывай, отвечаю, показывай, друг Витаутас, крути жизнь назад на полную катушку. Привез он нас на другой день в Димитравас под Кретингой, к мемориалу на месте концлагеря. Туда на скотный двор большой помещичьей усадьбы под надзор гестапо попали семьи командиров и политруков.

- Эти старые ивы много чего могли бы нам рассказать, - бормотал себе под нос Римгайла.

А вечером у себя дома преподнес – с наказом «храни как документ, только бери пинцетом» - две потрепанные купюры 40-х годов в самодельном конверте, по пять рейхсмарок каждая. Объяснил: в начале войны вермахт торговал со своим

тылом рабочей силой, Римгайла в архивных делах видел те квитанции, не дрогнувшей рукой армейского клерка оформленные по ходу сделок. Женщину или мальчика в Димитравасе продавали в сорок первом и следующем годах, по вполне доступной, как предположил Витаутас, для германского бюргера оптовой цене в пять марок.

На долгом выдохе отправляю злополучный конверт в отцовскую папку. Ну вот, теперь уж точно, Великая Отечественная для семьи младшего лейтенанта Федора Федоровича Надеждина, слава Богу, закончилась. Мой сын и взрослая внучка про эту папку давно знают, а новость про Гарнизонное кладбище в Риге узнали они первыми. Им тоже не надо объяснять, почем на войне душа живая.

ОБ АВТОРАХ

Арсланов Виктор Григорьевич – доктор искусствоведения, профессор

Водолазов Григорий Григорьевич – доктор философских наук, профессор МГИМО, вице-президент Академии политической науки

Лозбенев Игорь Николаевич – д.и.н., учитель истории школы № 1534 «Академическая»

Лозбенева Татьяна Борисовна – преподаватель, Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

Мухачев Вадим Владимирович – главный научный сотрудник Института социально-политических проблем, доктор философских наук, профессор.

Надеждин Юлиан Фёдорович — поэт, журналист

Павельев Давид Джемалович – журналист, ген. директор издательства «Новые перспективы», ответственный секретарь редакции журнала «Демократия и социализм XXI».

Славин Борис Фёдорович – доктор философских наук, профессор МПГУ, главный редактор журнала «Демократия и социализм XXI»

Смирнов Прохор Сергеевич – студент 3 курса МГИМО

Хорос Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, ИМЭМО РАН

Щербаков Константин Александрович – кандидат философских наук, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, в 1992-1998 гг. заместитель министра культуры Российской Федерации.

Эпштейн Давид Беркович — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Северо-Западного научно-исследовательского института экономики и организации сельского хозяйства РАСХН